

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

выпуск № 32

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ**

2025

Региональная общественная организация «Общество культуры Принеманья»
Московский финансово-юридический университет МФЮА
Научно-исследовательский центр имени П.А. Румянцева «Мысль»

ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Научный рецензируемый журнал, образовательное СМИ
№ 4 (32) / 2025

Входит в перечень ведущих рецензированных изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)

Калининград
2025

УДК 08(082)
ББК 71.41ж.я5

П78

Проблемы межрегиональных связей. — Калининград : [б. и.], 2025 - Вып. 4 (32) / РОО «Общество культуры Принима́нья», Моск. финансово-юрид. ун-т МФЮА, НИЦ им. П.А. Румянцева «Мысль»; редсовет: А. Г. Забелин [и др.]; редкол.: В. А. Шахов [и др.]. — 2025. - 94 с. : рис., табл.; 29 см. — Библиография в конце статей.
ISSN 2414-5734

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Забелин Алексей Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Член-корреспондент РАО, Действительный член Академии гуманитарных наук, ректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, Москва)

Мнацаканян Альберт Гургенович, доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Калининград)

Дорофеева Виктория Вячеславовна, доктор экономических наук, доцент, заведующая отделением «Экономика и управление» Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (Россия, Калининград)

Даулетбаков Бакыткан, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Бухгалтерский учет и финансы» Алматинского технологического университета, Академик Академии сельскохозяйственных наук Республики Казахстан (АСХН РК), Почетный работник образования Республики Казахстан (Республика Казахстан, Алматы)

Джолдасбаева Гульнар, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика и менеджмент» Алматинского технологического университета (Республика Казахстан, Алматы)

Векленко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный работник высшей школы РФ (Россия, Калининград)

Финогентова Ольга Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор ОНК «Институт управления и территориального развития» БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград)

Назаренко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Калининградского филиала Российского университета кооперации (Россия, Калининград)

Юркин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН», (Россия, Москва)

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», Член-корреспондент Немецкого Археологического Института в Берлине (Россия, Москва)

Ярцев Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, директор МАУК «Музей «Фридландские ворота», профессор ОНК «Институт образования и гуманитарных наук» ФГБОУ ВО «БФУ им. И. Канта» (Россия, Калининград)

Галыга Владимир Владимирович, заместитель директора института инженерной педагогики и гуманитарной подготовки Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, Калининград)

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» (Россия, Санкт-Петербург)

Шахов Вячеслав Александрович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «КГТУ», старший научный сотрудник Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (Россия, Калининград)

Суворова Ирина Михайловна, доктор культурологии, доцент, проректор по учебной работе, директор Института истории, социальных и политических наук, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (Россия, Петрозаводск)

Забелин Олег Алексеевич, кандидат технических наук, доцент, первый проректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (Россия, Москва)

Капитальчук Иван Петрович, профессор кафедры географии и туризма ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», доктор географических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук (ПМР, Тирасполь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Шахов Вячеслав Александрович, доктор культурологии, доцент, заслуженный работник культуры РФ (*Главный редактор*).

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института археологии РАН (*научный редактор*).

Берестнев Геннадий Иванович, доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (*литературный редактор*).

Филиппов Вадим Николаевич, директор Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (*ответственный за выпуск*).

Кафидов Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (*технический редактор*).

Минаева Оксана Александровна, кандидат экономических наук, проректор по учебной работе АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА» (*куратор головного вуза*).

Пекина Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Научные статьи журнала включаются в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Проблемы межрегиональных связей», допускается только с письменного разрешения редакции.

Сайт журнала: <https://kaliningrad.mfua.ru/science/magazine/>

Распространяется в Российской Федерации в розницу.

Учредитель и издатель:

Региональная общественная организация «Общество культуры Принеманья».

Идается при финансовой поддержке

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА».

Рецензируемый научный журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области (Реестровая запись о регистрации СМИ ПИ № ТУ39-00447 от 27 февраля 2023 г.), входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки); 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология); 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки)).

ISSN 2414-5734

№ 4(32) / 2025

Издаётся с 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Тираж 500 экз. 1-й завод 150 экз.

Подписано в печать 10.12.2025. Дата выхода в свет 25.12.2025.

Адрес редакции: 236022, г. Калининград, ул. Ермака, 3.

Адрес издательства:

ООО «РА ПОЛИГРАФЫЧЪ»

Место нахождения: 236034, обл. Калининградская, Калининград, ул. Новинская, 4, 1

Почтовый адрес: 236022, обл. Калининградская, г. Калининград, ул. Уральская, 9, 11

Отпечатано в ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., д.88, Литер У. e-mail: 248633a@mail.ru

© Авторы статей, 2025

© РОО Общество культуры Принеманья», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

1. Кузин В.И., Давыдова О.А.

Понятие экономической политики рыбохозяйственного комплекса и её региональная составляющая на примере Калининградской области 5

2. Горбунова В.Б., Кафидов В.В.

Стратегические аспекты обеспечения экономической безопасности в условиях кризиса 12

3. Наринян А.А., Кожиев А.Ю.

Этика устойчивого развития и аддитивные технологии: оценка вклада в циркулярную технологию 19

Культурологические науки

4. Асеева М.А., Гусарова С.В.

Дворцы Московского Кремля: от Рюриков до смутного времени 23

5. Ван Сяоюй

От храмов к жизни: возрождение традиционных китайских тотемов в современном дизайне 28

6. Дорофеева Е.В.

Обучение служением: мониторинговое исследование готовности студентов и курсантов осуществлять добровольческую деятельность 33

7. Иванова Ю.В., Гомбоева М.И.

От ремесла к цифровому самовыражению: сетевые сообщества как пространство культурной идентичности 39

8. Калита С.П.

Современный вузовский музей: актуальные вызовы и особенности функционирования 46

9. Кулаков В.И.

Прусские мечи эпохи меровингов 50

10. Ма Ин, Сундуева Д.Б.

Социокультурный капитал как основа формирования межкультурных компетенций специалистов в сфере творческой индустрии 54

11. Се Ситун

Феномен успешности Линнаньской (Кантонской) школы живописи (на примере Гуанчжоу и Шанхая) 58

12. Ян Юаньшуай

Сохранение объектов культурного наследия сельских поселений Китая: институализация смысловых доминант 63

13. Чжан Мяо

Живое наследие и телесная философия культуры: традиция укладки волос у женщин мяо (КНР) деревни Дуйцзяо как феномен воплощения памяти 68

14. Чжао Шаолу

Репрезентация образа благородного мужа в традиционной китайской живописи 73

15. Чжан Сяочжэнь

Художественно-культурологическая концепция «линъюнь»: эволюция философского содержания, комплиментарность с японской эстетикой 78

16. Ярыгин Н.Н.

Становление свободы совести в современной России (на материалах Калининградской области) 82

17. Яшина С.Л.

Служение как явление российской культуры 86

Понятие экономической политики рыбохозяйственного комплекса и её региональная составляющая на примере Калининградской области

Аннотация. В статье анализируется влияние экономической политики рыбохозяйственного комплекса (РХК) на региональную экономику, подчёркивая недостаточную изученность этой темы из-за неадекватного отражения вклада отрасли в официальную статистику и экономические исследования. Обосновывается потребность в регулярной оценке эффективности такой политики на региональном уровне. Показаны результаты анализа влияния экономической политики РХК на региональные отраслевые показатели. Выявлена понижающая динамика производства, что обусловлено влиянием широкого контекста факторов, включая внеэкономические, часть из которых действующая экономическая политика РХК не может нивелировать. Делаются выводы о целесообразности корректировки подходов к формированию и реализации экономической политики РХК на основе более глубокого учёта региональных факторов.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс (РХК), рыбохозяйственные предприятия, региональные показатели, экономическая политика, объём производства рыбной продукции, регрессионный анализ.

*Ольга ДАВЫДОВА,
Владимир КУЗИН*

*Калининградский институт управления, Россия
Калининградский государственный технический университет, Россия*

В нормативно-правовой базе России понятие экономической политики не закреплено. Имеется ряд документов, отсылающих к государственной экономической политикой [1, 2], однако они включают комплексы мер (планы мероприятий) по реализации положений заявлений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации о экономической политике. Упомянутые заявления касаются среди прочего:

- бюджетной политики;
- денежно-кредитной политики;
- валютной политики и управления международными резервами;
- а так же государственной политики в области сельского хозяйства, в части касающейся полномочий Министерства финансов РФ и Банка России.

В части экономической политики рыбохозяйственного комплекса в постановлении Правительства РФ №1201 от 31 октября 1999 г. «О развитии товарного рыбоводства и рыболовства, осуществляемого во внутренних водоемах Российской Федерации» п.8 указывает «Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления: ...шире использовать возможности ассоциаций и союзов, расположенных на территории субъектов Российской Федерации, для реализации государственной экономической политики в области развития рыбохозяйственного комплекса» [3].

В условиях современных экономических реалий и

растущей конкуренции на рынке рыбных ресурсов, эффективное развитие рыбохозяйственного комплекса России становится приоритетной задачей государственной экономической политики. Одним из ключевых факторов, способствующих успешной реализации этой политики, является активное использование возможностей ассоциаций и союзов, расположенных на территории субъектов Российской Федерации.

Ассоциации и союзы рыбопромышленников играют важную роль в координации усилий участников рынка, создании благоприятной среды для ведения бизнеса и реализации совместных проектов. Эти организации способны объединять усилия различных рыбохозяйственных предприятий, способствуя обмену опытом, технологиями и ресурсами. Кроме того, они могут выступать связующим звеном между государственными органами и бизнесом, обеспечивая более эффективное взаимодействие и реализацию государственной политики на местах [6, 7].

Одной из главных задач ассоциаций является представление интересов рыбопромышленников на уровне государственной власти. Это позволяет более точно формулировать потребности и проблемы отрасли, а также предлагать решения, основанные на реальных данных и опыте участников рынка. В результате, государственная программа развития рыбохозяйственного комплекса может быть адаптирована под конкретные условия и потребности регионов, что повысит её эффективность [4, 7].

Кроме того, ассоциации могут способствовать внедрению инновационных технологий и практик в рыбохозяйственный комплекс. Так, например, в Калининградской области по данным органов государственной статистики число высокопроизводительных рабочих мест в 2023 г. по отношению к 2022 г. по укрупненной группе сельское и лесное хозяйство,

рыболовство и рыбоводство выросло на 27,4%. Объединяя усилия, предприятия могут инвестировать в научные исследования и разработки, направленные на устойчивое использование рыбных ресурсов и защиту экосистем. Это, в свою очередь, позволит не только увеличить объёмы производства, но и обеспечить экологическую безопасность, что является важным аспектом государственной политики.

Союзы рыбопромышленников также могут играть важную роль в образовательной деятельности, проводя семинары, тренинги и курсы повышения квалификации для работников отрасли [5]. Это поможет повысить уровень профессионализма и компетенции, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению качества продукции и повышению конкурентоспособности.

Экономическая политика в литературе имеет множество определений, в частности «Экономическая политика представляет комплекс мер и действий,

направленных на регулирование экономических процессов в государстве, являясь также ключевым инструментом государственного управления макроэкономикой, реализуемая для достижения определённых целей и конкретных экономических эффектов» [8].

С другой точки зрения экономическая политика — это совокупность мер и действий, направленных на регулирование экономики страны с целью достижения определённых экономических и социальных целей. Структуру экономической политики можно разбить на несколько ключевых элементов. Результаты анализа компонентов государственной экономической политики, в широком её понимании, и их взаимосвязь (степень влияния) региональных органов власти, а так же степень влияния на рыбохозяйственные предприятия и степень возможности повлиять последних на политику приведена в **таблице 1**.

Таблица 1. Структура государственной экономической политики и взаимосвязь ее элементов с региональными органами власти и рыбохозяйственными предприятиями.

Элемент государственной экономической политики	Уровень (орган управления) принятия решений	Степень влияния на предприятия РХК	Возможность влияния региональных органов власти	Возможность влияния рыбохозяйственных предприятий
Монетарная политика	Банк России	Низкая	Низкая	Низкая
Фискальная политика	Минфин РФ	Существенная	Низкая	Низкая
Стимулирование экономического роста через инвестиции в инфраструктуру и социальные программы	Федеральный, региональный	Существенная	Высокая	Средняя
Внешнеэкономическая политика	Федеральный	Существенная	Низкая	Низкая
Структурная политика	Федеральный	Средняя	Низкая	Низкая
Поддержка и развитие определенных секторов экономики	Федеральный, региональный	Существенная	Высокая	Средняя
Реформа образования и рабочей силы для соответствия потребностям рынка	Федеральный, региональный	Средняя	Высокая	Средняя
Обеспечение социальной защиты и улучшение жизненного уровня населения	Федеральный, региональный	Низкая	Высокая	Низкая

По результатам анализа государственной экономической политики с учётом особенностей РХК понятие экономической политики может быть сформулировано следующим образом: Экономическая политика рыбохозяйственного комплекса — это комплекс стратегий и мероприятий, направленных на эффективное управление ресурсами, развитие рыболовства и аква-

культуры, а также обеспечение устойчивого роста и социальной стабильности в данной отрасли.

Она включает в себя меры по регулированию объёмов вылова, охране водных биоресурсов, поддержке местных производителей, стимулированию инвестиций и инноваций, а также формированию благоприятных условий для развития рыбной промышленности

с целью достижения долгосрочных экономических и социальных результатов.

Растёт значение аквакультуры для Калининградской области, что является результатом реализации государственной рыбохозяйственной политики. В 2023 году рыбоводные хозяйства региона произвели 187 тонн товарной рыбы и 64 тонны рыбопосадочного материала, что на 78 тонн и 2 тонны превышает показатели 2022 года соответственно. Кроме того, впервые в истории российского рыбоводства в этом регионе началось успешное выращивание угря. Благодаря внедрению современных биотехнологий к концу года удалось получить 79 тонн товарного угря.

В 2024 году Калининградская область демонстрирует заметный рост в производстве рыбной продукции и товарной рыбы, а также активизировались процессы зарыбления водоёмов молодью угря. Ключевыми событиями стали выпуск более 2,3 миллиона экземпляров молоди угря в Калининградский залив и увеличение объёмов производства рыбных консервов и пресервов.

В 2024 году в Калининградский и Куршский заливы было выпущено около 2,3 миллиона и 0,5 миллиона экземпляров молоди угря соответственно, что на-

правлено на восстановление популяции этой ценной рыбы.

Однако, если проанализировать как деятельность, осуществляемая в рамках реализации экономической политики рыбохозяйственного комплекса, отражающаяся в региональной социально экономической системе, то не всегда её результаты отражаются в показателях, характеризующих ситуацию. Так, на **рисунке 1** можно увидеть, что индекс потребительских цен на рыбопродукцию в наблюдаемый период (за 2014 год приведены оценки) опережал общий индекс цен для области и страны в целом. Так, в период с 2012 по 2024 года совокупный индекс потребительских цен, рассчитанный методом цепных постановок составила по России в целом составил 247,67%, по Калининградской области 262,46% (на 14,79; выше чем по России в целом), а индекс потребительских цен на рыбопродукцию 281,43%, что на 18,97% выше уровня региональной инфляции.

Основной рост цен на рыбопродукцию зафиксирован в 2014 (115,9%) и 2015 (125%) годы. Рост стал результатом изменений рыночной ситуации, когда после закрытия российского рынка для рыбопродукции из недружественных стран произошло резкое

Рис. 1. Индексы потребительских цен в России, Калининградской области и цен на рыбопродукцию в регионе

снижение предложения. Экономическая политика рыбохозяйственного комплекса была не готова к высокой динамике рыночной ситуации, что привело к повышению цен на рыбопродукцию превышающему темпы инфляции. Это вызвало необходимость отслеживания эффективности экономической политики рыбохозяйственного комплекса в реальном времени.

Чаще всего показателем отражающим эффективность экономической политики на региональном уровне

(на примере Калининградской области) выступает объём производства рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков.

Это обусловлено тем, что [4, 5, 9, 11]:

- производство рыбной продукции, включая переработку и консервирование, способствует созданию рабочих мест и увеличению доходов населения. Высокие объёмы производства свидетельствуют о стабильной экономической ситуации в регионе, что позволяет

привлекать инвестиции и развивать инфраструктуру;

- переработка рыбы и морепродуктов добавляет ценность к сырью, что способствует росту доходов рыбохозяйственных предприятий. Переработка во всем её многообразии позволяет расширить ассортимент продукции, что делает её более привлекательной для потребителей как на внутреннем, так и на внешнем рынках;

- эффективная экономическая политика в области рыбного хозяйства включает в себя управление рыбными запасами и устойчивое использование природных ресурсов. Увеличение объёмов переработки и консервирования может указывать на успешное внедрение практик устойчивого рыболовства и аквакультуры, что важно для сохранения экосистемы региона;

- Калининградская область, обладая выгодным географическим положением, имеет возможность активно экспортировать переработанную рыбную продукцию. Увеличение объёмов производства консервов и переработанной рыбы может способствовать росту экспорта, что в свою очередь положительно сказывается на экономике региона и увеличивает его конкурентоспособность на международной арене;

- рост объёмов производства рыбной продукции также влечёт за собой улучшение качества жизни населения. Создание новых рабочих мест, развитие местных сообществ и поддержка традиционных отраслей рыболовства способствуют социальному развитию региона.

Эффективная экономическая политика в рыбной отрасли включает внедрение современных технологий и инноваций в процесс переработки. Это может привести к повышению качества продукции, снижению затрат и увеличению объёмов производства, что также отражает уровень развития экономики региона.

Объём производства переработанной и консервированной рыбы, ракообразных и моллюсков в Калининградской области и их динамика, показанный на **рисунке 2** является важным индикатором эффективности экономической политики. Он отражает как экономическую устойчивость и социальное развитие региона, так и его способность к внедрению инноваций и устойчивому использованию природных ресурсов. В результате, этот показатель становится ключевым элементом в оценке общего состояния и динамики развития рыбной отрасли в регионе.

Рис. 2. Объём и динамика производства в Калининградской области рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков

Для выявления тенденций в объёме производства переработанной и консервированной рыбы, ракообразных и моллюсков в Калининградской области была построена регрессионная модель. Данная модель позволяет анализировать долгосрочные тенденции в производственных объёмах, что является важным

инструментом для оценки экономической политики РКК в регионе.

Построение регрессионной модели является необходимым шагом, поскольку оно предоставляет данные, которые могут быть использованы для глубокого анализа и понимания изменений в отрасли. Это, в

свою очередь, позволяет более точно оценивать эффективность существующей экономической политики РХК и выявлять области, требующие внимания и улучшения [5].

Важно отметить, что отраслевой экономический подход, применяемый в рамках политики рыбохозяйственного комплекса, не всегда способен полностью нивелировать серьёзные вызовы, возникающие на мировом и международном уровнях. Тем не менее, он должен обладать механизмами, позволяющими снижать негативные последствия таких вызовов. Это может включать в себя адаптацию к изменениям в спросе, колебаниям цен на сырьё и другим внешним факторам.

По результатам моделирования будут сделаны выводы об эффективности экономической политики РХК в Калининградской области. На основе получен-

ных данных будут предложены конкретные решения и рекомендации по повышению её эффективности. Это может включать в себя оптимизацию производственных процессов, внедрение новых технологий, развитие экспортного потенциала и улучшение условий для местных производителей. Такой подход позволит не только укрепить позиции региона в рыбной отрасли, но и обеспечить устойчивое развитие экономики в долгосрочной перспективе [5, 10].

В таблице 2 приведена регрессионная статистика объёма производства в Калининградской области рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков, а на рисунке 2 показана сама регрессионная модель в формате линейной регрессии. Расчёты модели проводились методом наименьших квадратов.

Таблица 2. Регрессионная статистика объёма производства в Калининградской области рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков.

№ п/п	Параметр	Значение
1.	Множественный R	0,788463
2.	R-квадрат	0,621673
3.	Нормированный R-квадрат	0,58728
4.	Стандартная ошибка	19,82527
5.	Наблюдения	13

Значение множественного R 0,788463 демонстрирует степень корреляции между предсказанными и фактическими значениями зависимой переменной. В нашем случае, значение близкое к 1 говорит о достаточно сильной положительной корреляции.

Значение R-квадрат 0.621673 указывает на то, что примерно 62.17% вариации зависимой переменной может быть объяснено моделью, что является приемлемым уровнем объяснения.

Величина нормированного R-квадрат, учитывающая количество независимых переменных в модели и количество наблюдений 0.58728 ниже, чем значение R-квадрат что указывает на то, что добавление дополнительных переменных не улучшает модель.

Стандартная ошибка 19.82527 представляет собой стандартную ошибку регрессии, которая измеряет среднее отклонение предсказанных значений от фактических значений зависимой переменной. Чем меньше стандартная ошибка, тем лучше модель подходит к данным. Среднее значение объёма производства 341,8, а стандартная ошибка составляет 5,8% от среднего значения. Во многом это обусловлено количеством наблюдений. Опубликованы данные об объёме производства в Калининградской области рыбы

переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков только за 13 лет. С математической точки зрения это небольшое количество, что может ограничивать надёжность выводов, сделанных на основе этой модели.

В целом, модель показывает хорошую степень корреляции и объясняет значительную часть вариации зависимой переменной, хотя стоит отметить, что количество наблюдений относительно невелико, что может влиять на стабильность и обобщаемость модели.

Регрессионная модель, построенная для анализа объёмов производства рыбной продукции в Калининградской области, демонстрирует долгосрочную тенденцию к снижению этих объёмов. Понижительная динамика является тревожным сигналом, указывающим на низкую эффективность экономической политики рыбохозяйственного комплекса (РХК) в регионе. Это обстоятельство требует серьёзного внимания со стороны органов власти и заинтересованных сторон.

Во многом сложившаяся ситуация обусловлена тем, что одной из ключевых особенностей Калининградской области является её эксклавное географическое положение, что делает регион уязвимым к недруже-

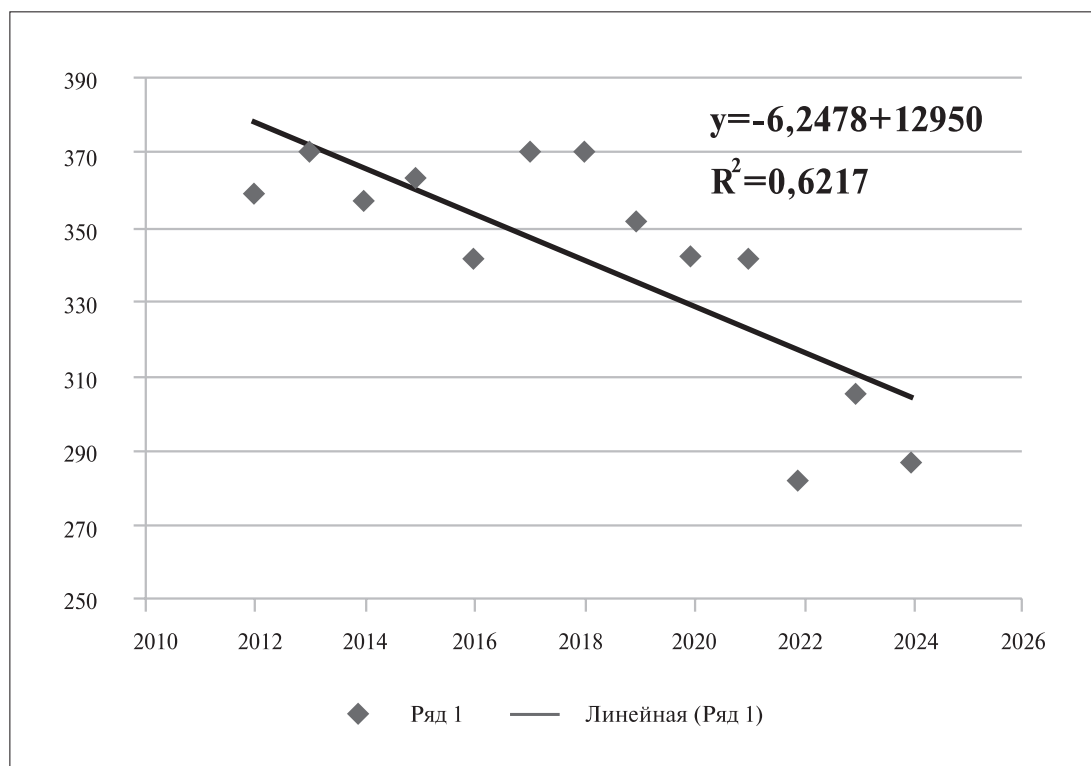

Рис. 2. Объем и динамика производства в Калининградской области рыбы переработанной и консервированной, ракообразных и моллюсков

ственным действиям соседних стран, таких как Литва и Польша, которые входят в Европейский Союз и НАТО. Эти факторы создают дополнительные сложности для развития рыбохозяйственного сектора, и их необходимо учитывать при формировании экономической политики.

Дополнительным неблагоприятным фактором является высокая динамика протекающих процессов, что требует высокой оперативности принятия решений, в том числе в сферах, которые традиционно относятся к стратегическим. Ранее решения по таким вопросам принимались после продолжительного анализа и обсуждения.

Для повышения эффективности экономической политики РХК в Калининградской области целесообразно рассмотреть несколько направлений.

Во-первых, важно учитывать региональные особенности, которые могут влиять на производственные процессы и рыночные условия.

Во-вторых, вовлечение представителей местного сообщества в процесс формирования, реализации и корректировки экономической политики РХК позволит лучше адаптировать меры к потребностям региона и повысить их результативность.

Одной из организационных форм, способствующих более тесному сотрудничеству в области формирования и реализации политики, является создание рыбохозяйственного кластера. Этот кластер может объединить усилия различных участников рынка, что позволит более эффективно решать возникающие проблемы и реализовывать совместные проекты.

Кроме того, вопросы, не относящиеся непосредственно к российскому рыбохозяйственному комплексу, а также те, которые не затрагивают другие регионы и рыбохозяйственные бассейны, целесообразно передать на региональный уровень. Это позволит избежать перегрузки региональных органов власти и сосредоточить их усилия на ведении регионального рыбохозяйственного кластера.

Для улучшения взаимодействия между региональным рыбохозяйственным кластером и федеральными органами власти, отвечающими за формирование и реализацию экономической политики РХК, необходимо создать и нормативно оформить соответствующий канал взаимодействия. Это обеспечит более эффективное сотрудничество и позволит оперативно реагировать на изменения в отрасли.

Наконец, важно закрепить основные понятия рыбохозяйственной и экономической политики РХК на нормативном уровне. Это создаст четкую правовую основу для всех участников процесса и поможет избежать недопонимания и конфликтов в будущем. Системный подход к решению этих задач позволит значительно повысить эффективность экономической политики РХК в Калининградской области и способствовать устойчивому развитию региона.

В заключение, использование возможностей ассоциаций и союзов на территории субъектов Российской Федерации является важным инструментом для реализации государственной экономической политики в области развития рыбохозяйственного комплекса. Объединение усилий, обмен опытом и внедрение ин-

новаций помогут не только решить текущие проблемы отрасли, но и обеспечить её устойчивое развитие в будущем. Синергия между государственными органами и профессиональными ассоциациями позволит создать эффективную и конкурентоспособную модель рыбохозяйственного комплекса, способную отвечать на вызовы времени и потребности общества.

Библиографические ссылки

1. Постановление Правительства РФ от 30 июля 1998 г. № 863 «О реализации положений Заявления Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации об экономической и структурной политике на 1998 год»
2. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1997 г. № 894 «О реализации положений Заявления Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации о среднесрочной стратегии и экономической политике на 1997 год»
3. Постановление Правительства РФ от 31 октября 1999 г. № 1201 «О развитии товарного рыбоводства и рыболовства, осуществляемого во внутренних водоемах Российской Федерации»
4. Аварский, Н. Д. Рыбохозяйственный комплекс России: приоритеты, цели, задачи, достижение стратегических ориентиров развития / Н. Д. Аварский, К. В. Колончин, С. Н. Серегин // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2020. — № 7(64). — С. 17-40. — DOI 10.33938/207-17. — EDN SQLUWP.
5. Давыдова, О. А. Подходы к формированию экономической политики рыбохозяйственного комплекса на региональном уровне в Калининградской области / О. А. Давыдова, В. И. Кузин, А. Г. Мнацаканян // Проблемы межрегиональных связей. — 2024. — с 27. — С. 23-30. — DOI 10.54792/24145734_2024_27_23_30. — EDN PLBNRA.
6. Давыдова О. А., Кузин В. И., Поляков Р. К. Кластер как инструмент разработки и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне / Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 15-30. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-15-30>
7. Колончин, К. В. Внедрение кластерных технологий в рыбохозяйственном комплексе: расширение возможностей развития и барьеры начального периода / К. В. Колончин, С. Н. Серегин, Х. Н. Гасанова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2020. — № 10(67). — С. 79-97. — DOI 10.33938/2010-79. — EDN XMHEAJ.
8. Кравцов, С.А. Экономическая политика: сущность и роль в развитии рыбохозяйственного комплекса // Национальная (всероссийская) научно-практическая конференция «Природные ресурсы, их современное состояние, охрана, промысловое и техническое использование». 2024. №XV.
9. Мнацаканян, А. Г. Экономическая оценка влияния изменения климата на рыболовство с позиций экосистемного подхода / А. Г. Мнацаканян, В. И. Кузин, А. Г. Харин // Балтийский экономический журнал. — 2022. — № 2(38). — С. 21-34. — DOI 10.46845/2073-3364-2022-0-2-21-34. — EDN UWFTRP.
10. Сергеев, Л. И. Исследование влияния бюджетной поддержки на функционирование сельскохозяйственной и рыбной отрасли страны / Л. И. Сергеев, Д. Л. Сергеев // Балтийский экономический журнал. — 2024. — № 2(46). — С. 104-120. — DOI 10.46845/2073-3364-2024-0-2-104-120. — EDN JCYFLT.

11. Харин, А. Г. Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море / А. Г. Харин // Балтийский экономический журнал. — 2024. — № 3(47). — С. 116-134. — DOI 10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134. — EDN QSYOIE.

Стратегические аспекты обеспечения экономической безопасности в условиях кризиса

Аннотация. Проблемы, связанные с обеспечением и повышением экономической безопасности, постоянно видоизменяются и оказывают значительное негативное воздействие на активность хозяйствующих субъектов, что обуславливает актуальность использования релевантного стратегического инструментария в целях нейтрализации существенных рисков. В статье обобщены подходы к сущности экономической безопасности хозяйствующего субъекта и дана их сравнительная характеристика. Рассмотрены виды экзогенных источников рисков экономической безопасности предприятия, проведена классификация потенциальных угроз и описаны основные стратегические методы анализа и оценки уровня неопределённости внешней и внутренней среды организации. Авторами уделено особое внимание формированию стратегии укрепления экономической безопасности как ключевого инструмента противодействия угрозам в условиях кризиса на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова и фразы: стратегия, экономическая безопасность, экзогенные факторы, риски, угрозы, жизненный цикл угроз, сценарный анализ, стратегический анализ.

Виктория ГОРБУНОВА,
Владимир КАФИДОВ

Калининградский государственный технический университет, Россия

Калининградский филиал Московского

финансово-юридического университета МФЮА, Россия

Постоянно изменяющаяся геополитическая ситуация, перестройка бизнес-моделей и цифровизация создают всё новые угрозы, оказывающие негативное влияние на устойчивое развитие и деятельность предприятий, а также объективно могут приводить к кризисному состоянию отраслей и отдельных регионов. Таким образом существует реальная необходимость в том, чтобы не только реагировать на существующие угрозы, но и учитывать потенциальные опасности и риски, в том числе опираясь на современные стратегические технологии исследования уровня экономической безопасности и механизмы совершенствования её обеспечения.

В современной научной литературе можно выделить различные методологические подходы к интерпретации понятия «экономическая безопасность». Проведённый анализ существующих концепций основан комплексного изучения работ исследователей – специалистов по экономической безопасности [3, 6, 8, 9]. В этом контексте значительный интерес представляет понимание экономической безопасности предприятия (ЭБП) как такого состояния компании, при котором она «при наиболее эффективном использовании корпоративных ресурсов добивается предотвращения, ослабления или защиты от существующих опасностей и угроз» [8].

Следует обратить также внимание и на исследование, в котором данное понятие трактуется как «состояние наиболее эффективного использования корпоративных ресурсов для предотвращения угроз и для обеспечения стабильного функционирования пред-

приятия в настоящее время и в будущем» [9].

Меламедов С. Л. предлагает рассматривать ЭБП как «защищённость жизненно важных интересов компании от внутренних и внешних угроз, т.е. защита предпринимательской структуры, её кадрового и интеллектуального потенциала, информации, технологий, капитала» [6].

Отличие данных трактовок предлагается исследовать в следующих аспектах:

- 1) цель;
- 2) характер угроз;
- 3) методы обеспечения;
- 4) степень конкретизации;
- 5) фокус на ресурсы;

Результаты сравнительной характеристики подходов к определению и сущности понятия «ЭБП» представлена в **таблице 1**.

По данным **таблицы 1** можно сделать вывод, что третье определение наиболее широко отражает сущность экономической безопасности предприятия. Особо отметим, что в рамках данного определения указана «защита от угроз», а именно увеличение количества и качества угроз может создать кризисную ситуацию в деятельности любого хозяйствующего субъекта [1].

Угроза в целом определяется как потенциальная опасность, которая может привести к негативным последствиям для объекта, на который она направлена. В научной литературе встречаются несколько классификаций угроз экономической безопасности, которые в целом разделяются по следующим укрупненным параметрам: относительно временного фактора и по степени системности [11].

Важно сделать примечание, что в зависимости от вида угрозы, происходит различное влияние на экономическую безопасность предприятия. По источнику угроз выделяют экзогенные (внешние) угрозы и эндогенные (внутренние). Внутренние относят к процессам внутри компании, например, управленческие ошибки, недостаточный уровень квалификации со-

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к определению и сущности понятия «ЭБП».

1 подход	2 подход	3 подход
Основа определения		
Достижение целей бизнеса в условиях конкуренции и снижения хозяйственного риска [8].	Предотвращение угроз и для обеспечения стабильного функционирования предприятия в настоящее время и в будущем [9].	Защита обеспечивается системой мер специального правового, экономического, организационного, информационно-технического и социального характера [6]
Сходства		
Защита от угроз. Каждое определение подчёркивает необходимость предотвращения внутренних и внешних угроз.	Эффективное использование ресурсов. Указано рациональное управление корпоративными ресурсами для обеспечения ЭБП	Обеспечение устойчивости бизнеса.
Различия		
1. Цель		
1. Достижение целей в условиях конкуренции и риска	1. Обеспечение стабильности в настоящем и будущем	1. Защита жизненно важных интересов
2. Характер угроз		
2. Опасности, угрозы, непредвиденные обстоятельства	2. Общие угрозы	2. Чёткое разделение на внутренние и внешние
3. Методы		
-	-	3. Упоминаются правовые, экономические, организационные и прочие аспекты
4. Степень конкретизации		
4. Общее, но с акцентом на эффективность	4. Краткое и обобщённое	4. Наиболее детализированное
5. Фокус на ресурсы		
5. Корпоративные ресурсы	5. Корпоративные ресурсы	5. Защита конкретных ресурсов (кадры, технологии, информация, капитал)

трудников, низкая эффективность производства и т.д.

Группировка экзогенных источников рисков экономической безопасности предприятия представлена на **рисунке 1** [5].

По сфере воздействия выделяют финансовые, производственные, информационные угрозы, юридические угрозы.

На **рисунке 2** представлена классификация угроз.

Обратим особое внимание на такой классификационный признак классификация угроз, который особенно важен при анализе степени рискованности обстановки принятия управленческих решений в области экономической безопасности, а именно: по

частоте возникновения (единовременные и перманентные). Перманентные угрозы это те, которые характеризуются постоянством проявления, системной взаимосвязью [3]. На **рисунке 3** указаны основные источники перманентных угроз.

Также в условиях риска следует выделять угрозы по вероятности реализации: реальные, наиболее вероятные, вероятные, маловероятные [3].

Помимо выявления источников рисков, для того, чтобы избежать возникновения угроз экономической безопасности, важно понимать на каком этапе жизненного цикла эти угрозы находятся.

Жизненный цикл угроз экономической безопасно-

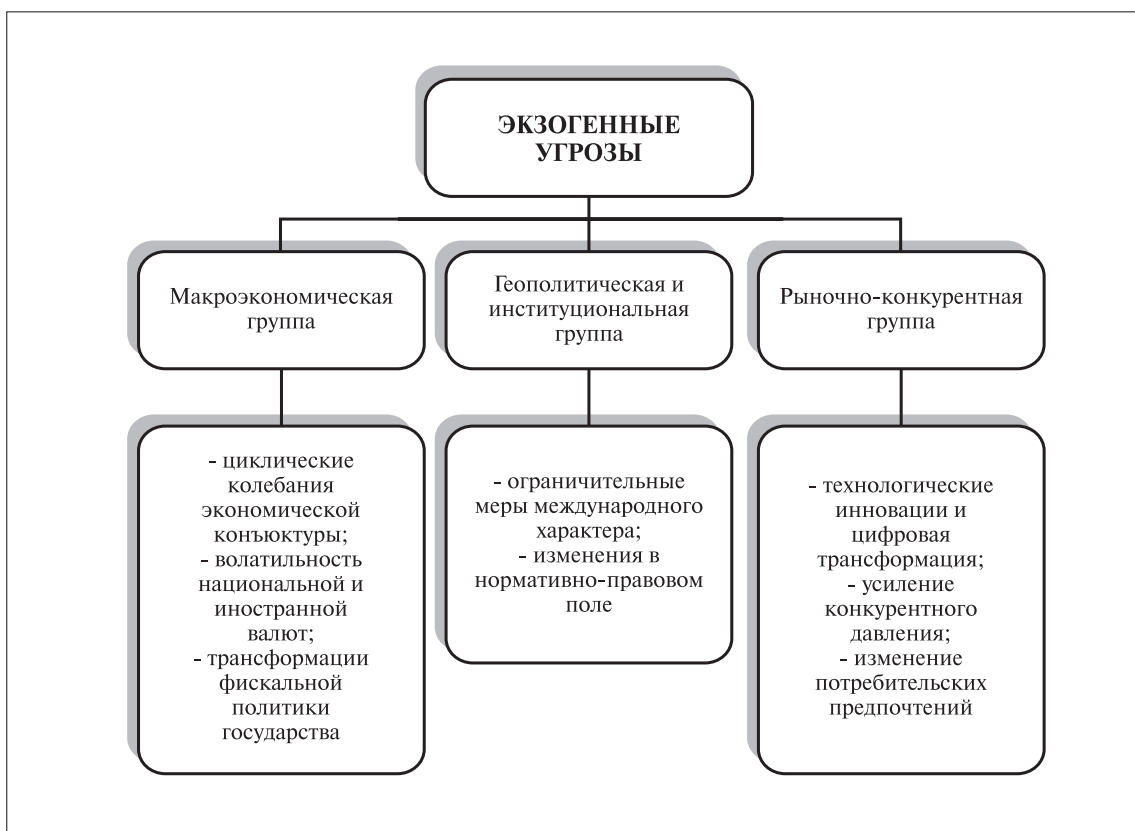

Рис. 1. Группировка экзогенных источников рисков экономической безопасности предприятия

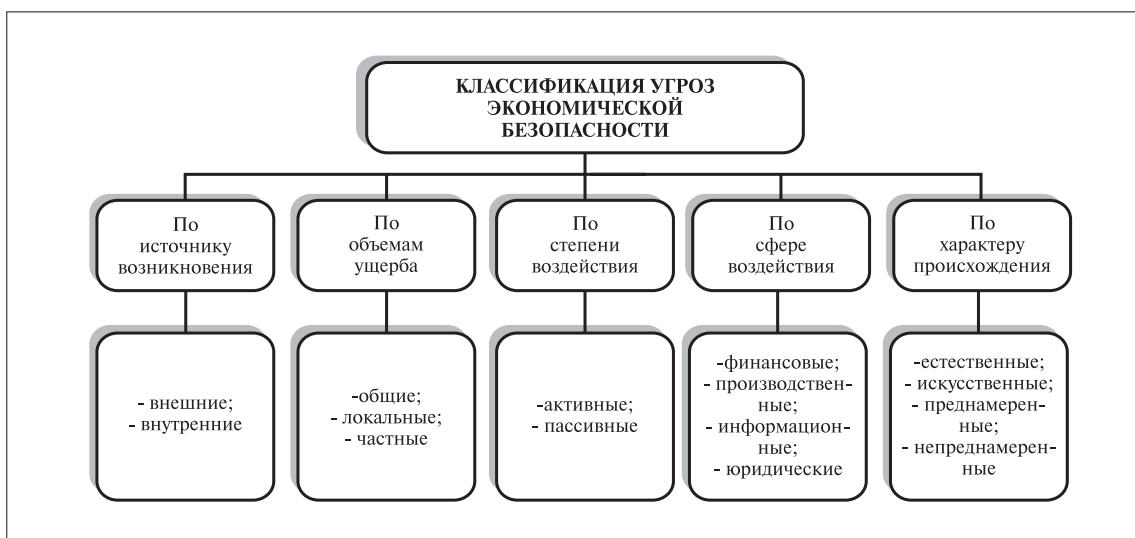

Рис. 2. Классификация угроз экономической безопасности предприятия

сти представлен на **рисунке 4**.

Позиционирование угроз на этапе возникновения позволит предупреждать, обнаруживать и нейтрализовать угрозы на ранних стадиях, тем самым минимизируя возможный ущерб. Кроме этого, жизненный цикл даёт время на разработку непосредственно защитных мер до момента наступления конкретной угрозы. Также он позволяет распределить бюджет на защиту и оптимизировать ресурсы на реализацию стратегических мероприятий по обеспечению безопасности.

Понимание цикла угроз помогает адаптировать или сформировать антикризисную стратегию и/или стратегию повышения экономической безопасности.

Исследуя угрозы экономической безопасности предприятия необходимо рассматривать их и с другой стороны: эти же угрозы оказывают давление и на экономическую безопасность региона. В условиях кризисов и санкционного давления устойчивость региональной экономики напрямую зависит от стабильности предприятий [4].

Рис.3. Источники перманентных угроз

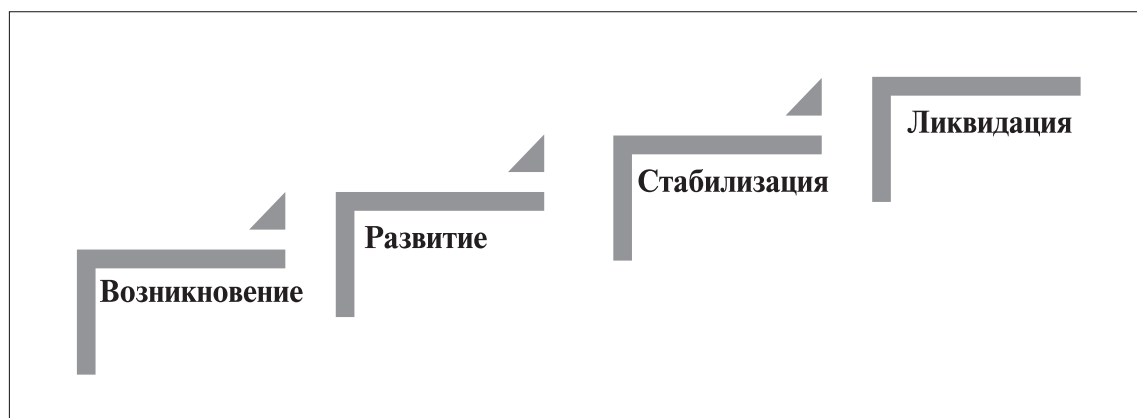

Рис.4. Жизненный цикл угроз экономической безопасности

Предприятие можно представить, как микроэкономический элемент, оказывает значительное влияние на региональную безопасность [2]. Данное утверждение можно рассмотреть по нескольким пунктам:

1) наличие бюджетообразующей функции — предприятия формируют налоговые поступления, обеспечивающие социально-экономическое развитие региона;

2) обеспечение занятости населения — стабильная работа компаний предотвращает безработицу и социальную напряжённость;

3) цепочки добавленной стоимости — предприятия создают спрос на местные ресурсы, стимулируя развитие смежных отраслей;

4) эффект домино — банкротство ключевого предприятия может спровоцировать кризис в сопутствующих отраслях;

5) импортозависимость — для Калининградской

области в особенности актуально, когда отсутствие конкретных производств делает регион уязвимым к логистическим разрывам;

6) инвестиционная привлекательность — устойчивые предприятия привлекают инвесторов, укрепляя экономику региона.

На основании вышеперечисленного регионы также проводят политику, направленную на поддержку предприятий, например, инфраструктурная поддержка, предоставление налоговых льгот и субсидий, государственно-частное партнёрство в случае, если предприятие находится в реализации антикризисной программы.

Полноценное моделирование кризисных сценариев для определения зависимости сбоев в работе предприятий на динамику ВРП является сложным в техническом исполнении, поэтому рассмотрим схематично два сценария, каким образом снижение налого-

вых поступлений в бюджет и снижение уровня ВРП Калининградской области может привести к негатив-

ным изменениям в уровне экономической безопасности предприятий (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Сценарий 1. Банкротство градообразующих предприятий Калининградской области.

Параметр	Прогнозируемое изменение	Эффект для региона
Налоговые поступления	▼ 30-50%	Сокращение бюджета на программы развития и социальные программы
Занятость	▲ Рост безработицы на 15-20%	Рост социальной напряжённости
Смежные отрасли	▼ Падение выручки на 25-40%	Каскадный кризис МСП
Миграция населения	▲ Отток трудоспособного населения из региона	Дефицит кадров, снижение качества трудовых ресурсов

Таблица 3. Сценарий 2. Санкционное давление и географическое положение Калининградской области.

Параметр	Прогнозируемое изменение	Эффект для региона
Логистические издержки	▼ 300-400%	Рост себестоимости на 25%, потеря определённой клиентуры
Экспорт	▼ 40-60%	Потеря рынков
Импорт	▲ 30-40%	Политика импортозамещения
Бюджет региона	▼ 12-18%	Бюджетный дефицит

В сценарии 1 — вариант, когда есть потенциальная возможность реализации, здесь можно отметить, что идёт влияние на бюджет через сокращение налоговых поступлений, такая ситуация приводит к ограничению возможностей региона по финансированию проектов и программ. Дополнительно данному процессу происходят и социальные негативные последствия.

В сценарии 2 — реализованный вариант, который до сих пор оказывает влияние на предприятия и бюджет Калининградской области. В результате в 2025-2027 гг. ожидается постепенное восстановление темпов роста экономики Калининградской области. Кроме этого, планируется реализация ряда инвестиционных проектов в электротехнической и пищевой промышленности [10]. Таким образом, экономическая безопасность предприятий становится одним из важнейших факторов устойчивого развития региона.

Учитывая вышеизложенное, был сделан вывод о том, что эффективное обеспечение экономической безопасности требует разработки и последовательной реализации тщательно продуманной и обоснованной стратегии.

С одной стороны — это необходимое условие для устойчивого функционирования предприятий в ус-

ловиях современных вызовов, с другой стороны — это лишь систематизированный документ, содержащий все цели, аналитические данные, сценарии мер обеспечения при реализации угроз.

М. Портер утверждал, что это «способ реакции на внешние возможности и угрозы, внутренние сильные и слабые стороны» [7].

Чандлер А использует понятие «стратегия как определение основных долгосрочных целей и задач предприятия и утверждение курса действий, распределение ресурсов, необходимых для достижения этих целей» [12]. Остальные ученые уточняли, дополняли и детализировали.

В случае повышения экономической безопасности предприятия в условиях кризиса определение стратегии может сформировать так: стратегия экономической безопасности представляет собой системный документ перспективного планирования, направленный на достижение устойчивого уровня защищённости хозяйствующего субъекта от потенциальных угроз и обеспечение условий для его стабильного развития в долгосрочной перспективе.

Разработка стратегии представляется как правило в виде этапов (рисунок 3).

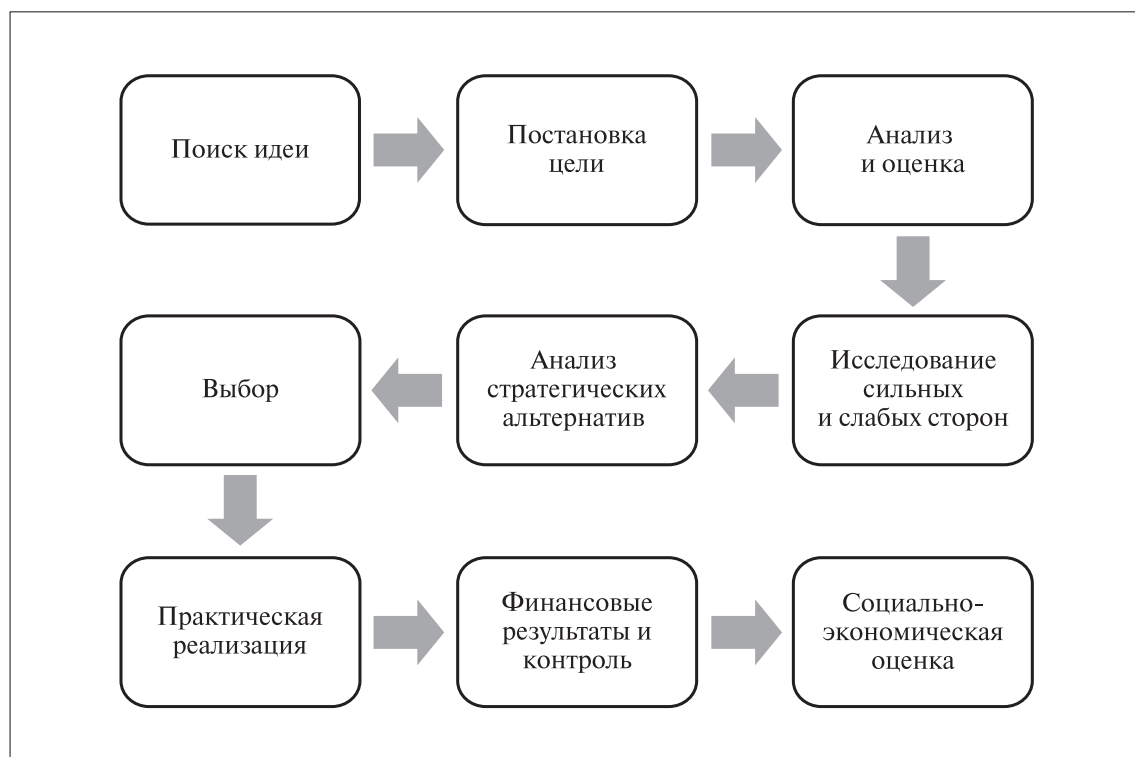

Рис.5. Процесс формирования стратегии повышения экономической безопасности [11]

В структуре формирования стратегии, особенно в аспекте повышения экономической безопасности, ключевое место занимает комплексный анализ и оценка, основу которых, на взгляд авторов, должны составлять наиболее удачно зарекомендовавшие себя и высоко эффективные PEST – и SWOT – анализы совместно со сценарным планированием. SWOT – анализ рассматривает комплексно внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на деятельность компании. PEST – анализ используется для сопоставления деятельности компании с общей картиной мира: политической и экономической ситуацией. Он особо эффективен для принятия управленческих решений, связанных с выходом на новый рынок, поставок в другую страну или что, актуально в настоящее время для Калининградской области, в другой регион. Оба метода дополняют общий анализ и дают возможность наиболее эффективно провести оценку экономической безопасности. Сценарный анализ на основе этих данных позволяет сделать прогноз и разработать достаточно обоснованную стратегию.

Также релевантным методом стратегической оценки экономической безопасности является анализ Big Data, поскольку он способен в режиме реального времени непрерывно анализировать и контролировать финансовые показатели деятельности субъекта. Данный метод анализа позволяет оценить конкурентоспособность субъекта на рынке относительно конкурентов, определить маркетинговые риски и угрозы: ценовая политика, покупательная способность потребителей, актуальность и востребованность продавае-

мых товаров, эффективность реализуемой рекламы. На основе полученных данных программа прогнозирует рыночные тренды и потребности, предпочтения потребителей, что является основой для адаптации организаций к изменениям спроса и разработки стратегии предложения востребованных товаров и услуг.

Отметим, что метод комплексного анализа Big Data является наиболее современным, универсальным и качественным методом стратегической оценки экономической безопасности, так как проводится на основе машинного обучения, работает в режиме реального времени с большим объёмом неструктурированных данных, собранных из различных источников, что делает оценку и прогнозы наиболее объективными и качественными.

Специфика выявления потенциальных рисков определяет необходимость использования метода экспертных оценок, основным минусом которого является субъективизм экспертов. Следовательно, он не может быть основным, а для того чтобы избежать возможных рисков, угроз и дополнительных издержек, этот метод должен использоваться совместно с другими инструментами и/или подходами.

Для разработки стратегии и оценки экономической безопасности рекомендуется использовать PEST – анализ совместно с регрессионным анализом. С помощью регрессионного анализа моделируют сценарии и оценивают как изменения в политической, экономической, технологической сфере влияют на экономическую безопасность страны.

Регрессионный анализ часто используется для

оценки экономической безопасности государственных учреждений, финансовых организаций, предприятий, некоммерческих организаций.

На основе результатов комплексного стратегического анализа внутренней и внешней среды, оценки возможных и реальных рисков и угроз, разрабатывается стратегия повышения экономической безопасности хозяйствующего субъекта (защитная стратегия), которая, при условии оптимизации имеющихся ресурсов, позволит предотвратить возможные негативные последствия. Следует также особо отметить, что модель подходов к формированию стратегии может, безусловно, изменяться в зависимости от потребностей объекта.

Согласно проведенному исследованию, при разработке защитной стратегии необходимо принимать во внимание следующие ключевые аспекты [4]:

- 1) цели;
- 2) оценку факторов;
- 3) жизненный цикл угроз;
- 4) ресурсы;
- 5) результаты хозяйственной и финансовой деятельности предприятий;
- 6) направления действий;
- 7) стадии финансового развития.

После разработки стратегии необходимо приступить к её реализации, затем к оценке результатов. Для обеспечения эффективности защитной стратегии необходимо не просто её тщательно разработать, но и осуществить последовательное внедрение, а также оценить не только финансовую результативность, но и полученный социально-экономический эффект.

Причём специфика формирования и реализации защитной стратегии, особенно в условиях кризиса, заключается в необходимости продуманного воздействия на отдельные функциональные составляющие экономической безопасности. Правильно сформированное комплексное стратегическое решение проблем обеспечения экономической безопасности в условиях риска приведёт к возникновению синергетического эффекта в процессе внедрения в деятельность экономических субъектов.

Библиографические ссылки

1. Decision-Making on the Selection of the Crisis Management Strategy for the Enterprise / V. N. Moroz, V. B. Gorbunova, M. V. Arkhipova [et al.] // Sustainable Cooperation for the Creation of Green Supply Chains Based on Environmental Technologies and Responsible Innovations. — Cham : Springer, 2024. — P. 445-454. 11
2. Большенко, С. Ф. Оптимизация бизнес-процессов предприятия: теоретический и практический аспекты / С. Ф. Большенко, В. Б. Горбунова // Проблемы межрегиональных связей. — 2023. — № 21. — С. 28-35. 10
3. Вякина И. В. Методы оценки экономической безопасности предприятия как инструментальной диагностики угроз развития // Экономический анализ: теория и практика. — 2020. — № 19. — с. 835 — 859. 6
4. Горбунова, В. Б. Методические аспекты управленческой деятельности в современных экономических условиях /

В. Б. Горбунова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 3(41). — С. 127-130. — EDN UJWLYX.

5. Кожухова, В. В. Классификация рисков и угроз как одна из детерминант обеспечения экономической безопасности предприятий / В. В. Кожухова // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2021. — № 7(201). — С. 32-42. 5

6. Меламедов, С. Л. Формирование стратегии экономической безопасности предпринимательских структур: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — Санкт-Петербург, 2002. — 146 с. 3

7. Портер, М. Конкуренция / М. Портер / Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2006 — 608 с. 8

8. Проблемы экономической безопасности: вызовы новой реальности / Е. В. Алексеева, В. В. Бехер, Т. А. Вerezубова [и др.]. — Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. — 732 с. 1

9. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л. М. Анохин, Н. В. Анохина, О. Г. Аркадьева [и др.]. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2021. — 715 с. 2

10. Сайт Законодательного собрания Калининградской области [Электронный ресурс] — URL <https://zaksob39.ru/> 7

11. Смирнов, Е. Н. Управление безопасностью бизнес-структур в современных экономических реалиях / Е. Н. Смирнов // Журнал монетарной экономики и менеджмента. — 2024. — № 10. — С. 142-148. 4

12. Тебекин, А. В. Использование модели организационных изменений Альфреда Чандлера «стратегия определяет структуру» в современных условиях социально-экономических трансформаций / А. В. Тебекин, Е. П. Ким // Журнал экономических исследований. — 2025. — Т. 11, № 2. — С. 3-16. 8

Этика устойчивого развития и аддитивные технологии: оценка вклада в циркулярную технологию

Аннотация. Переход к циркулярной экономике и достижение целей устойчивого развития являются стратегическими императивами для современных промышленных отраслей, включая ветроэнергетику. В этом контексте аддитивные технологии (АТ) рассматриваются как потенциальный катализатор трансформации традиционных линейных моделей производства, однако их экономическая эффективность и конкретный вклад в замкнутые циклы требуют верификации. Целью исследования является проведение комплексной оценки экономической целесообразности и стратегического эффекта от внедрения аддитивных технологий в производство компонентов для ветрогенерации на основе сравнительного анализа с традиционными субтрактивными методами. В статье указывается, что при сопоставимом формальном сроке окупаемости АТ демонстрируют значительные стратегические преимущества. Установлено, что ключевой вклад АТ в циркулярную экономику заключается в радикальном повышении ресурсоэффективности и возможности использования вторичных материалов. В результате доказано, что несмотря на сохраняющиеся вызовы, связанные со стоимостью сырья, внедрение аддитивных технологий является экономически оправданным и стратегически необходимым шагом для перехода к производственной парадигме, соответствующей принципам циркулярной экономики.

Ключевые слова и фразы: аддитивные технологии, устойчивое развитие, циркуляционная экономика, срок окупаемости, эконометрическая оценка, ресурсоэффективность.

Арам НАРИНЯН,
Александр КОЖИЕВ

Калининградский государственный технический
университет, Россия
Национальный исследовательский ядерный университет
«МИФИ», Москва

1. Введение. Проблема инсайтов

Концепция устойчивого развития представляет собой комплексную парадигму, направленную на удовлетворение потребностей настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять их собственные потребности [11]. Это классическое определение, сформулированное в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд) в 1987 году, заложило основу для глобального понимания необходимости баланса между экономическим прогрессом, социальным благополучием и сохранением окружающей среды [18].

Концепция устойчивого развития позволяет преодолеть традиционную дихотомию между экономическим ростом и экологической деградацией, предлагая модель, в которой эти сферы не противоречат, а обеспечивают их синергетическое взаимодействие. Структурно данная концепция опирается на три фундаментальных и взаимосвязанных компонента: *экологическая устойчивость*, подразумевающая рациональное использование природных ресурсов, защиту экосистем и минимизацию антропогенного воздействия на окружающую среду; *экономическая устойчивость*, направленная на создание эффективной и конкурентоспособной экономики, которая обеспечивает долгосрочный рост и процветание, не подрывая при-

родную основу; *социальная устойчивость*, ориентированная на обеспечение социальной справедливости, высокого качества жизни, равенства возможностей и сплочённости общества [20].

Системное взаимодействие экологических, социальных и экономических компонентов концепции устойчивого развития ведёт к образованию ряда этических вопросов, выходящих за рамки технических и экономических решений. Именно поэтому переход от линейной экономической модели к циркулярной является практическим воплощением этических принципов устойчивого развития. В этой связи особую значимость обретают аддитивные технологии, которые в отличие от традиционных субтрактивных методов, предполагают послойное создание объектов по цифровым моделям, закладывая основу для принципиально нового подхода к производству, дистрибуции, построению логистических цепочек и потреблению продукции.

Циркулярная экономика представляет собой регенеративную систему, в которой потребление и производство товаров и услуг происходит по замкнутому циклу с учётом того, что ресурсы применяются максимально эффективно, отходы производства не накапливаются, а негативное влияние на окружающую среду отсутствует. Основу циркулярной экономики составляют системы функционирования с применением расходных материалов, замыканием материальных потоков, продлением срока службы изделий, ремонтом и переработкой, и созданием дополнительной ценности продукта [17]. Этическая основа данной модели заключается в ответственности за последствия производственной деятельности и в стремлении к справедливому распределению ресурсных ограничений между поколениями.

Аддитивные технологии (АТ) органично встраива-

ются в парадигму циркулярной экономики, выступая технологическим катализатором её ключевых принципов. Их вклад можно оценить по таким направлениям, как ресурсоэффективность, использование вторичных материалов, производство по требованию (on-demand), оптимизированные конструкции, а также локализация производства.

**Экономическое обоснование внедрения
аддитивных технологий:
оценка срока окупаемости
и вклад в циркулярную экономику**

Внедрение инновационных производственных методов требует тщательного экономического обоснования, центральным элементом которого является оценка эффективности капитальных вложений [15]. В рамках данного анализа проводится сравнительная оценка традиционного (субтрактивного) метода производства на фрезерном станке с числовым про-

граммным управлением (далее – ЧПУ) и аддитивного метода с использованием SLS 3D-принтера для производства компонентов ветроэнергетических установок (валов, фланцев, подшипников, шестерен) [1]. Критерием эффективности выступает срок окупаемости капитальных вложений ($T_{ок}$), рассчитываемый по формуле:

$$T_{ок} = \frac{K}{\Theta_{уг}} \leq T_n \tag{1}$$

где:

K – капитальные вложения (единовременные затраты на оборудование);

$\Theta_{уг}$ – условно-годовая экономия от снижения себестоимости;

T_n – нормативный срок окупаемости, принятый на уровне 5 лет в соответствии с долгосрочной стратегией развития.

Исходные данные для сравнительного анализа представлены в **таблице 1**.

Таблица 1. Исходные данные для сравнительного анализа традиционного и аддитивного способов производства промышленной продукции.

Показатель	Фрезерный станок с ЧПУ	SLS 3D-принтер
Капитальные вложения (стоимость оборудования)	2 100 000 руб.	450 000 руб.
Стоимость сырья для производства одной шестерни	Брусok: 800 руб./шт. (1.186 кг)	Порошок: 40 000 руб./10 кг = 4 000 руб./кг
Норма расхода сырья на 1 шестерню	1.2 кг	1.186 кг (полезный вес)
Коэффициент использования материала	~95% (5% потерь)	~25% (75% в стружку)
Фактический расход сырья на 1 шестерню	1.2 кг	4.744 кг (1.186 кг / 0.25)

Сравнительный анализ инвестиционных и операционных характеристик аддитивной (АТ) и субтрактивной (фрезерный станок, ФС) технологий выявляет структурные различия в их экономической модели. По критерию капиталоемкости наблюдается значительная экономия при выборе аддитивных технологий: $\Delta K = K_{ФС} - K_{АТ} = 2\,100\,000 - 450\,000 = 1\,650\,000$ руб., что свидетельствует о 75%-ном снижении первоначальных инвестиционных требований.

Анализ операционных затрат демонстрирует парадоксальную ситуацию. При расчёте полной материалоемкости единицы продукции с учётом коэффициента использования материала (КИМ = 25% для ЧПУ) себестоимость сырья составляет:

Для аддитивных технологий: 1.2 кг Ч 4 000 руб./кг = 4 800 руб.

Для производства традиционным способом: (1.186 кг / 0.25) Ч (600 руб. / 1.186 кг) = 4.744 кг Ч 506 руб./кг ≈ 2 400 руб.

Формально, операционные затраты на производство аддитивным способом превышают традиционный метод на 100% ($\Delta C = 4\,800 - 2\,400 = 2\,400$ руб.). Однако, данная разница нивелируется при учёте полной стоимости владения, включая стоимость утилизации 3,558 кг технологических отходов при традиционном способе производства, эффект снижения оборотного капитала в запасах, а также опционную стоимость производственной гибкости. В связи с этим наблюдается экономическое преимущество аддитивных технологий, реализующееся не в плоскости операционной эффективности, а через трансформацию структуры капитала и создании предпосылок для перехода к циркулярной производственной модели.

Для корректного сравнения определим себестоимость производства одной шестерни, учитывая полную материалоемкость (данные приведены в **таблице 2**).

Таблица 2. Определение себестоимости производства одной единицы продукции.

Показатель	Традиционное производство	Аддитивное производство
Затраты на основные материалы на одну шестерню	4.744 кг * (800 руб. / 1.186 кг) \approx 3 200 руб.	1.2 кг * 4 000 руб./кг = 4 800 руб.
Расчет: Стоимость 1 кг заготовки = 800 / 1.186 \approx 675 руб./кг. Затраты на сырье = 4.744 кг * 675 руб./кг \approx 3 200 руб.		
Условно-годовая экономия на одной шестерне (ΔC)	$\Delta C = C_{\text{чпу}} - C_{\text{ат}} = 3\,200 \text{ руб.} - 4\,800 \text{ руб.} = -1\,600 \text{ руб.}$	
Экономия на капитальных вложениях (ΔK)	$\Delta K = K_{\text{чпу}} - K_{\text{ат}} = 2\,100\,000 \text{ руб.} - 450\,000 \text{ руб.} = 1\,650\,000 \text{ руб.}$	
Годовая амортизация	2 100 000 / 5 = 420 000 руб./год	450 000 / 5 = 90 000 руб./год

Исходя из данных получаем стоимость 1 кг заготовки, равную $800 / 1.186 \approx 675$ руб./кг, в то время как затраты на сырьё составляют $4.744 \text{ кг} * 675 \text{ руб./кг} \approx 3\,200$ руб.

Относительно условно-годовой экономии на одной шестерне можно сказать, что на первый взгляд традиционная технология обладает преимуществом в себестоимости сырья на одну деталь, однако, для расчёта окупаемости необходимо учесть экономию на капитальных вложениях. Эффект от внедрения аддитивных технологий в данном случае проявляется не в экономии на операционных расходах, а в сокращении первоначальных инвестиций, составляющих 1 650 000 рублей. Поскольку прямая экономия на себестоимости отрицательна, в качестве Эуг можно рассматривать условную экономию на амортизации. При линейном методе начисления и сроке службы 5 лет (T_n) годовая амортизация производства продукции с помощью фрезерного станка составляет 420 000 рублей в год, в то время как годовая амортизация производства при помощи 3D-принтера равна 90 000 рублей в год. Таким образом, условно-годовая экономия (по амортизации) выражена следующим образом: $420\,000 - 90\,000 = 330\,000$ рублей в год.

Фактически, выбирая более дешёвый АТ-принтер, предприятие сразу избегает дополнительных затрат в 1 650 000 руб. Формальный расчёт срока окупаемости инвестиций в покупку фрезерного станка с ЧПУ будет следующим:

$$T_{\text{ок}} = \frac{\Delta K}{\text{Э}_{\text{уг}}} = \frac{1\,650\,000}{330\,000} \approx 5 \text{ лет} \quad (2)$$

С формальной точки зрения, при заданных условиях, срок окупаемости более дорогого станка ЧПУ за счёт экономии на сырьё составляет 5 лет, что соответствует нормативному периоду. Это указывает на то, что с чисто финансовой позиции оба варианта могут считаться равноценными. Однако, окончательное решение должно быть основано на анализе стратегических преимуществ.

Стратегический вклад аддитивных технологий в циркулярную экономику и устойчивое развитие

Внедрение АТ выходит за рамки прямой экономики и вносит неоценимый вклад в устойчивое развитие, особенно в такой стратегической отрасли, как ветрогенерация.

С точки зрения ресурсной эффективности и сокращения отходов можно утверждать, что в то время, как традиционное фрезерование до 75% материала превращает в низкосортную стружку, аддитивное производство использует материал с эффективностью свыше 95%. Неиспользованный порошок повторно применяется в следующем цикле. Это прямое воплощение принципа «zero waste» и кардинальное снижение природоемкости производства [5]. Кроме того, наблюдается замыкание материальных потоков, так как аддитивные технологии открывают возможность использования порошков, полученных из переработанной металлической стружки и старых компонентов, что создаёт замкнутый цикл для алюминия и других сплавов внутри национальной экономики, снижая зависимость от первичного сырья и импорта, что является краеугольным камнем циркулярной экономики. В дополнение необходимо сказать, что возможность печатать запчасти «по требованию» непосредственно на территории ветропарка или в ближайшем сервисном центре минимизирует необходимость в глобальных поставках и страховых запасах [4]. Это не только снижает выбросы CO_2 от транспорта, но и значительно повышает устойчивость энергосистемы к внешним шокам и разрывам цепочек поставок [8]. Также аддитивные технологии позволяют создавать детали с оптимизированной топологией, более лёгкие и прочные, что невозможно получить традиционными методами. Для ветрогенерации это означает повышение КПД турбин, снижение механических нагрузок и, как следствие, увеличение выработки чистой энергии на протяжении всего жизненного цикла установки.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что даже при сопоставимом сроке окупаемости с традиционными методами, аддитивные технологии несут в себе трансформационный потенциал для перехода к циркулярной экономике. Они обеспечивают не просто экономию средств, а переход к качественно новой, более устойчивой производственной модели. Для ветрогенерации, как флагмана «зелёной» энергетики, внедрение АТ является не просто операционным улучшением, а стратегическим императивом, обеспечивающим долгосрочную экологическую и экономическую устойчивость.

Библиографические ссылки

1. Abdul H. Alami, Montaser Mahmoud. (2023) Progress in 3D printing in wind energy and its role in achieving sustainability. *International Journal of Thermofluids* 20(11), pp. 1-15. doi: 10.1016/j.ijft.2023.100496.
2. Alber J. et al. 3D printed rotor blades for a research wind turbine: Aerodynamic and structural design and testing // *Journal of Physics: Conference Series*. — IOP Publishing, 2022. — Т. 2265. — №. 4. — С. 042070.
3. Campbell T. et al. Could 3D printing change the world // *Technologies, Potential, and Implications of Additive Manufacturing*, Atlantic Council, Washington, DC. — 2011. — Т. 3. — №. 1. — С. 18.
4. Dzugbewu T. C., de Beer D. J. Additive manufacturing of selected ecofriendly energy devices // *Virtual and Physical Prototyping*. — 2023. — Т. 18. — №. 1. — С. e2276245.
5. Fianko S. K. et al. Green supply chain management and environmental performance: the moderating role of firm size // *International Journal of Industrial Engineering and Management*. — 2021. — Т. 12. — С. 163-173.
6. Frazier W. E. Metal additive manufacturing: a review // *Journal of Materials Engineering and performance*. — 2014. — Т. 23. — №. 6. — С. 1917-1928.
7. Gouveia J. R. et al. Life cycle assessment of a circularity case study using additive manufacturing // *Sustainability*. — 2022. — Т. 14. — №. 15. — С. 9557.
8. Jung S. et al. Is additive manufacturing an environmentally and economically preferred alternative for mass production? // *Environmental science & technology*. — 2023. — Т. 57. — №. 16. — С. 6373-6386.
9. Kioumars M., Shafei B. (ed.). *The 1st International Conference on Net-Zero Built Environment: Innovations in Materials, Structures, and Management Practices*. — Springer Nature, 2025. — Т. 237.
10. Nabavi S. F., Dalir H., Farshidianfar A. A comprehensive review of recent advances in laser powder bed fusion characteristics modeling: metallurgical and defects // *The International Journal of Advanced Manufacturing Technology*. — 2024. — Т. 132. — №. 5. — С. 2233-2269.
11. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future // UNHQ (Division for sustainable development). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>
12. Rohit Lakshmanan. (2022) Environmental impact of additive manufacturing in the renewable energy industry: case of wind turbine. Lappeenranta: Lappeenranta–Lahti University of Technology Publ.
13. S.C. Dertinger, N. Gallup, N.G. Tanikella, M. Grasso, S. Vahid, P.J.S. Foot, J.M. Pearce, Technical pathways for distributed recycling of polymer composites for distributed manufacturing: windshield wiper blades, *Resour. Conserv.*
14. United Nations. *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*; UN: New York, USA, 2023.
15. Баранчикова С.Г. Экономическая эффективность технических решений: учебное пособие // под общ. ред. проф. И. В. Ершовой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 140 с.
16. Виленский П.Л. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика / П.Л. Виленский, В. Н. Лившиц, С.А. Смоляк. М.: Дело, 2008. 888 с.
17. Ильина Е. А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации // *Организатор производства*. 2022. №3. 21-30 с.
18. Кадомцева М.Е. Концепция устойчивого развития: эволюция теоретических подходов и современное видение // *AlterEconomics*. 2023. №1. 166-188 с.
19. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция) [Электрон. ресурс]: утв. Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Государственным комитетом РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике 21.06.1999 N ВК 477. М.: Экономика, 2000. 421 с.
20. Согомонов А.Ю. Устойчивость как прикладная метаэтика // *Ведомости прикладной этики*. 2019. №54. 108-125 с.
21. Чернов В. А. Инвестиционный анализ: учебное пособие / В.А. Чернов. М.: Юнити-Дана, 2012. 160 с.

Дворцы Московского Кремля: от Рюриков до смутного времени

Аннотация. Архитектурные памятники Московского Кремля — свидетели истории русского государства. Важнейшую роль среди них играли кремлёвские дворцы. Великокняжеские и царские покои являлись не просто архитектурными сооружениями, они являлись символом сосредоточения государственной власти. К сожалению, со временем большая часть дворцовых палат Кремля оказались утраченными, но живописные полотна и гравюры, а также сохранившиеся чертежи и макеты позволяют нам сегодня реконструировать как выглядели дворцовые сооружения в прошлом и проследить эволюцию дворцовой архитектуры Кремля до настоящего времени.

Ключевые слова и фразы: Московский Кремль, дворцовая архитектура Кремля, историческая живопись.

**Мария АСЕЕВА,
Светлана ГУСАРОВА**

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России) Россия*

*«А вот и Кремль!
Грозный, неприступный, с высокими
в несколько рядов зубчатыми стенами
и ещё более высокими башнями, и соборами».
В. Костылёв «Иван Грозный»*

Дворцы и терема Московского Кремля были не просто жилыми помещениями, они являлись символом власти и могущества правящей династии. Некоторые из них, например Теремной Дворец и Золотая Царицына палата, пережили несколько столетий и по сей день являются частью президентской резиденции Кремля. Другие, такие как дворцовые палаты Лжедмитрия I, дворец Натальи Нарышкиной и Анненгоф, имели краткий век и не оставили своего заметного следа в истории Москвы. А ради Большого Кремлёвского дворца, задуманного Василием Баженовым, были снесены древние стены Запасного дворца Бориса Годунова, а в результате сам проект так и остался нереализованным.

Но всё-таки каждый из этих дворцов представляет собой определённую ценность и нам хотелось бы представить, как выглядели они в пору своего расцвета. С XVII века сохранились гравюры и живописные свидетельства, которые могут нам показать старинную Москву и канувший в Лету облик Кремля. Но изображение самых первых великокняжеских палат Московского Кремля XII-XIII веков не сохранились ни в каком виде.

Первые княжеские хоромы были возведены для Даниила Московского, при котором Москва стала столицей маленького, но независимого княжества. Однако строительство первого великокняжеского дворца на территории Кремля началось только при младшем сыне Даниила Московского — Иване Калите, когда Москва получила ярлык на великое княжение и стала церковной столицей России [2].

Археологические раскопки показали, что вели-

кокняжеский дворец Ивана Калиты занимал место у кромки Боровицкого холма, к западу от Благовещенского собора, первого домового храма московских князей.

Историк XIX века, великий знаток русской старины И. Забелин полагал, что тип государева двора явился из обычного русского дома, только отличался добротностью и был богаче изукрашен. Княжеские палаты представляли собой сложный комплекс помещений, которые по традиции русского зодчества были связаны между собой целой системой сеней и переходов. Здесь были и клети — т.е. жилые летние покои с горенками и спальнями; «непокоевые» хоромы и гридницы, где устраивались пиры и застолья; зимние отапливаемые избы и домовые храмы. Иногда над клетями ставили терема — «девичьи светёлки». Внизу же располагались кухни, склады и другие подсобные помещения [3; 25].

С великокняжеского дворца Ивана Калиты местоположение государева двора в Кремле не менялось. В правление Дмитрия Донского — внука Ивана Калиты, в Москве строятся белокаменные стены Кремля. Вокруг Москвы начинают сплываться русские княжества. И чтобы подчеркнуть возросшую власть московского государя, вблизи дедовского храма Спаса на Бору Дмитрий Донской выстроил свой дворец, который простоял в Москве до конца XV века.

Стены дворца были сложены из морёного дуба. Крыша дворца, как и главы храмов, была покрыта золотом — знаком Божественной истины. Так в Кремле появился златоверхий Набережный терем, обращённый фасадом к Москве-реке, — отсюда и его название. Расписанный Феофаном Греком терем поражал великолепием гостей и послов, ибо здесь проходили торжественные приёмы: «...золото, серебро, цветные изразцы, как блестящая чешуя, покрывали дворец сверху донизу» [3].

После смерти Дмитрия Донского хозяином дворца стал его старший сын Василий I. В росписи Благовещенского собора, которая проводилась в годы его правления, мы можем увидеть образ святого Василия Великого, небесного покровителя великого князя, а за его спиной изображены деревянные великокняжеские хоромы. Это первое живописное изображение

дворца московских государей [6].

В 1453 году пал Константинополь вскоре после подписания Флорентийской унии с католичеством, которую Москва не признала, начинает свою историю идеология «Москва — Третий Рим». Теперь Москва виделась прямой преемницей и наследницей Византии, новым Константинополем. Правил в ту пору Московским государством великий князь, который первым получил титул «государь всея Руси» — Иван III Великий.

Именно ему принадлежал замысел перестроить Кремль и создать себе величественную резиденцию, подобающую правителю великой державы. Старый и обветшалый Кремль, приземистые церковки, ветхий дворец и регулярно горевшие деревянные службы — всё это явно не соответствовало замыслу Ивана III. Великому князю всея Руси и наследнику византийских василевсов требовалась новая резиденция, где послы иноземных государств смогли бы увидеть всё величие Третьего Рима. Иван III желал создать новый двор в камне, чтобы он гармонировал с новыми соборами и зданиями в Кремле. «Москва богата, велика, много у ней и камня, и рук мужицких, и коней...» [11], но мастеров градостроительного дела было решено призвать из-за границы, из далёкой солнечной Италии.

Есть мнение, что пригласить для перестройки Кремля фряжских мастеров посоветовала мужу его вторая супруга — Софья Палеолог. Но историк Е. Лебедева указывает, что Иван III «и сам неминуемо должен был обратиться к мастерам Рима Первого в знак преемственности традиций — к лучшим мастерам Европы, переживавшей расцвет Ренессанса» [6].

«В том году, когда великий князь Иван Третий призвал на помощь русским мастерам итальянских, чтобы воздвигнуть несокрушимую крепость — Московский Кремль...», — указывал В. Иванов и началась большая

перестройка Кремля [4; 24]. В приглашении итальянских мастеров некоторые авторы видят желание московского князя сознательно следовать библейским пророчествам, где сказано, что стены нового града «созиждут сынове инороднии» [6].

Действительно и Древний Рим, и Второй Рим строили разноплеменные мастера, а Москва стремилась подражать своим великим предшественникам, в том числе и в облике государева дворца. Идея исторической преемственности означала и преемственность государственной власти, понимание государства как оплота Православной Церкви, как державы Третьего Рима. Оттого государев дворец сам становится сакральным символом.

Один из крупнейших знатоков истории градостроительства Третьего Рима М.П. Кудрявцев отмечал, что в средние века важным с духовно-религиозной точки зрения считался тот факт, что стены Кремля образуют форму треугольника. [5; 79]. В сакральной градостроительной модели треугольная форма кремлевской стены символизировала саму Святую Троицу и выступала символической отсылкой к образу Константинополя, тоже построенного «на три угла».

Да и семь холмов, на которых строилась Москва — это тоже обращение к образам Рима и Константинополя. И главной из этих возвышенностей, конечно же стал Боровицкий холм, на котором и развернулся комплекс парадных зданий — государева резиденция.

В первую очередь в 1487–1491 годах итальянскими зодчими Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари для торжественных приёмов и дворцовых церемоний в Кремле была возведена Грановитая палата, которая выполняла функцию тронного зала. Название палаты произошло от архитектурного решения главного восточного фасада, выходящего на Соборную площадь: его облицевали белокаменными блоками, каждый из которых отёсан на четыре грани — так называемый «бриллиантовый руст». Как показывают графические материалы, Грановитая палата завершалась высокой золочёной кровлей [7; 8]. На миниатюрах «Книги об избрании и венчании на царство царя и великого князя Михаила Фёдоровича» хорошо видно, что первоначально оконные проёмы палаты имели форму спаренных стрельчатых арок, разделённых колонкой-импостом и взятых в прямоугольное обрамление. Стрельчатые арочки окон, выполненные в стиле итальянской готики, и высокая крыша придавали зданию стройность и устремленность вверх. (Сейчас с низкой крышей Грановитая палата смотрится куда более приземистой...)

Для торжественных выходов великого князя зодчие возвели парадное Красное крыльцо, лестница которого вела в Святые сени и в зал второго этажа Грановитой палаты.

А вслед за тронным залом замахнулись и на большой каменный дворец. Строительство дворца началось в 1499 году мастером Алевизом-медиоланцем или, как его ещё величали, Алевизом Фрязиным

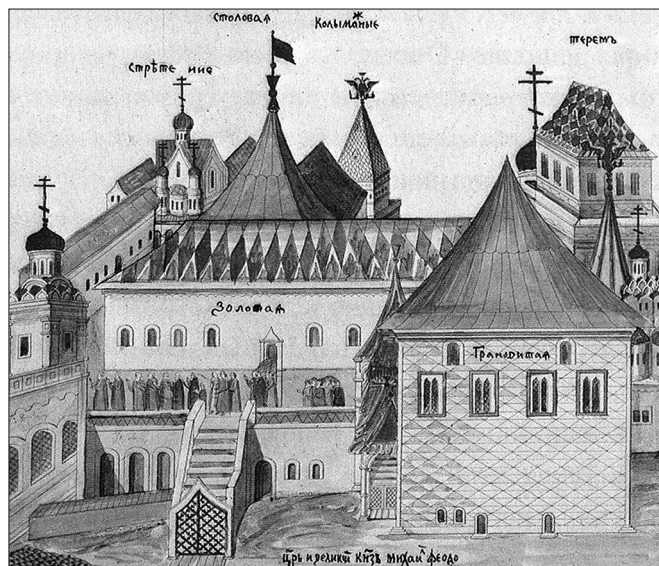

Рис. 1. Вид Средней Золотой палаты и островерхней Грановитой палаты во второй половине XVII в. Миниатюра 1673 г. из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича...»

Старым. Дворец Ивана III располагался с западной стороны Соборной площади на пространстве между Благовещенским собором и Боровицкими воротами. Состоял из парадных палат, таких как Средняя Золотая и Набережная, жилых покоев, куда входили Постельные хоромы и хозяйственных помещений.

«...Какими цветками выглядывают из-за стены Кремлёвские палаты! Снаружи храмы и палаты белы, внутри сверху донизу расписаны фресками о том, как приятно жить человеку согласно законам божеским и человеческим, и о том, как наказуется житие в грехах, беспутство, законопротивность, и срам. А сколько замысловатых лестниц внутри, переходов, коридоров и тайничков!», — читаем мы описание Кремля Ивана III в книге Всеволода Иванова [4; 26].

Работы завершились только в 1508 году, уже после смерти великого князя. В новом дворце поселился его наследник — Василий III.

Сын Василия III Иван IV в 1547 году первым из русских князей венчается на царство. Москва становится столицей православного государства и мировым оплотом Православной Церкви, охраняемым властью государя-помазанника. Статус царя всея Руси ещё более повышается, и казалось бы, что чертоги государя Третьего Рима должны приобрести ещё более священ-

ное значение.

Но до этого времени рано осиротевшему наследнику Василия III пришлось полной чашей хлебнуть горя и обид в покоях Московского Кремля. Здесь будущий грозный царь видел смерть матери, переносил злые насмешки и пренебрежение бояр, здесь он пережил страшный пожар 1547 года... Неудивительно, что Иван IV не слишком жаловал отцовский дворец.

В 1560 году, после смерти царицы Анастасии, царь приказывает устроить для своих сыновей царевичей Иоанна и Федора близ Набережной палаты отдельные деревянные хоромы. И это был его единственный вклад в строительство царского дворца в Кремле.

А спустя четыре года в царь вообще покинул Кремль и устроил себе Опричный дворец на Моховой. Кремлевский же дворец в 1571 году при нашествии Девлет-Гирея почти полностью сгорел и был восстановлен только при царе Федоре Иоанновиче. В его царствование была выстроена Золотая Царицына палата — первая парадная приёмная русской царицы. Не случайно же супруга Федора Иоанновича Ирина, в девичестве Годунова, войдет в историю как первая единоличная царица всея Руси. После смерти в 1598 году царя Федора I бояре, духовенство и даже простой люд просили Ирину занять опустевший трон, но она

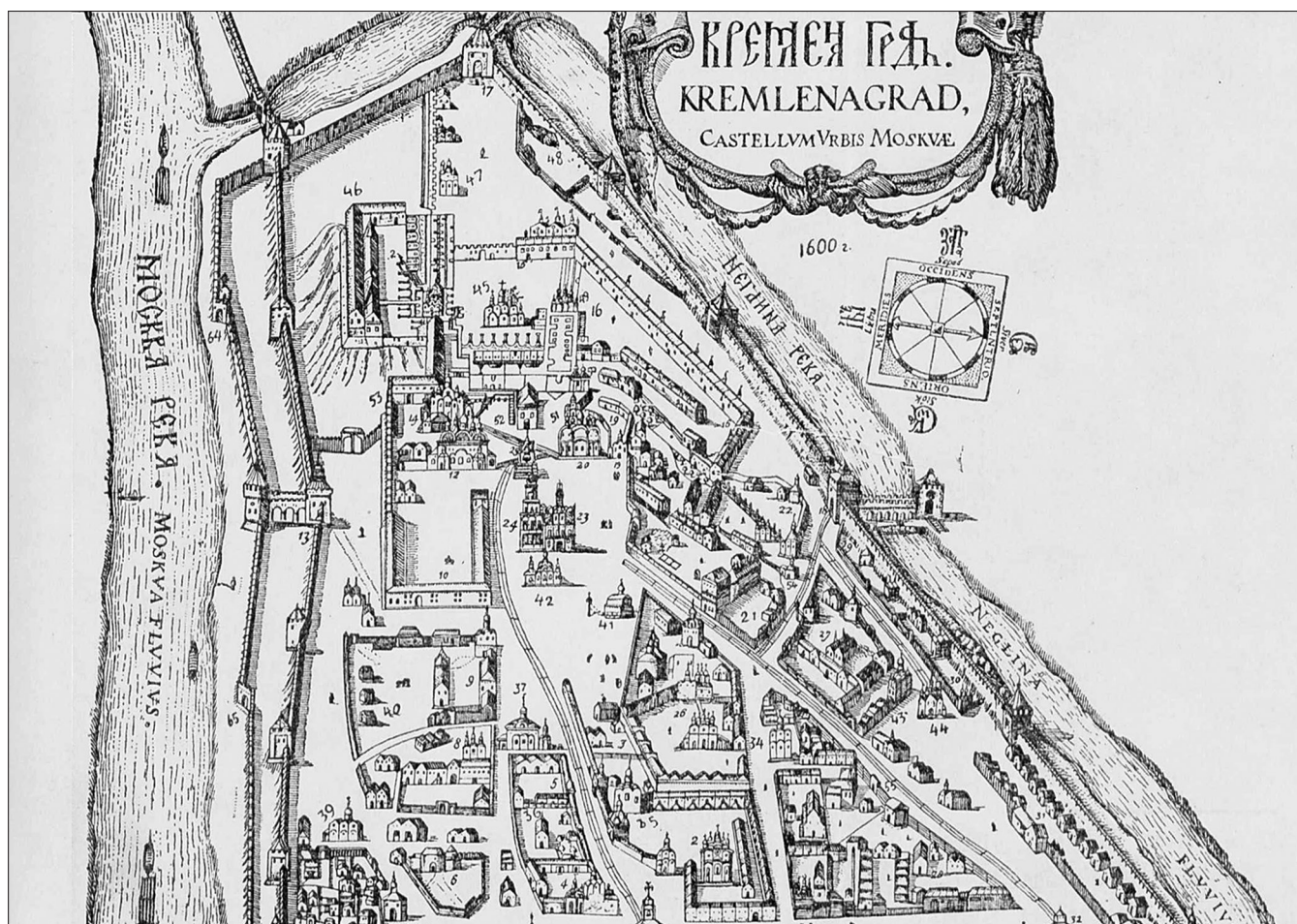

Рис. 2. План «Кремленоград» голландского картографа Гесселя Геритса (фрагмент), 1613 г.

ушла в монастырь, указав как на наследника престола своего брата Бориса.

Династия Рюриковичей прервалась...

Борис Годунов стал первым царем из бояр, избранным Земским Собором, чья законность власти была впервые освящена венчанием на престол русским патриархом. Но в первые же годы его правления на Руси начался Великий голод. По летописным известиям начала XVII века, царь Борис Годунов, стремясь утвердиться на троне и завоевать признание народа, затеял в Кремле большое каменное строительство для предоставления бедствующему населению работы, чтобы в голодные годы «людям питаться».

В 1601–1603 годах вместо стоявших на взрубе деревянных хором сыновей Ивана Грозного были сооружены обширные каменные палаты, позднее получившие название Запасного дворца [10].

Наиболее ранним источником, показывающим здание Запасного дворца, является план «Кремленоград» голландского картографа Гесселя Геритса [10; 53].

План демонстрирует, что корпус дворца стоит на крутом земляном склоне, повторяющим абрис постройки; нижний ярус, заглубленный в землю, выполнял функцию подпорной стены, поэтому на плане несколько гипертрофированно показан огромный конусовидный цоколь с маленькими не то окнами, не то с бойницами. Редко расположенные небольшие окошки нижнего яруса, более частый ритм окон второго этажа и богатая пластика верхнего третьего этажа подчёркивали монументальность и величественность сооружения. Трёхэтажное здание дворца было покрыто двускатной крышей, которую украшали разновысокие шатровые башенки.

Если верить автору «Кремленограда», южная продольная сторона дворца простиралась на 52 сажени вдоль склона холма. При этом современники отмечали необыкновенную высоту дворца Годунова. Поэтому смело можно говорить, что Запасной дворец являлся в то время самым большим сооружением в Кремле, а может и во всей средневековой России.

Дворец имел свой внутренний двор, граничившим с Передним парадным двором царской резиденции. Связь между ними осуществлялась через арку, расположенную под Сретенским собором. Оба двора были

Рис. 3. Палаты Бориса Годунова (Запасной дворец) Московского кремля, фрагмент гравюры начала XVIII века.

окружены арочными галереями, характерными для построек эпохи Ренессанса.

Но, как отмечал А.А. Тиц, «несмотря на то, что здание Запасного дворца во второй половине XVII–XVIII в. было доминирующим в панораме Кремля оно не оставило никакого следа в русской архитектуре» [11; 42]. Действительно, таких «монолитных» объёмов с небольшими окошками и поясами аркад в русской архитектуре не было ни до, ни после строительства Запасного дворца.

По мнению исследователя средневековой архитектуры Д.А. Петрова, единственная деталь дворца, которая нашла отражение в русском зодчестве конца XVII в. — это завершение башен в виде парапетов с каменными балясинами, полуколоннами на пилонках и богато украшенными арочными проемами. Указывая на завершения башен ограды Донского и Новодевичьего монастырей, а также Кремлёвской Кутафьи башни, исследователь замечает: «... такой уникальный и никогда более не повторявшийся приём мог быть заимствован мастерами только из архитектурных решений Запасного дворца» [10].

Увы, грандиозный Запасной дворец не принёс счастья династии Годуновых.

Дмитрий-самозванец, ставший на какое-то время хозяином Кремля, не пожелал жить ни в кремлёвском дворце, ни тем более во дворце Бориса Годунова.

Одни авторы утверждают, что он построил для себя ближе к Москве-реке деревянный дворец в польском вкусе. Другие же авторы указывают, что по приказу Лжедмитрия для него и будущей царицы Марины Мнишек над западным и южным крылом Запасного дворца были надстроены деревянные хоромы. Судя по сохранившемуся изображению, они состояли из отдельных одно и двухэтажных клетей, перекрытых двускатными кровлями и высокими шатрами. Новый деревянный дворец, по свидетельству очевидца, отличался роскошью и великолепием внутренней отделки, выполненной в европейском стиле.

После смерти Самозванца, избранный боярами царь Василий Шуйский, не пожелав жить в осквернённых лжецарем покоях, разобрал их и на том же месте соорудил для себя новые брусяные хоромы. Но и этим хоромам не было суждено долгое существование...

В XVII веке на крыше Запасного дворца будет разбит Верхний Набережный сад, в котором росли фруктовые и декоративные деревья, располагались пруды и даже фонтаны.

Несмотря на несчастливую судьбу и обитателей, и самого Запасного дворца, следует отметить, что этот шедевр кремлёвской архитектуры первым нашёл широкое отражение в живописи и графике: известно четырнадцать его изображений от рисунков Исаака Массы и Адама Олеария, панорам Кремля Мейерберга, Я. Бликланда и П. Пикара, до гравюр П. Т. Балабина, ведутов Дж. Кваренги и акварелей Ф. Алексева [1].

Рис. 4. Ф. Алексеев Церковь благовещения на житном дворе Московского Кремля, 1800 г.

Правда последний в 1800 г. в своей работе изобразил уже только впечатляющие руины Запасного дворца: цоколь, угол постройки из больших белокаменных квадров, полукруглый проём двери и ряд окон. Так картина стала свидетельством, что к XIX веку от грандиозного трёхэтажного Запасного дворца остался лишь подклет, который сохранялся в качестве подпорной стены у подножья Боровицкого холма...

Новая эпоха, начавшаяся с воцарением династии Романовых, потребует новых архитектурных форм и решений.

Библиографические ссылки

1. Богатская И.А. Образ Московского Кремля в живописи и графике XVIII-первой половины XIX столетия // Государственные музеи Кремля. Материалы и исследования. // М., 2003. — Вып. 15. — С. 169-191.
2. Васильева Д., Гусарова С.В. Личность Ивана Калиты и его деяния в оценках современников и историков. // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXIII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году педагога и наставника. Малоярославец, 2023. С. 187-192.
3. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1: Государев двор, или дворец. // М., 1990.
4. Иванов В. Ужгинский кремль. // М.: Художественная литература, 1981. — 383 с.
5. Кудрявцев М.П. Проект царских палат Кремля в аксонометрическом чертеже XVII века // Государственные музеи Кремля. Материалы и исследования. // М., 1987. — Вып. 5.: Новые атрибуции. — С. 79-93.
6. Лебедева Е. Чертоги русского царя. // [Электронный ресурс] — Режим доступа — <https://pravoslavie.ru/32081.html>
7. Орленко С. «Книга о избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича»: ее создание в Посольском приказе 1672-1673 гг. и ее создатели // М.: Наше наследие. 2013. № 106. С. 8-21.
8. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади // М.: Искусство, 1982. — Вып. 1. — 504 с.
9. Петров Д.А. «Царя Иоанна хоромы» — «Nova aulae structura» — Дворец Лжедмитрия I — Запасной дворец —

Набережный сад. Предварительный анализ графических источников. // [Электронный ресурс] — Режим доступа — <https://www.academia.edu/36443155> source=swp_share

10. Румянцев В. Е. Вид Московского Кремля в самом начале XVII века. // Древности. Труды МАО. Т. 10., 1886, — Вып. 2. — С. 53—78.

11. Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.

От храмов к жизни: возрождение традиционных китайских тотемов в современном дизайне

Аннотация. В статье рассматриваются процессы символической трансформации древних образов — дракона, феникса, облаков, орнаментов таоте и хуэйвэнь — от сакральных знаков императорской культуры к эстетическим кодам повседневности. На основе анализа визуальных практик дизайна интерьера, моды, ювелирного и графического искусства показано, что обращение к тотемной символике в XXI веке становится формой культурной трансляции и медиатизации наследия. Подчеркивается роль тотемов как медиаторов культурной памяти, визуальных маркеров национальной идентичности и инструментов культурной дипломатии Китая в условиях глобализации. Сделан вывод, что современное переосмысление китайских тотемов не является механическим повторением форм, а представляет собой процесс культурного возрождения и художественной адаптации древних символов в контексте глобальной визуальной культуры.

Ключевые слова и фразы: традиционные китайские тотемы, дракон, феникс, орнамент таоте, орнамент хуэйвэнь, восточная эстетика, современный дизайн, культурная трансляция, культурная память, национальная идентичность, стиль гочао (национальная мода), визуальная культура, междисциплинарная интеграция, постсекулярная эстетика, глобализация, культурная дипломатия Китая.

ВАН СЯОЮЙ

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Введение

Традиционные китайские тотемы — дракон, феникс, облака, орнаменты таоте и хуэйвэнь — выступают носителями визуальной памяти китайской цивилизации, вбирая в себя философские идеи, мифологические представления и этнокультурные архетипы. В древности они были связаны преимущественно с императорской властью и сакральной сферой, подчёркивая иерархию и божественный статус правителя. Эти устойчивые образы — как фигуративные (дракон, феникс), так и абстрактные (таоте, хуэйвэнь, узоры волн и облаков) — выражали представления о космосе, власти и гармонии мира.

В условиях цифровизации и глобальной медиатизации проблема сохранения и трансляции традиции в китайском искусстве и дизайне приобретает особую актуальность [1, с. 14]. Китайская визуальная культура, основанная на многовековых символах и ритуальных образах, становится пространством переосмысления наследия как основы национальной идентичности [2]. По Ян Ассману, культурная память обеспечивает длительность смыслов и связь между прошлым и настоящим, что позволяет рассматривать традиционные тотемы как форму визуальной памяти, адаптированную к условиям креативных индустрий [5, с. 27]. Исследователи (Ю. М. Лотман, П. Нора, А. Аппадурай) подчёркивают роль культуры как системы символических кодов, поддерживающих коллективное самоопределение [4; 5; 6].

Возрождение тотемов в дизайне и моде демонстрирует взаимодействие локальной культуры и глобальных тенденций, осмысляемое через концепции

«вторичной сакрализации» (М. Элиаде) и «постсекулярного синтеза» (Ю. Хабермас, Ч. Тейлор) [7; 8; 9]. В художественной практике традиционные символы становятся не просто декоративным элементом, но и формой культурного диалога между традицией и инновацией [10]. В современном обществе тотемы переходят от сакральных знаков к эстетическим элементам повседневности, интегрируясь в дизайн интерьера, моду, графику и декоративно-прикладное искусство. Эта трансформация предполагает не механическое повторение форм, а культурное возрождение через реконструкцию знаков, инновации в материалах и переосмысление контекста.

Научная новизна исследования состоит в культурологическом осмыслении традиционных китайских тотемов как медиаторов культурной памяти и идентичности в условиях цифровизации и глобальных коммуникаций. В отличие от чисто художественных или дизайнерских подходов, статья рассматривает их как феномен культурной трансляции и символического обмена.

Символическое содержание и современная интерпретация ключевых тотемов

Традиционная система символов Китая имеет глубокие культурные основания: её смысловое наполнение связано с древними формами хозяйственной деятельности, религиозными верованиями и социальной организацией ранних обществ [18]. В трактовке К. Леви-Стросса тотем выступает системой символической дифференциации, где различия между животными и мифологическими существами отражают структуру общества и его представления о порядке мира [10, с. 48].

Эти визуальные коды формируют «первичный язык» китайской символики. По наблюдению Ван Личжи, благопожелательные узоры — это художе-

ственная форма, рождённая стремлением к гармоничной жизни и укоренённая в земледельческой цивилизации и патриархальных традициях [7]. Со временем символика тотемов трансформировалась: от сословных знаков — к универсальным культурным образам, выражающим общечеловеческие ценности [12]. В семиотическом аспекте это выступает как изменение соотношения, означающего и означаемого: дизайнеры освобождают традиционные формы от прежних идеологических коннотаций и переопределяют их в гуманистическом ключе [13]. Подобная трансляция представляет собой «вторичную семиотическую систему», где древние знаки адаптируются к новой культурной грамматике цифровой эпохи [9].

Одним из наиболее древних орнаментальных мотивов является «таоте» (饕餮, tāotiè), распространённый на ритуальной бронзе династий Шан и Чжоу (рис. 1). Его стилизованная маска — симметричная композиция из глаз, пасти и рогов — украшала сосуды для культовых действий.

Первоначальный смысл таоте остаётся дискуссионным: в древних текстах этот образ связывался с мифическим чудовищем, олицетворяющим ненасытность. На ритуальной бронзе мотив служил знаком силы и защиты, утверждал связь между человеком и духами предков. Со временем он утратил демоническую трактовку и стал декоративным архетипом, выражающим идею внутренней энергии и равновесия. В современном дизайне таоте часто используется как элемент геометрической абстракции, символизирующий преемственность древней эстетики.

Другой ключевой тотем — дракон (рис. 2). В эпоху Шан и Чжоу степень сложности его изображения строго соответствовала статусу владельца, воплощая связь власти с небесным покровительством [19]. Сегодня этот образ выходит за рамки императорских атрибутов и трактуется как символ силы, вдохновения

и личного лидерства. Его современная интерпретация опирается на традиционную логику китайской эстетики, где «образ стремится к благу» и несёт позитивную энергию.

Феникс (fènghuáng, 凤凰) исторически олицетворял гармонию инь и ян и женскую добродетель [15]. В современной визуальной культуре он символизирует внутреннее достоинство, возрождение и эмоциональную устойчивость. Образ облаков выражает идею жизненной энергии ци (qì), связывающей небо и землю, а орнамент хуэйвэнь (回纹), основанный на непрерывном спиральном движении, сохраняет значение вечности, процветания и упорядоченного потока жизни [8].

Как подчёркивал А. Аппадурай, в условиях глобальных культурных потоков традиция не исчезает, а перемещается в новые формы производства смысла — медиа, брендинг, дизайн [1]. Поэтому использование тотемов в современной визуальной культуре можно рассматривать как часть процесса медиатизации наследия, где символы становятся ресурсом культурного капитала и средством коммуникации. Через повторение, вариацию и стилистическую адаптацию они продолжают выполнять функцию маркеров национальной идентичности и культурной памяти.

Практика применения традиционных тотемов в различных областях современного дизайна

Традиционные узоры активно используются в современном дизайне интерьера и декора, формируя узнаваемый восточный колорит. В отличие от прежней стилистики «богатства и насыщенности», сегодня преобладают решения, основанные на художественной сдержанности, взаимодействии пространства и материалов [12]. Дизайнеры прибегают к приёмам декомпозиции и реконструкции форм, создавая визуальную гармонию, близкую эстетике минимализма и

Рис. 1. Таоте – мотив, широко встречающийся на ритуальной бронзе династий Шан и Чжоу.

принципам созерцательности [13].

В проекте архитектора Чжу Цугуна «Юньин Цинъюэ» (云吟清樾) мотив чешуи дракона трансформируется в волнообразные линии, формирующие структуру пространства. В чайной зоне благодаря игре света и тени создаётся атмосфера «взаимопроникновения пустоты и формы», характерная для традиционной китайской эстетики. Этот пример иллюстрирует переход от буквальной трактовки символа к метафорической.

Современные материалы и технологии придают тотемам новое звучание. Лазерная гравировка, металлические поверхности, стекло и высокоточная резьба позволяют адаптировать традиционные мотивы к актуальным пространственным решениям [13]. Интерьер выступает пространством культурной памяти, где тотемы соединяют прошлое и настоящее, материальное и символическое [3]. Контраст природных и индустриальных фактур, а также вариативность орнаментальных структур создают эффект светового перелива и усиливают выразительность классической пластики. Использование современных технологий освобождает традиционные мотивы от привязки к привычным материалам (дерево, камень, ткань), делая их универсальными для гостиных, общественных залов, жилых интерьеров и арт-пространств.

В дизайне одежды и аксессуаров традиционные тотемы выступают связующим звеном между личной самопрезентацией и культурной преемственностью [14]. Их использование развивается в двух направлениях: премиальный авторский дизайн и массовая мода, где символы получают новое эмоциональное и стилистическое прочтение.

В ювелирном искусстве тотемы получают современную интерпретацию через ремесленное мастерство и межкультурный синтез [19]. Так, в часах Cartier с изображением дракона рельеф выполнен методом микрорезьбы и инкрустации, объединяя идеи сакральной силы и роскоши. Серия «Золотая легенда — Год дракона» ювелирного дома La Maison CHJ сочетает восточную символику удачи с итальянскими техниками золотого плетения, превращая традиционный образ в универсальный знак благополучия.

В молодёжной моде доминируют приёмы трансформации формы и стилистического смещения [12]. В коллаборации Fendi Ч Фудзивара Хироси мотив феникса переосмысливается в графическом ключе, а в лимитированной серии Mulberry «Year of the Dragon» образ дракона подаётся в мягкой цветовой гамме, что придаёт символу эмоциональную доступность. Коллекция сувениров «Четыре священных зверя» Дворца Гугун сочетает древние мифологические формы с современной «кавайной» эстетикой, сохраняя узнаваемые особенности пластики [8]. Через такие визуальные решения обеспечивается непрерывность культурной памяти в потребительской среде [9].

Тенденция «гочао» (国潮, guócháo) усилила интерес молодёжи к локальным мотивам: традиционные образы становятся культурным кодом, повышающим узна-

Рис. 2. Ритуальный сосуд «гуан» (guang) с изображением дракона, бронза, ок. XIII–XI вв. до н. э., Династия Шан. Бруклинский музей (Brooklyn Museum) <https://www.brooklynmuseum.org/objects/99294> (дата обращения: 21.10.2025).

ваемость бренда и укрепляющим чувство национальной идентичности [12]. Тотемы в модной индустрии функционируют как символы культурной уверенности, а в международном контексте — как инструменты культурной дипломатии.

В дизайне упаковки традиционные мотивы формируют визуальный код бренда, усиливая глубину его образа. Особую роль играет трёхуровневая модель коммуникации — «ремесло + символ + история». В премиальных продуктах (чай, вино, косметика) орнаменты служат знаком качества и культурной аутентичности. Так, в оформлении бутылок вина Гоцзяо (国窖) орнамент дракона выполнен в технике кэсы (缙丝), создающей эффект рельефной ткани и подчёркивающей историческую глубину изделия. В косметических сериях «Байцао Ци» и «Се Фучун» мотивы облаков и перламутровая инкрустация соединяют традиционное мастерство с современным предметным дизайном.

Вспомогательные мотивы — облака, волны, хуэй-вэнь — нередко становятся основой визуальной айдентики бренда: их гибкая повторяемость позволяет выстраивать единую дизайн-систему, где каждый элемент поддерживает культурный нарратив продукта.

Пример применения образа дракона: путь трансформации от знака к эстетике

Современное переосмысление тотемных образов опирается на традиционные философские системы Китая — даосизм и конфуцианство, где гармония противоположностей и умеренность выступают ключевыми эстетическими категориями [5]. Согласно Хэ Синяну, философия формы в китайском искусстве основана на принципе «внутренней живости» (шэнь юнь, 神韵), когда линия передаёт энергию жизни, а не

внешнее сходство [18]. В дизайне этот принцип выражается в стремлении к балансу материального и духовного, статичного и динамичного, что проявляется в архитектурной композиции и графике, построенной на ритме и симметрии [8].

По наблюдению М. Элиаде, сакральное не исчезает в современном мире, а переходит в новые формы [20]. Поэтому обращение к древним символам в цифровом дизайне можно трактовать как способ восстановления связи с традицией [9]. В постсекулярном контексте, описанном Ю. Хабермасом и Ч. Тейлором, традиционные знаки становятся медиаторами между мифом и рациональностью, верой и технологией [16; 17]. Таким образом, тотемная символика образует пространство диалога между культурной памятью и визуальной инновацией [1].

Дракон — наиболее многослойный и репрезентативный из китайских тотемов. Его современные интерпретации демонстрируют полный цикл культурной трансляции: от выделения отдельных пластических элементов к реконструкции содержания и междисциплинарной интеграции. Сегодня дизайнеры трактуют дракона не как фиксированный символ, а как источник вариативных художественных решений. В процессе визуальной деконструкции они выделяют чешую, когти, рога, глаза, превращая их в самостоятельные декоративные модули и структурные акценты.

В ювелирном браслете «Платиновое яйцо» (鑲金彩蛋) дома La Maison CHJ чешуя покрывает эмалевую поверхность, создавая эффект текучести и глубины. Комбинация эмали и матового металла усиливает игру света, позволяя передать дух символа при отсутствии его полной фигуры. Такой подход показывает, как традиционный знак преобразуется в современный эстетический элемент, сохраняя культурное ядро образа.

В современной моде образ дракона претерпевает эмоциональную трансформацию: строгие императорские коды заменяются мягкими графическими линиями и спокойной цветовой гаммой. В молодёжных коллекциях дракон часто изображается в чёрно-белой или пастельной палитре, что символизирует отход от властных коннотаций и подчёркивает индивидуальное самовыражение. Подобное «смягчение образа» отражает ценности поколения Z — стремление к эмоциональному комфорту и внутренней силе без акцента на иерархичность.

Современная дизайнерская практика демонстрирует потенциал тотема в междисциплинарной интеграции. Так, компания Huawei использует контуры дракона (цилиндра) в визуальной айдентике процессоров Kirin, соединяя восточную символику с динамикой цифрового дизайна. В новогодних инсталляциях Louis Vuitton фирменные буквы LV включаются в мотив глаз и жемчужины дракона, создавая эффект диалога между глобальным брендом и восточной мифологией.

Все эти примеры воплощают принцип «разные формы — единая структура»: символ адаптируется к новой

среде, не теряя культурного ядра. Дракон становится универсальным медиатором между традицией и инновацией, сакральным и утилитарным, Востоком и Западом. Такие процессы можно интерпретировать как проявление глобального культурного взаимодействия, при котором локальные традиции не растворяются, а вступают в диалог с мировыми эстетическими практиками. Китайские тотемы включаются в межкультурный обмен, получая новые художественные формы и укрепляя роль дизайна как инструмента культурной дипломатии.

Современный китайский дизайн, использующий тотемные образы, реализует концепцию «третьего пространства» Хоми Бхабхи [2], где культура выступает не как замкнутая система, а как поле гибридных смыслов, возникающих на стыке локального и глобального.

Заключение

Возрождение традиционных китайских тотемов в современном дизайне отражает сложный процесс культурной трансляции и обновления ценностей. Через абстрагирование форм, инновационные материалы и междисциплинарные решения древние символы получают новую жизнь, превращаясь из сакральных знаков в элементы актуальной эстетики. Эта эволюция демонстрирует динамичное взаимодействие между наследием и современностью, где прошлое становится источником творческой энергии.

Смысловое содержание тотемов развивается в соответствии с изменением социокультурного контекста: освободившись от сословных и феодальных коннотаций, они приобретают универсальное звучание, воплощая идеи гармонии, жизненной силы и устойчивого развития. В художественной практике их применение расширяет выразительные возможности визуальной культуры и поддерживает ремесленные традиции.

С культурологической точки зрения возрождение тотемов отражает укрепление национальной идентичности и формирование осмысленного диалога с наследием. В условиях глобализации такие символы становятся медиаторами между локальным и универсальным, традицией и инновацией, выполняя важную культурно-коммуникативную функцию. Благодаря этому современный дизайн, обращаясь к тотемной символике, выступает элементом «мягкой силы» китайской культуры и способствует формированию международного образа страны.

Как подчёркивает Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003), жизнеспособность традиции определяется её присутствием в современной культуре. Современные интерпретации китайских тотемов подтверждают этот принцип: они участвуют в производстве новых смыслов и становятся активным ресурсом современности. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом цифровых технологий, 3D-моделирования, AR-ин-

теракий и других инновационных инструментов, способных раскрыть потенциал восточной эстетики в глобальном художественном дискурсе.

Библиографические ссылки

1. . Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. — 229 с.
2. Bhabha, H. K. *The Location of Culture*. — London : Routledge, 1994. — 285 с.
3. Nora, P. *Between Memory and History: Les Lieux de Мйmoire // Representations*. — 1989. — Vol. 26. — С. 7–24.
4. Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York : PublicAffairs, 2004. — 191 с.
5. Ассман, Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 384 с.
6. Бурдье, П. *Формы капитала // Экономическая социология*. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–74.
7. Ван Личжи. *Традиционные китайские благопожелательные узоры и современный визуальный дизайн*. — Шэньян : Издательство Шэньяна, 2010. — 210 с.
8. Гу Юэ. *Традиционные китайские орнаменты*. — Пекин : Восточное издательство, 2010. — 192 с.
9. *Инновационная интерпретация и культурная трансмиссия традиционных божественных тотемов в современном дизайне: семиотический аспект [Электронный ресурс]*. — Режим доступа: URL (дата обращения: 17.02.2025).
10. Леви-Стросс, К. *Тотемизм сегодня*. — Москва : Академический проект, 2001. — 184 с.
11. Лотман, Ю. М. *Культура и взрыв*. — Москва : Гнозис, 1992. — 271 с.
12. *Применение тотемной культуры в современном дизайне [Электронный ресурс]*. — Режим доступа: www.artdesign.org.cn (дата обращения: 19.04.2025).
13. *Применение традиционных китайских тотемных узоров в современном визуальном коммуникационном дизайне // Журнал визуальных искусств и проектирования*. — 2025. — 12 с.
14. *Применение традиционных тотемных узоров в современной одежде и их эволюция // Журнал визуальных искусств и проектирования*. — 2025. — 14 с.
15. Сюнь Цзяньчжун. *Благопожелательные птицы и священные животные*. — Тяньцзинь : Народное издательство Тяньцзина, 2012. — 256 с.
16. Тейлор, Ч. *Секулярный век*. — Москва : ББИ, 2017. — 896 с.
17. Хабермас, Ю. *Постсекулярное общество: Что это значит? // Вопросы философии*. — 2012. — № 4. — С. 3–14.
18. Хэ Синлян. *Тотемы и китайская культура*. — Нанкин : Народное издательство Цзянсу, 2011. — 214 с.
19. Чэнь Ли, Чжан Вэй, Ли Синьли. *Традиционные китайские узоры и дизайн-инновации*. — Чунцин : Издательство Чунцинского университета, 2024. — 232 с.
20. Элиаде, М. *Священное и мирское*. — Москва : АСТ, 2002. — 256 с.

Обучение служением: мониторинговое исследование готовности студентов и курсантов осуществлять добровольческую деятельность

Аннотация. В статье рассматривается вопрос готовности курсантов и студентов академии осуществлять добровольческую деятельность, через опрос исследуются мотивы волонтерской деятельности учащихся и степень их вовлечённости в добровольческую деятельность. Автором статьи выдвигается предположение, что внедрение в обучающий процесс ВУЗа новой учебной дисциплины «Обучение служением» повысит процент молодых людей, реально вовлечённых в добровольческую деятельность и служение обществу через реализацию проектной деятельности под руководством преподавателя-наставника. В статье указывается на ряд трудностей, с которыми сталкиваются преподаватели и студенты/курсанты в рамках реализации программы «Обучения служением», делается вывод о том, что в целом волонтерская деятельность в нашей стране укрепляется в качестве аксиологической и праксеологической практики.

Ключевые слова и фразы: обучение служением, добровольческая деятельность, служение, высшее образование, волонтерство.

Елена ДОРОФЕЕВА

*Балтийская государственная академия
рыбопромышленного флота ФГБОУ ВО «Калининградский
государственный технический университет», Россия*

В условиях современной политической, социальной и культурной турбулентности российская высшая школа испытывает кризис идентичности [3, с. 10]. В своей статье «Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре» Никольский В.С. предлагает концепцию служения как онтологическое основание, на котором необходимо строить новую базовую философскую концепцию российского университета, т.к. традиции служения обществу, добровольной помощи, социальной эмпатии глубоко укоренены в традициях русской культуры, опыт взаимопомощи сохранён в архетипах коллективного бессознательного общественного сознания нашего социума. Именно на идее служения можно выстроить уникальную образовательную модель российского вуза, использующую достижения передового зарубежного образовательного опыта и сохраняющую уникальность лучших отечественных образовательных традиций. Современный этап развития высшего образования характеризуется тем, что предлагается несколько концептуальных моделей университета: предпринимательский университет, исследовательский и университет третьей миссии и социальной ответственности [3, с. 13]. Каждая из перечисленных моделей имеет свои преимущества и недостатки, и не одна из них не может претендовать на статус истины в последней инстанции, универсального решения для всех вузов и российских в том числе. В настоящий момент нам требуется разработка синтетического, комплексного, синергетического подхода, учитывающего положительные стороны перечисленных модусов/моделей и национальные особенности

наших традиций и ценностей. Позволим себе согласиться с профессором Никольским В.С., что основанием для разработки национальной модели развития университетов в России может служить философское осмысление идеи служения, которая наиболее точно отражает специфику российской университетской традиции [3, с. 17].

С начала 2025–2026 учебного года в нашем университете (КГТУ) приступили к реализации новой учебной дисциплины — «Обучение служением» в рамках третьей миссии университета (служение обществу, формирование гражданской ответственности, эмпатии, готовности применять свои знания и профессиональные навыки на благо общества). Внедрение данной дисциплины в учебный процесс отвечает требованиям к развитию современного высшего образовательного пространства, которое помимо образования — обучения и развития компетенций, научной деятельности, должно обеспечивать комплексное взаимодействие студентов с социальной средой через проектную деятельность, предпринимательскую активность, волонтерство. Университет становится площадкой для организации взаимодействия студентов с некоммерческим сектором экономики, что обеспечивает выход за пределы академической среды и применение знаний для улучшения жизни социума, решения проблем конкретных благополучателей. В результате формируется социальная и гражданская ответственность, эмпатия, креативность и рефлексивность, работа в команде, организация деятельности, коммуникация с благополучателями, навыки публичного и делового общения (весь комплекс так называемых soft skills — гибкие, надпрофессиональные навыки), учащимися изучаются и осознаются потребности общества, рынка труда, особенности регионального развития и возможности своего будущего применения как специалиста в рамках улучшения жизни своего города, области, края; развиваются «семь интеллектов»:

эмоциональный, рациональный, ресурсный, социальный, адаптивный, волевой и духовный [5, 6, 8].

Внедрение в учебный процесс «Обучения служением» отражает задачи, обозначенные президентом Российской Федерации В.В. Путиным в «Указе о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (2024 год), в котором ставится задача увеличения к 2030 году доли молодых людей, вовлечённых в добровольческую и общественную деятельность, не менее чем до 45 процентов [7].

Обеспечение инновационной педагогической деятельности в рамках преподавания «Обучения служе-

нием» в Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота потребовало от нас обратиться к анализу степени готовности студентов и курсантов помогать обществу, поставило задачу проанализировать ведущие мотивы волонтерской деятельности сквозь приму эмпирического исследования методом опроса, в котором приняли участие 78 человек второго курса обучения. Опрос был нами составлен на базе опросных материалов академического центра ВЦИОМ от 2025 года [1]. Возраст опрошиваемых: 16,7% – 17–18 лет, 57,7% – 19–20 лет, 25,6% – 21 год. Пол: мужской – 87,2%, женский – 12,8%.

Рис. 1. Мониторинг готовности помогать добровольно и безвозмездно.

Рис. 2. Диаграмма опроса о готовности включить своих будущих детей и внуков в волонтерскую деятельность.

46,2% респондентов ответили, что они готовы безвозмездно помогать другим, 32,1 % – не готовы, а 21,8 % – затруднились ответить. В сумме не готовых заниматься добровольческой деятельностью и затруднившихся ответить процент достаточно большой (больше

половины от числа опрошенных) и наша задача, как педагогов-наставников, активизировать включение студентов и курсантов в добровольную и безвозмездную деятельность. Поэтому на первой паре занятия «Обучение служением» в сентябре 2025 года мы заре-

гистрировались на платформе Добро.рф [10], ознакомились с информацией по работе с платформой и прошли обучающий курс по предмету, размещенный на данной платформе, состоящий из 11 видеоуроков и итогового тестирования. По результатам обучающего курса все получили сертификат и базовое понимание того, что такое проектная деятельность в рамках служения обществу, каковы ее цели и задачи, перспективы для личностного роста и развития.

61,5% — хотели бы, чтобы их дети и внуки занимались волонтерской деятельностью (скорее да) и безусловно, да — 6,4% (общее число — 67,9% — это абсолютное большинство опрошенных); скорее нет — 12,8%, безусловно, нет — 2,6%, затруднились ответить — 16,7%. Из опроса становится понятно, что важность нашей педагогической и наставнической работы состоит в том, чтобы:

1. число поддерживающих участие своих будущих детей и внуков в добровольном и безвозмездном слу-

жении обществуросло;

2. возникало понимание значимости волонтерской деятельности через собственный опыт служения и осознание того, что грядущее цифровое общество перед человечеством в целом и каждой личностью в отдельности ставит главный экзистенциальный вопрос — вопрос о том, как сохранить смысл собственной жизни в условиях, когда значительную часть работ будут выполнять роботы, а человек окажется перед выбором: или деградировать и уйти в небытие, стать лишним в социокультурной и экономической жизни общества, или научиться находить смыслы в неэкономическом стимулировании собственной активности, в созидании социальных благ, где служение обществу — одна из высших ценностей, реализация которой повышает морально-нравственную сложность социума и обеспечивает креативный прогресс каждой личности, давая ей возможность и право БЫТЬ.

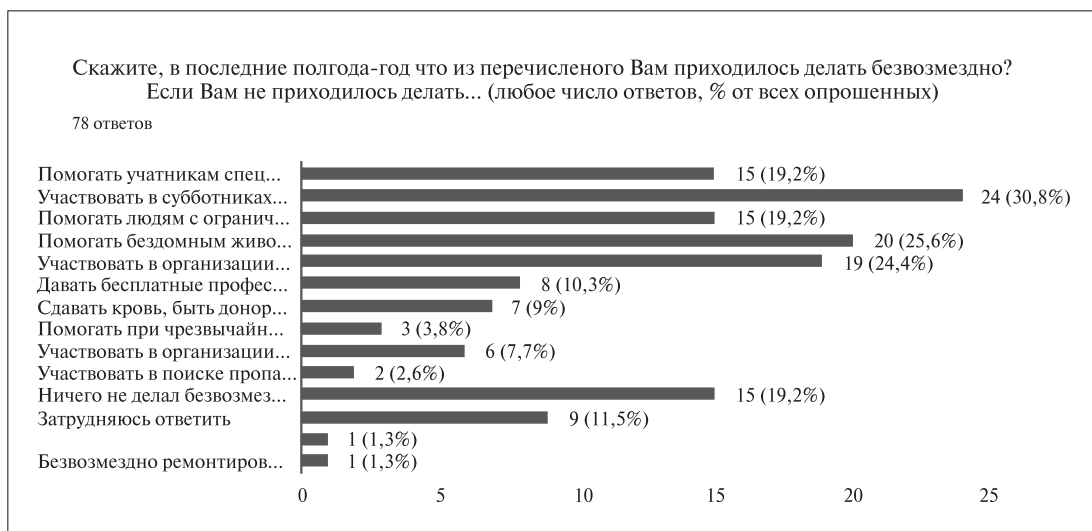

Рис. 3. Мониторинг участия в волонтерской деятельности.

Из ответов видно, что большинство опрошенных за последний год осуществляли добровольческую деятельность на безвозмездной основе, затруднились ответить только 9 человек, ничего не делали безвозмездно 19,2% — 15 человек. Студенты/курсанты БГАРФ чаще всего участвовали в субботниках (30,8%), помогали бездомным животным (25,6%), участвовали в организации и проведении массовых мероприятий, форумов, фестивалей, спортивных соревнований — 24,4 %, помогали участникам специальной военной операции и людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым, бездомным — 19,2%, давали бесплатные профессиональные консультации, мастер-классы, лекции — 10,3 %, сдавали кровь, были донорами — 9 %, участвовали в организации выставок, экспозиций, проведении экскурсий — 7,%, помогали при чрезвычайных ситуациях, стихийных бедствиях — 3,8%, 2 человека принимали участие в поиске пропав-

ших людей, один человек безвозмездно ремонтировал детские велосипеды. Таким образом, семь студентов/курсантов из десяти сделали добровольчество частью своей повседневной жизни (согласно опросу ВЦИОМ, восемь из десяти безвозмездно помогали другим).

Из ответов на следующий вопрос, следует, что основной причиной желания помогать другим является небезразличие и равнодушие, доброе сердце, сочувствие, совесть, бескорыстие, любовь, душевная потребность; внутренние аксиологические причины дополняются сопутствующими социокультурными обстоятельствами: наличие свободного времени, воспитание, религиозные убеждения, личный опыт получения помощи и мировоззренческими (политического характера): патриотизм, любовь к Родине, активная гражданская позиция, желание сделать мир лучше. Свой вклад в осуществление безвозмездной помощи другим вносит желание самореализоваться, быть по-

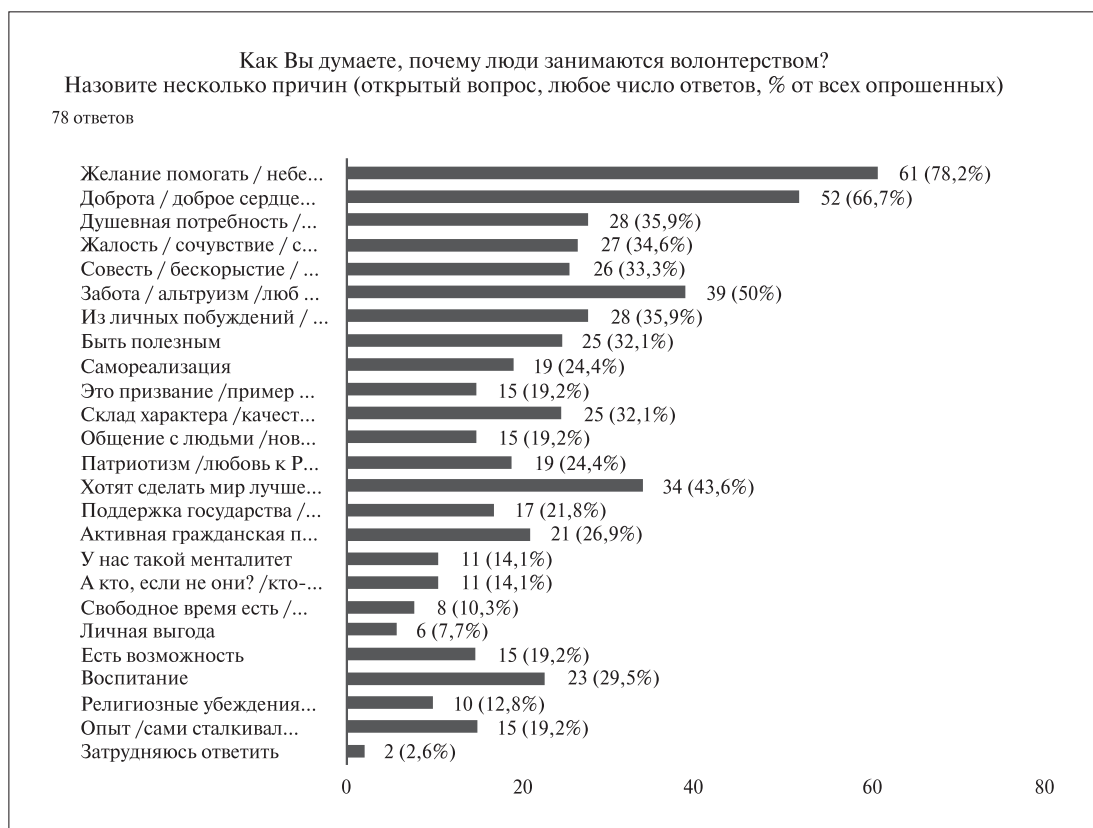

Рис. 4. Мониторинг ценностной оценки добровольческой деятельности.

лезным, служить примером для других; личная выгода наименее популярный ответ — шесть человек ответили, что помогают в основном из личной выгоды. В целом, для большинства добровольное служение людям и обществу — это внутренняя потребность и гражданская позиция, основанная на любви к Родине и желании сделать жизни в своей стране немного лучше.

Нашей преподавательская деятельность по «Обучению служением» стартовала с реализации социально-значимого проекта по подготовке/сбору комплектов «сухого армейского душа» для бойцов СВО, раненых солдат и лежачих больных в госпиталях в целях обеспечения возможности осуществлять самостоятельную гигиеническую обработку стратегически важных мест в полевых и больничных условиях. Проект осуществляется нами при поддержке волонтерской организации «Светлогорск.39» и президентской премии «МЫВМЕСТЕ» с сентября 2025 года и завершится его реализация в декабре 2025 года. Волонтерская группа предоставила все необходимые материалы, обеспечив реализацию проекта. Собранные нашими курсантами комплекты сухого армейского душа отправятся в зону СВО. На данный момент нами собрано и передано в благотворительную волонтерскую организацию порядка 1100 комплектов, готовиться к передаче еще 1500. В проекте приняли участие курсанты второго курса обучения БГАРФ групп 24 Р–11 (специальность «Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования»), 24 СЭУ–11, 12

(специальность «Эксплуатация судовых энергетических установок»), 24 ЭЛМ–11 (специальность «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики»). Информация о реализации проекта была отражена на сайте академии [9]. На 2026 учебный год нами запланирована реализация проекта «Социальное наставничество/тьюторство», который мы планируем реализовывать на базе Средней общеобразовательной школы № 46 с углубленным изучением отдельных предметов имени кавалера ордена мужества капитана Б. А. Лукашова. В рамках данного проекта планируется взять двенадцать учеников седьмых классов на социальное сопровождение в течение всего весеннего семестра. Студенты и курсанты академии будут оказывать педагогическую помощь по подготовке домашних заданий и изучению математики (алгебры и геометрии), физики и английского языка, что позволит реализовать задачу «Обучения служением» по развитию и применению профессиональных навыков и знаний и служение обществу. По результатам социального наставничества в конце мая-начале июня 2026 года ожидаем увидеть положительную динамику в успеваемости учеников школы. Постараемся получить обратную связь от выбранных школой благополучателей/учеников, зафиксировать её письменно и результаты изложим в следующей статье.

В процессе реализации нового учебного предмета «Обучения служением» мы столкнулись с рядом трудностей:

1. отсутствие в вузе полноценной инфраструктуры по налаживанию связей с некоммерческими организациями, школами и другими структурами, которые могли бы выступить в качестве заказчиков на выполнение нашими студентами и курсантами социально значимой задачи;

2. возложение на преподавателя избыточной ответственности по поиску путей реализации, поставленных в рамках обучения данному предмету задач;

3. отсутствие технической возможности реализовать проектную деятельность: так, например, мы вынуждены были отказаться от реализации проекта по ремонту инвалидных колясок для Калининградской школы (ГБУ КО «Школа-интернат») для детей с ограниченными возможностями здоровья, т.к. на данный момент в академии нет подходящего помещения, где можно разместить мастерскую по ремонту колясок и нет финансовой возможности оплатить работу мастера-наставника, который помог бы нашим курсантам отремонтировать инвалидные коляски;

4. юридическая неурегулированность моментов, связанных с привлечением курсантов и студентов академии к различным видам сторонней (вне академии) добровольческой деятельности, волонтерству и различным видам работ, которые требуются для реализации проекта (погрузка/разгрузка оборудования, его ремонт): вопросы техники безопасности, юридической ответственности академии в случае возникновения каких-либо травм, несчастных случаев, оформление письменных согласий на различные виды деятельности, ведение журнала по технике безопасности, выдача соответствующего оборудования и т.п.

5. остаётся открытым вопрос, касающийся преподавания «Обучения служением» как учебной дисциплины и здесь есть три точки зрения, три педагогических подхода:

— обучать в аудитории, заслушивая доклады на темы обозначенные в программе ООН и связанные с устойчивым развитием (проблема голода, перенаселения, ресурсов, утилизации мусора, истощения ресурсов и т.п.), рассмотренные сквозь призму регионального аспекта;

— волонтерская деятельность: субботники в храмах, монастырях, социальных объектах;

— проектная деятельность по возможности связанная с решением какой-либо социальной задачи для того или иного благополучателя, включающая в себя развитие как профессиональных, так и надпрофессиональных навыков.

На данный момент готового решения нет, каждый преподаватель выбирает для себя ту или иную преподавательскую стратегию. Первый подход — самый простой, понятный и безопасный во всех смыслах, но он лишён креативности, он консервативен и не имеет выхода на практику. Второй подход — юридически не урегулирован в части, касающейся безопасности студентов/курсантов и открытости вопроса, кто будет нести ответственности в случае возникновения не-

стандартной ситуации, травмирования, несчастного случая и т.п. Третий подход более всего соответствует заявленным требованиям к предмету, его целям и задачам, однако к его полноценной реализации не готова инфраструктура вуза, сами преподаватели и студенты. Мы в своей педагогическо-наставнической деятельности придерживаемся третьего подхода, включая элементы первого.

Надеемся, что к будущему 2026–2027 учебному году часть из данных вопросов/трудностей будет так или иначе решена, в противном случае данный предмет и действенного средства обучения через служение превратится в ещё один аудиторный предмет с изложением лишь теоретических аспектов служения обществу без практической реализации социально значимых задач, что будет больше похоже на профанацию служения, чем на его реальное воплощение в жизнь.

Подводя итог, укажем, что проведённый нами опрос показал высокую готовность наших студентов и курсантов работать на благо общества безвозмездно и добровольно и в целом опрос показал высокую степень корреляции с опросом/исследованием ВЦИОМ за 2025 год, согласно которому, 36% россиян участвовали в волонтерстве за 2025 год, 78% помогали другим, 81% хотят, чтобы их дети и внуки стали волонтерами, 66% готовы быть волонтерами в будущем. Таким образом, мы видим явный тренд на то, что взаимопомощь, социальная ответственность и добровольное, безвозмездное участие в жизни других людей становятся трендом, частью повседневной жизни каждого второго россиянина [1]. Преподавание «Обучения служением» требует новых подходов, ресурсов, изменения мировоззрения руководителей вузов, самих преподавателей, отработки юридической стороны волонтерской и проектной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Волонтерство в России: мониторинг. Добровольная помощь и волонтерство в России становятся устойчивой частью повседневной жизни. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. 2023. URL: <https://media.nosu.ru/2023/09/metodicheskie-rekomendacii-po-realizacii-modulja-obuchenie-sluzheniem.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).
3. Никольский В.С. Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре // Высшее образование в России. — 2025. — Т. 34. — № 10. — С. 10–26. URL: [https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26](https://mailto:https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26) (дата обращения: 29.11.2025).
4. Обучение служением: Методическое пособие / Под редакцией О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. М.: АБЦ, 2020. 216 с.
5. Сенашенко В.С. Междисциплинарность образования как отражение многообразия окружающего мира // Университетское управление: практика и анализ. — 2017.

— Т. 21. — № 1. — С. 88–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnost-obrazovaniya-kak-otrazhenie-mnogoobraziya-okruzhayushchego-mira> (дата обращения: 29.11.2025).

6. Сепульведа М.А. Обучение служением через проектно-прикладную деятельность. Методические рекомендации для университетов/ АНО «Агентство социальных инвестиций и инноваций». М.: Грифон, 2022. 90 с.

7. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <mailto:http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 29.11.2025).

8. Шаркунова Е.В., Неволina В.В. Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2024. — Т. 43. — № 4 — С. 476–485. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-sluzheniem-kak-effektivnaya-obrazovatel'naya-metodika-dlya-kompleksnogo-razvitiya-lichnosti-studenta> (дата обращения: 2.12.2025).

9. URL: https://bgarf.ru/novosti/academy/pervye-zyaniya-novoy-uchebnoy-distsipliny-obucheniya-sluzheniem/ (дата обращения: 29.11.2025).

10. URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 2.12.2025).

От ремесла к цифровому самовыражению: сетевые сообщества как пространство культурной идентичности

Аннотация. В условиях цифровизации культуры традиционное ремесло приобретает новые формы бытования и коммуникации. Исследование раскрывает, как медиатизация и культура участия преобразуют ремесленные практики, создавая сетевые сообщества мастеров и новые модели культурной идентичности. В основе работы лежат культурологический анализ, концепции медиатизации, культурной памяти и креативных индустрий, а также междисциплинарные подходы визуальной антропологии. Показано, что цифровая среда способствует сохранению культурной памяти, развитию эстетики взаимодействия и возникновению новых форм самовыражения, основанных на эмпатии и сотрудничестве. Особое внимание уделено феномену коммерциализации авторского контента и формированию «новой экономики участия», в которой креативность становится инструментом культурного обмена и социального взаимодействия. Современное ремесло выступает медиатором между традицией и инновацией, материальным и символическим, формируя гуманистическую модель цифрового самовыражения и новые формы культурной коммуникации XXI века.

Ключевые слова и фразы: ремесло, хэндмейд, цифровая культура, сетевые сообщества, культурная идентичность, медиатизация, культура участия, креативные индустрии.

*Юлия ИВАНОВА,
Маргарита ГОМБОЕВА*

*Забайкальский государственный университет, Чита,
Россия*

Введение

В современную эпоху цифровой трансформации ремесло (объединяющее в рамках нашей статьи понятия рукоделие, ручная работа, хэндмейд и т.п.) перестаёт быть исключительно материальной практикой, связанной с традиционными формами ручного труда. Оно всё чаще осмысливается как феномен культурной коммуникации, форма самовыражения и способ конструирования идентичности. Виртуальные пространства — блоги, социальные сети, видеоплатформы — становятся для мастеров новой средой творческой социализации, где совмещаются эстетическое, коммуникативное и экономическое измерения [6, с. 14; 16, с. 79].

Актуальность исследования определяется необходимостью осмыслить роль ремесла в контексте цифровой культуры, где традиционные формы творчества интегрируются в медиапространство и обретают новые смыслы. Проблематика сетевых ремесленных сообществ отражает более широкий процесс — переход культуры от материального производства к символическому и коммуникативному. Несмотря на активное развитие цифровых технологий, культурологическое осмысление ремесла как медиализированной практики остаётся недостаточно разработанным [15, с. 102]. Недостаток исследований, раскрывающих его роль в формировании новой модели культурной идентичности и коммуникации [1; 5].

Объектом исследования выступают ремесленные практики как форма культурной коммуникации в условиях цифровой медиасреды.

Предметом исследования является трансформация ремесла в пространстве сетевой культуры — его переход от традиционного ручного труда к цифровому самовыражению, сопровождаемый формированием новых эстетических, экономических и социальных практик.

Цель статьи — проанализировать сетевые сообщества мастеров как пространство культурной идентичности и цифрового самовыражения, выявить культурологические основания трансформации ремесла в условиях медиатизации. Задачи: рассмотреть ремесло как форму культурной памяти и идентичности, выявив его роль в сохранении традиций и конструировании культурной преемственности в условиях цифровизации; проанализировать процессы медиатизации ремесла, определив их влияние на формы художественной репрезентации, коммуникации и эстетизации ручного труда; исследовать сетевые сообщества как пространство культурной социализации, охарактеризовав их функции, ценностные ориентиры и механизмы формирования цифровой общинности; охарактеризовать эстетику цифрового самовыражения, показав её гуманистический потенциал и значение в формировании новых моделей культурной идентичности.

Методологическую основу исследования составляют культурологический анализ, теория медиатизации [14; 15], концепции культуры участия [6], культурного капитала [5], сетевого общества [8], а также идеи о культурной памяти [1]. В статье применяется качественный культурологический анализ сетевых практик с опорой на визуальные и текстовые материалы из цифровых платформ (Pinterest, VK, Patreon и т. д.).

Ремесло как форма культурной памяти и идентичности

Традиционное ремесло является одним из наиболее устойчивых носителей культурных смыслов и символических кодов, закреплённых в материальных формах человеческой деятельности [17, с. 34]. Оно

воплощает в себе многовековой опыт поколений, сохранённый не только в изделиях и технологиях, но и в ценностных ориентациях, мировоззренческих установках, эстетических представлениях. Через ремесло общество передаёт образы прошлого, укоренённые в коллективной памяти и поддерживающие культурную преемственность.

В концепции Яна и Алейды Ассман культурная память трактуется как особый механизм, посредством которого общество сохраняет и воспроизводит свои смыслы, обращаясь к ним в ритуалах, символах, материальных и художественных формах [1, с. 31]. Память, согласно Ассманам, не существует вне телесных и вещественных медиумов — будь то текст, изображение, архитектура или предмет искусства. В этом ряду ремесло занимает особое место, поскольку совмещает в себе и функцию сохранения традиции, и акт её постоянного обновления [1, с. 78]. В каждом ремесленном изделии соединяются архетипическая форма и индивидуальное исполнение, коллективный код и личный стиль, благодаря чему ремесло становится живым посредником между прошлым и настоящим.

С культурологической точки зрения ремесло — это не просто производство утилитарных объектов, но акт культурного воспроизводства, в котором фиксируются и передаются социальные смыслы [5, с. 68]. Процесс обучения ремеслу, передача навыков «из рук в руки», сохранение инструментов и материалов — всё это образует особую систему нематериального наследия, где память воплощается в практике [12, с. 74]. Как отмечает П. Бурдые, подобные формы воплощённого знания образуют габитус — устойчивую матрицу действий, чувств и представлений, определяющую культурное поведение [5, с. 63]. Ремесло, таким образом, является не только носителем художественной традиции, но и механизмом формирования идентичности — личной, региональной, этнической.

Современные ремесленники, сохраняя техники и эстетику своих предков, одновременно переосмысливают их в новых культурных контекстах [9, с. 118]. Это проявляется в обращении к локальным мотивам через призму современных материалов, в сочетании традиционных технологий с дизайнерским мышлением, в интеграции ремесленного труда в сферу креативных индустрий [10]. Такой процесс можно рассматривать как форму культурной адаптации, когда ремесло перестаёт быть только хранителем памяти, превращаясь в активный инструмент осмысления современности. Индивидуальный творческий акт приобретает коммуникативное значение: каждое изделие становится сообщением, направленным обществу и несущим в себе культурные коды, считываемые зрителем или покупателем.

В этом смысле ремесло выполняет роль медиатора между локальным и глобальным, традиционным и современным. С одной стороны, оно сохраняет привязанность к месту и этнической традиции; с другой — выходит за эти рамки, участвуя в международных

выставках и онлайн-форумах [6, с. 271]. Так возникает новая культурная география ремесленного мира, где мастера из разных регионов вступают в диалог, обмениваются техниками, символами и эстетикой.

Особое значение в этом процессе приобретает цифровая среда, которая радикально меняет каналы передачи культурной памяти [15, с. 110]. Если раньше знание передавалось преимущественно через непосредственное ученичество, то теперь оно циркулирует в виде фото- и видеоконтента, онлайн-мастер-классов, блогов и сообществ. Интернет становится пространством, где ремесло обретает вторую жизнь: традиционные технологии демонстрируются в формате коротких роликов, визуальные образы изделий распространяются по всему миру, а мастера из разных стран образуют сетевые общины, основанные на идее общности и культурного обмена [14, с. 53].

Такая цифровая трансформация не разрушает традицию, а, напротив, способствует её расширению. Онлайн-коммуникация обеспечивает сохранение и популяризацию нематериального культурного наследия [12, с. 75], а глобальные сети создают условия для взаимодействия локальных культур. Тем самым ремесло становится не только носителем памяти, но и универсальным языком межкультурного диалога, объединяющим людей через общие ценности творчества и личностной самореализации [8, с. 49].

Медиатизация ремесла: от материального к цифровому

Современное ремесло существует в пространстве активной медиатизации культуры, то есть в условиях, когда цифровые медиа становятся не просто инструментом распространения информации, но и ключевым фактором изменения самой структуры культурного опыта. Как отмечает А. Хепп, медиатизация представляет собой процесс, при котором медиа проникают во все сферы человеческой деятельности, изменяя способы восприятия, коммуникации и творчества [15, с. 99]. Для ремесла это означает переход от локальной, материально закреплённой формы художественного производства к гибридной — материально-цифровой, где творчество разворачивается одновременно в физическом и виртуальном пространствах.

Медиатизация ремесла проявляется, прежде всего, в трансформации способов репрезентации. Визуальные платформы (Xiaohongshu, Pinterest, YouTube, TikTok, ВКонтакте, Telegram и другие) становятся витриной, где ремесленники демонстрируют не только готовый результат, но и процесс создания. Этот сдвиг акцента от вещи к действию изменяет природу художественного опыта: зритель становится свидетелем и участником творческого акта, а мастер превращается в медийную фигуру — автора, режиссёра и рассказчика одновременно [14, с. 212]. Так формируется новая эстетика ремесла, где важна не только тактильность и материал, но и визуальная динамика, повествовательность, способность вызывать эмоциональный отклик

через экран.

Другой аспект медиатизации — коммуникационный. Цифровая среда создаёт инфраструктуру обмена знаниями, советами, схемами и техниками. Онлайн-мастер-классы, курсы, стримы и тематические сообщества формируют своего рода «цифровое ученичество», где передача опыта происходит через экран, а обратная связь — в виде комментариев, лайков, совместных проектов — обеспечивает чувство сопричастности и включённости в творческое сообщество. Эта модель перекликается с традицией ремесленных гильдий, но в новой, сетевой форме [8, с. 97]. Она укрепляет горизонтальные связи между участниками, разрушая иерархические барьеры и делая обучение более открытым и интерактивным.

Как отмечает М. ван ден Бумен, цифровая среда перестаёт быть лишь технологическим посредником и становится социальным пространством, где материальные и нематериальные формы культуры сливаются в новые гибридные практики [4, с. 23]. Цифровое не противопоставлено социальному — оно конституирует его, создавая новые режимы взаимодействия и совместного творчества. В контексте ремесла это означает, что цифровые инструменты не только расширяют возможности визуализации, но и преобразуют структуру отношений между автором и аудиторией. Медиатизация ремесла выражается не просто в перенесении действий в онлайн-среду, а в формировании новой «цифровой социальной материи» (ван ден Бумен), где творчество выступает формой коммуникации, а цифровое присутствие становится неотъемлемым элементом культурного опыта.

В то же время медиатизация приводит к эстетизации ремесленного труда. Визуальные медиа, требующие зрелищности и привлекательности, формируют новые стандарты представления изделий, превращая процесс изготовления вещи в визуальное событие. Ремесло начинает взаимодействовать с эстетикой визуальной культуры, приобретая признаки перформативности — процесс изготовления вещи превращается в визуальное событие, рассчитанное на зрителя. Этот феномен можно рассматривать как проявление новой «эстетики медиа» [14, с. 145] и формирование феномена «медиаремесла» — синтеза традиционного ручного труда и цифрового сторителлинга, где материальный объект обогащается цифровым образом и эмоциональным нарративом.

Особое значение медиатизация имеет и для экономического измерения ремесла. Интернет-пространство создало условия для монетизации авторского контента, самозанятости и креативного предпринимательства. Онлайн-платформы (Etsy, Ozon, Wildberries) превратили хэндмэйд из хобби в устойчивую экономическую нишу, где мастер совмещает функции художника, маркетолога и менеджера [6, с. 183]. Этот процесс не только расширяет границы ремесленного труда, но и ставит вопрос о соотношении эстетического и коммерческого: ручная работа становится това-

ром, а эстетика — инструментом самопродвижения. Тем самым ремесло оказывается встроенным в логику креативных индустрий, где культурная ценность сочетается с рыночной стоимостью.

Медиатизация влияет и на психологическое восприятие творчества. Ручной труд, изначально предполагающий уединённость и сосредоточенность, в цифровом пространстве приобретает публичный характер. Мастер становится участником перманентного коммуникационного процесса, где демонстрация и обсуждение результата оказываются важнее самого акта создания. Это изменяет структуру мотивации: стремление к самовыражению дополняется желанием признания, репостов, цифровой видимости. Таким образом, формируется новый тип культурного капитала — *цифровая репутация*, где количество взаимодействий становится маркером профессионального статуса и творческой успешности.

Однако медиатизация ремесла выполняет и социально-культурную функцию — поддерживает диалог между поколениями и культурами, обеспечивает доступность традиционных знаний для широкой аудитории [12, с. 189]. Онлайн-архивы, видеобиблиотеки, виртуальные выставки делают возможным документирование процессов, ранее существовавших только в устной передаче. Тем самым медиатизация становится механизмом сохранения культурной памяти, встраивая ремесленные практики в глобальную систему цифрового наследия.

Наконец, медиатизация ремесла способствует формированию нового типа эстетического опыта, в котором традиционная материальность дополняется символическим и коммуникативным измерением. Материальный объект получает «второе существование» в цифровом пространстве, где он репродуцируется в виде фотографий, видео, постов, историй. Этот процесс можно рассматривать как «оцифровку ауры» по В. Беньямину [3, с. 49], при которой уникальность вещи сохраняется не вопреки тиражированию, а благодаря вниманию к личности создателя и эмоциональному контексту. В отличие от классического понимания утраты ауры при тиражировании, в цифровом ремесле она восстанавливается за счёт личностной вовлечённости и эмпатийной коммуникации.

Таким образом, медиатизация ремесла означает не утрату подлинности, а её переосмысление. В цифровой культуре ремесло становится медиатором между ручным трудом и визуальной эстетикой, между традицией и инновацией. Оно соединяет материальное и символическое, создавая новую форму культурного опыта, в которой творчество — это не только изготовление вещи, но и участие в коммуникационном пространстве культуры.

Сетевые сообщества как пространство культурной социализации

Современная цифровая культура всё более явно проявляет тенденцию к формированию сообществ,

основанных не на территориальной близости, а на общности интересов, ценностей и символических практик. Ремесленные сообщества, существующие в интернете — в блогах, социальных сетях, на платформах для обмена визуальным контентом и в мессенджерах, — представляют собой одну из наиболее ярких форм такой новой общности. Они демонстрируют, как традиционные формы взаимодействия, присущие ремесленным мастерским и артельным структурам, могут быть воспроизведены и преобразованы в цифровом пространстве. Сетевые ремесленные сообщества можно рассматривать как новую форму культурного института, сочетающую черты артели, мастерской и медиаплатформы [8, с. 134].

В социологическом и культурологическом контексте подобные сообщества можно рассматривать как проявление сетевого общества (М. Кастельс) и одновременно как тип «виртуальной общины» (Г. Рейнгольд) [8, с. 145; 16, с. 79], где взаимодействие опирается на горизонтальные связи и самоорганизацию. Если традиционные ремесленные артели объединяли людей физически — в пространстве мастерской, гильдии, цеха, — то сетевые сообщества объединяют людей символически, через идентификацию с практикой, стилем, образом жизни. В них ремесло становится основанием не только для профессиональной коммуникации, но и для формирования новой формы **культурной солидарности**, основанной на совместном творчестве и взаимной поддержке.

Особенность таких сообществ заключается в том, что они формируют гибридную культуру общения, соединяющую элементы офлайн- и онлайн-взаимодействия. В рамках цифровых платформ происходит постоянное чередование ролей: мастер выступает одновременно учеником и наставником, участник — зрителем и автором, потребитель — соавтором [15, с. 112]. Эта взаимозаменяемость ролей создаёт ощущение «равенства в творчестве» и делает сообщество более демократичным, чем традиционные формы профессиональных объединений. В этом контексте понятие «социализация» обретает новое значение — не как усвоение внешне заданных норм, а как **включённость в культурную практику**, где личность формируется через совместное действие, обмен и сотворчество.

Феномен сетевых ремесленных сообществ можно рассматривать и как форму культурной рефлексии современности [6, с. 210]. Участие в них становится способом восстановления чувства принадлежности к сообществу, компенсирующего утрату живого социального окружения. Многие участницы рукодельных онлайн-групп — женщины, находящиеся в декретном отпуске, пенсионерки, эмигрантки, фрилансеры, — находят в этих сообществах не только пространство обмена опытом, но и ресурс эмоциональной поддержки и признания [2, с. 132]. Цифровая среда становится для них пространством «мягкой социализации» (soft socialization), где участие не требует строгих правил, но предполагает эмпатию, доверие и доброжелательность.

Подобная социализация основана на культуре участия (Г. Дженкинс), где коллективная активность выражается в совместном создании, обмене, распространении и обсуждении контента [6, с. 36]. В этом контексте сетевые ремесленные сообщества выполняют функцию своеобразных **цифровых мастерских**, в которых происходит не только обучение, но и социализация через совместный творческий труд.

Важно, что подобная форма взаимодействия формирует новые механизмы репутации и признания. Если в традиционной культуре статус мастера закреплялся в профессиональном сообществе и подтверждался материальными результатами труда, то в цифровой среде он во многом определяется **цифровым капиталом** — количеством подписчиков, комментариев, упоминаний, а также качеством визуального контента [5, с. 71]. Возникает новый тип символической экономики, в которой обмен лайками и рекомендациями выполняет роль социального одобрения [6, с. 182] и ресурса для экономической самореализации и культурного влияния.

Наряду с этим в сетевых сообществах ремесленников формируются нормы цифровой этики, регулирующие отношения авторства и подлинности. Проблема копирования и репликации чужих идей становится одной из наиболее обсуждаемых в онлайн-коммуникации [14, с. 187]. Появляется понятие «этического вдохновения» — допустимого использования чужого опыта без нарушения принципа уникальности. Таким образом, ремесленные сообщества в интернете становятся площадкой не только для обмена техниками, но и для выработки новых **ценностей креативного поведения**, где честность, открытость и уважение к труду другого превращаются в нормы культурного взаимодействия.

Социальная значимость сетевых ремесленных сообществ проявляется также в их инклюзивности. Цифровые технологии делают творчество доступным для тех, кто ранее был исключён из профессионального художественного процесса: людей, живущих в малых населённых пунктах, людей с ограниченными возможностями, мигрантов, пожилых граждан [8, с. 307]. Интернет нивелирует пространственные и статусные барьеры, открывая возможность участия для всех, кто готов делиться идеями и умениями. Это превращает ремесленные онлайн-группы в важный инструмент культурной демократии, где создаются новые формы **доступа к культуре и самоактуализации личности**.

Кроме того, сетевые ремесленные сообщества играют роль социокультурных лабораторий, в которых тестируются новые формы организации труда, обмена и самоуправления [15, с. 121]. Участники объединяются для проведения коллективных акций — благотворительных ярмарок, флешмобов, онлайн-выставок. Подобные инициативы демонстрируют, как культура ремесла становится платформой для социальных инноваций и общественного участия. Здесь формируется новая модель взаимодействия — не вертикальная,

институциональная, а горизонтальная, самоорганизованная, отражающая принципы *peer-to-peer* и *do-it-together*.

Таким образом, сетевые ремесленные сообщества выполняют двойную функцию — **коммуникативную и социализирующую**. С одной стороны, они обеспечивают обмен знаниями, техниками и эстетическими идеями; с другой — становятся пространством личного роста, социальной поддержки и идентичности. Через такие сообщества участники не только осваивают ремесленные навыки, но и обретают чувство сопричастности к большому культурному процессу.

Именно здесь проявляется важная особенность цифровой эпохи: культурное производство перестаёт быть прерогативой институций и профессионалов — оно становится повседневной практикой, доступной каждому. В этом смысле сетевые ремесленные сообщества можно рассматривать как **новый тип культурного института**, в котором традиционные ценности ручного труда и коллективного мастерства обретают современное выражение. Они воплощают переход от ремесла как профессии к ремеслу как форме **цифрового гражданства**, где творческая активность становится частью культурной идентичности личности и общества в целом.

Эстетика цифрового самовыражения

В эпоху медиатизации и визуального доминирования культура хэндмэйда приобретает новое измерение — эстетическое самовыражение в цифровом пространстве [14, с. 177]. Если традиционное ремесло было направлено преимущественно на создание материального объекта, то современная цифровая форма смещает акцент на визуальную и коммуникативную сторону творчества. Ремесло становится языком самопрезентации, способом визуального повествования о себе, своём времени и ценностях.

В этом контексте особенно важен феномен визуального нарратива. Мастер, публикующий изображения своей работы, не просто демонстрирует изделие — он строит рассказ: о ходе процесса, выборе материалов, личных эмоциях. В такой ситуации изображение становится неотъемлемой частью ремесленного акта, а эстетика — формой коммуникации. Визуальная репрезентация трудового процесса рождает особую «поэтику ремесла», в которой важны не только результат, но и атмосфера, жест, движение, свет, фактура.

Эта поэтика повседневности превращает ремесло в художественную практику саморефлексии. Мастера, размещающие свои работы в социальных сетях, выстраивают целостные визуальные миры, в которых сочетаются утилитарное и эстетическое. Каждый аккаунт становится виртуальной мастерской, где зритель вовлекается в процесс созидания через просмотр, комментариев и эмоциональное сопереживание.

Эстетика цифрового хэндмэйда характеризуется синтезом материального и символического. Ручной труд, запечатлённый на экране, сохраняет аутентич-

ность — следы рук, фактуру ткани, блеск глазури, движение кисти. Визуальное изображение усиливает телесность ремесла, создавая эффект «цифровой тактильности».

Важным элементом становится и гендерная эстетика. Женские онлайн-практики рукоделия, традиционно воспринимавшиеся как «домашние», в цифровой культуре приобретают статус публичных художественных высказываний [2, с. 213]. Через визуальные рассказы женщины артикулируют собственную идентичность, соединяя в творчестве заботу и самоутверждение. Цифровое ремесло становится пространством мягкой эмансипации, где творческая активность служит не протестом, а актом присутствия и признания в культурном поле.

Эстетика цифрового ремесла связана также с феноменом эмоциональной экономики (С. Ахмед), где создание и обмен произведениями формируют особую форму «аффективного капитала» — сеть эмоциональных связей, симпатий, вдохновений, которые формируют атмосферу поддержки и соучастия [2, с. 118]. В отличие от безличной логики массмедиа, хэндмэйд-коммуникация основана на личном обмене: каждый лайк или репост становится знаком признания и доверия [6, с. 224]. Через такую практику формируется новая эстетика взаимодействия, в которой произведение искусства перестаёт быть объектом, а становится медиумом отношений. Это сближает цифровое ремесло с интерактивными и перформативными формами современного искусства, где границы между автором и зрителем постепенно стираются.

Одновременно усиливается процесс коммерциализации авторского контента, меняющий формы культурного участия и распределения творчества в цифровой среде. Если на ранних этапах развития онлайн-сообществ мастеров преобладал бескорыстный обмен идеями, схемами и вдохновением, то сегодня всё чаще используются модели частичной монетизации. На платформах вроде Patreon и VK формируются многоуровневые системы доступа, где часть контента доступна только подписчикам или участникам, поддерживающим автора через донаты [6, с. 261].

Такой формат позволяет мастерам монетизировать собственное знание и креативность, сохраняя при этом творческую автономию и избегая зависимости от рекламных интеграций. Для участников сообществ подписка превращается не просто в плату за контент, а в акт **культурной сопричастности** — способ выразить доверие, участие и поддержку. Возникает новая микрокультура творческого обмена, основанная на взаимной ответственности между автором и аудиторией. Происходит переход от открытого ведения блога к многоуровневой модели взаимодействия: платные подписчики получают эксклюзивные материалы, ранний доступ к коллекциям, архивы и персональные комментарии. Вокруг таких авторов формируются устойчивые микросообщества, где экономическая поддержка становится продолжением культурного диалога.

В культурологическом контексте подобные формы можно рассматривать как проявление «новой экономики участия» (Г. Дженкинс) [6, с. 278] и краудэкономики, где креативность выступает формой экономического взаимодействия, основанного на доверии и символическом обмене. Коммерциализация не уничтожает творческую мотивацию, а трансформирует её, переводя креативность в формат **взаимного культурного обмена**, где ценность определяется не массовостью, а глубиной вовлечённости и личным контактом между автором и аудиторией.

Цифровое самовыражение через ремесло остаётся не только эстетическим, но и экзистенциальным актом. В условиях глобальной стандартизации и ускорения жизни ручной труд символизирует замедление и возвращение к подлинному опыту. Он воплощает ценности осознанности, заботы, созидания и эмоциональной устойчивости. Таким образом, ремесло в цифровой культуре становится своеобразным противовесом к алгоритмической безличности, способом вернуть человеку его присутствие и смысл в мире технологий.

Эти процессы формируют особый культурный ландшафт, в котором эстетика цифрового ремесла превращается в форму гуманистического сопротивления [1, с. 284]. Вещи, созданные вручную и показанные онлайн, несут в себе идею духовного равновесия, индивидуальности и связи поколений. Через визуальные и эмоциональные формы коммуникации ремесло возвращает в цифровую культуру элемент человеческого тепла и тактильного присутствия, формируя новую модель идентичности — основанную на креативности, эмпатии и совместном творчестве.

Заключение

Результаты исследования показывают, что ремесло в эпоху цифровой медиатизации утрачивает статус исключительно материальной практики и становится формой культурной коммуникации, сохраняющей связь с традицией при одновременном освоении новых медиаформатов. Этот переход демонстрирует устойчивость ремесленной культуры и её способность адаптироваться к изменяющимся социокультурным условиям, сохраняя функцию передачи культурной памяти и творческого самовыражения.

В контексте культурной памяти ремесло выступает посредником между прошлым и настоящим. Оно сохраняет не только технологические навыки, но и ценностные структуры, воплощая память в предметах, действиях и телесных жестах. Через воспроизведение традиционных форм и техник ремесленник не просто продолжает историческую линию, но и переосмысливает её, создавая новые культурные коды. Таким образом, ремесло можно рассматривать как форму живой памяти, в которой воплощается опыт поколений и выражается идентичность сообщества.

Медиатизация ремесла меняет способы восприятия и коммуникации в культурной среде. Цифровые

платформы становятся пространством, где ремесло приобретает визуальную и символическую форму существования. Переход из материального в цифровое не разрушает подлинности ремесла, а создаёт новые способы её проявления: через визуальные нарративы, онлайн-обучение, сетевые выставки и совместные проекты. В цифровой среде ремесло становится инструментом межкультурного взаимодействия и диалога, объединяя локальные традиции с глобальными сетями культурного обмена.

В условиях сетевой коммуникации формируется новая эстетика цифрового самовыражения. Ремесленные практики превращаются в визуальные акты идентификации и самоопределения, где творчество становится не только способом производства, но и способом быть увиденным, услышанным, признанным. Цифровое ремесло соединяет индивидуальное и коллективное творчество, создавая гибридную форму культурной активности, основанную на принципах участия, доверия и эмоциональной вовлечённости.

Таким образом, ремесло в цифровую эпоху предстает как интегративная практика, соединяющая традицию и инновацию, материальное и символическое, локальное и глобальное. Оно выступает важным ресурсом формирования культурной идентичности и социальной солидарности, а также примером того, как в медиатизированном обществе возможно сохранение гуманистических ценностей — творчества, эмпатии и совместного созидания.

Библиографические ссылки

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — (Studia historica).
2. Ахмед С. The Cultural Politics of Emotion. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. — 256 p.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. — М.: Медиум, 1996. — С. 45–83.
4. Бумен, ван ден М. В. Как цифровое становится социальным // Неприкосновенный запас. — 2020. — № 130 (2). С. 17–39. — URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/ neprikosnovennyuy_zapas/130_nz_2_2020/article/22544/ (дата обращения: 11.10.2025).
5. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–74.
6. Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture. — New York: New York University Press, 2013. — 352 p.
7. Иванова Ю. В. Хэндмэйд-сообщества Рунета // Социология в системе научного управления обществом [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. — М.: ИС РАН, 2012. — 1 CD-ROM. — ISBN 978-5-89697-210-5. — С. 635–636. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=2401 (дата обращения: 10.10.2025).
8. Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: ГУ ВШЭ, 2021. — 564 с.
9. Культурный капитал региона: брендинг и позиционирование. — Чита: ЗабГУ, 2018. — 261 с. — ISBN 978-5-9293-

2277-8.

10. Мирненко Е. А., Яковлева И. П. Хендмейд как форма творческой и профессиональной самореализации личности // Научный журнал КубГАУ. — 2017. — № 129 (05). — URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/05/pdf/96.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

11. Сиюхова А. М., Базалина Е. Н., Кубова А. А. Хендмейд как ресурс социокультурного развития современного общества // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2022. — Т. 14, № 4. — С. 181–190. — DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-4-181-190.

12. Степанчук А. В. Сохранение, развитие и демонстрация ремесел как части нематериального культурного наследия в объектах культурного туризма // Известия КГАСУ. — 2015. — № 4 (34). — С. 72–80.

13. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 104 с.

14. Хепп А., Крёц Ф. (ред.). *Mediatized Worlds: Culture and Society in a Media Age*. — London: Palgrave Macmillan, 2014. — 336 с. — ISBN 978-1-137-30035-5. — DOI: 10.1057/9781137300355.

15. Хепп А. Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — Т. 38, № 2. — С. 98–123.

Современный вузовский музей: актуальные вызовы и особенности функционирования

Аннотация. В статье рассматриваются особенности деятельности современных вузовских музеев. Анализируются задачи, связанные с интеграцией вузовских музеев в Гостакалог РФ. Акцентируется внимание на статусе и правовом положении вузовских музеев. Выявляются проблемы, связанные с экспозиционной и экскурсионной работой музея вуза. Акцентируются нюансы организации учетной деятельности. Выявлена фондовая деятельность вузовских музеев. Предлагаются стратегии функционирования музеев вуза на современном этапе.

Ключевые слова и фразы: вузовский музей, фонды музея, учёт, экспозиция, культурно-образовательная деятельность, просвещение, университет, учредитель.

Светлана КАЛИТА

*Российский университет дружбы народов (РУДН)
им. Патриса Лумумбы, Москва*

Вузовский (или университетский) музей — это музей особый, специфический. Название говорит о принадлежности: этот музей создан в высшем учебном заведении и является его составной неотъемлемой структурой, хранящей память. А память позволяет восстанавливать культурные слои и традиции, обеспечивая диалог между прошлым и настоящим [4, с. 202].

В отечественном музееведении периодически ставятся вопросы о месте и задачах вузовских музеев, проводятся дискуссии на тему их основных функций, а также принимаются попытки по определению более точного статуса музея такого типа. Особо стоят проблемы сравнительной музеологии, связанные с выявлением отличий и аналогий сущности вузовского музея применительно к классическому музею по базовым музейным функциям. И, безусловно, актуальной является проблема поиска решения общих проблем вне зависимости от профиля и специфики конкретного университетского музея.

Итак, проблем, стоящих перед вузовским музеем, достаточно много. В данной статье сложно охватить весь комплекс проблем, поэтому будет сделана попытка затронуть наиболее актуальные.

Итак, одна из главных проблем — это проблема, связанная с правовым положением вузовских музеев. Эта проблема особенно обострилась сейчас, в третьем десятилетии двадцать первого века. Суть проблемы — в сложных и неоднозначных взаимоотношениях вузовских музеев с Министерством культуры РФ. Не очень сведущий в музейном деле наблюдатель может сказать, а зачем вузовскому музею обращать внимание на Министерство культуры? Ведь если музей — это структурное подразделение вуза, то можно действовать автономно. Но это кажется на первый взгляд. На самом деле вузовские музеи, если это действительно музеи, должны в своей деятельности учитывать стратегии, указания и сотрудничать с Министерством культуры. Качество этого сотрудничества влияет на профессиональную составляющую практической деятельности и

эффективность музеев такого вида. Недальновидно и неправильно в настоящее время музеям образовательных учреждений, а вузовским — тем более, «вариться в собственном соку». Сложности коренятся в соподчинении вузовского музея одновременно двум министерствам. Вузовский музей является, образно выражаясь, «службой двух господ»: Министерства культуры и Министерства науки и высшего образования. Этот факт затрудняет, а порой и тормозит деятельность «службы», возможности которого и так не очень-то велики. Уже упоминалось, что учредитель музея — вуз. Этот факт притягивает внимание, силы и прочие активности образованной им музейной структуры в законодательное поле Министерства образования. С одной стороны, это логично. С другой же — не всегда эквивалентно требованиям Министерства культуры. Казалось бы, раз вуз — учредитель, то и решать надо прежде всего задачи, заданные учредителем, чем, собственно, музей и занимается. А это — прежде всего задачи, связанные с образованием, просвещением, воспитанием студенчества. Ну, и конечно, продвижение корпоративной культуры данного вуза, демонстрация достижений вуза и его реклама. Продвижение любого образовательного учреждения имеет особое значение для восприятия в обществе, создания конкурентоспособности института с точки зрения различных рейтингов, привлечения внимания абитуриентов и высококвалифицированных кадров [6, с. 76]. Преимущественно, в подавляющем большинстве, музеи вузов участвуют в жизни вуза в формате деятельности культурно-образовательной и выставочной. Это проведение экскурсий, участие в учебном процессе посредством демонстрации музейных предметов, проведения разного рода, мастер-классов, викторин, квестов, квизов, олимпиад и прочих мероприятий на своих площадках [5, с. 8]. Выставочная деятельность тоже реализуется вузовскими музеями, особенно если выставки юбилейные: одновременно это ещё и реклама юбилею или вузу. Такая музейная деятельность руководству вуза понятна, она на виду, информация о ней мелькает в разных университетских и не только СМИ, о ней знают и в ней участвуют как студенты, так и преподаватели. Очевиден вклад вузовского музея в социализацию и реализацию студентов. Такая реали-

зация осуществляется в процессе включения обучающегося в общеузовскую систему социокультурных ролей, в которой личность является активным субъектом, способным к творческой преобразовательной деятельности [1, с. 26].

При этом надо помнить, что вузовский музей — это то место, где реализуется «времен связующая нить», происходит своеобразный диалог поколений, когда молодые как бы примеривают на себя события и дела прошлого, чтобы научиться достойно жить сегодня [3, с. 154]. Социокультурное взаимодействие вуза и музея, его образовательная роль, воспитание в музее социально значимых качеств личности и формирование общекультурных компетенций студента — это актуально и важно [7, с. 157].

А вот фондовая и учетная работа — это нечто иное. Это «вещь в себе». Но ведь это и есть самая суть музейной работы, повторим расхожее среди музейщиков выражение «Фонды — основа музейной жизни». Это деятельность очень специальная, профессиональная и кропотливая. В саму суть этой работы руководство вуза, как правило не вникает. Это в лучшем случае. А порой даже считает эту работу излишней. Конечно, есть счастливые примеры, с очень лояльным к вузовскому музею ректорату, но исключение только подтверждает общую закономерность.

В настоящее время остро возникла проблема музейных кадров в музеях университетов: требования к уровню и компетенциям современных музейщиков значительно повысились. Впрочем, это касается не только вузовских музейщиков, а вообще квалификации музейных сотрудников музеев всех уровней подчинённости. По правде говоря, до сих пор квалификация работающих в вузовских музеях сотрудников порой оставляет делать лучшего. Современные специалисты в современных музеях должны иметь достаточно высокие специальные музейные компетенции. При этом, обязательны общекультурные универсальные компетенции, а также — уверенная цифровая грамотность, владение несколькими базовыми музейными программами. Ту же оцифровку музейных предметов просто так, по щелчку не сделаешь [8, с. 157].

В последнее время возрастает общественный и профессиональный запрос на развитие в пространстве вузовских музеев актуальных стратегий современной музейной практики. Вузовский музей должен быть современной активной профессиональной структурой, и очевидно, что современный музей вуза — это не просто зал с кубками, фотографиями и прочими достижениями вуза.

Здесь хотелось бы отметить, что экспозиционная деятельность вузовских музеев зависит от многих факторов. В большинстве музеев есть постоянная экспозиция, в некоторых — несколько экспозиционных площадей. При этом следует помнить, что вузовский музей — это не только выставочные проекты и тематические экспозиции, а креативное пространство для развития студенческих проектов, продвижения

студенческих идей, способствующее воспитанию, самоопределению и становлению молодых учёных. Более того, следует стремиться к тому, чтобы материалы вузовского музея интегрировались в студенческие исследования и становились основой для научных открытий.

Как правило, постоянная экспозиция типичного вузовского музея представляет историю вуза. Бывают случаи, правда нечастые, когда вузовские музеи привлекают профессиональных музейных проектировщиков и реализовывают концептуальные проекты.

В последнее время всё чаще встречается ещё одна отрадная тенденция: региональные вузовские музеи выходят за стены своих вузов и демонстрируют сюжеты, связанные историей территорий, на которых они находятся, стараясь увязать региональную фактуру с хранящимися у них музейными предметами. Очевидно, что если музей вуза в своей культурно-образовательной и экспозиционной деятельности делает акценты на более широкий социокультурный контекст, то он расширит охват внешних посетителей.

Таким образом вузовский музей принимает более интенсивное участие в жизни города. Но это тоже требует координации деятельности не только с руководством вуза, но и органами управления культурой: надо быть в тренде актуальной культурной политики. Представляется важным вузовским музеям выходить за территорию вуза и экспозиционно охватывать культурные проблемы региона, в котором находится университет. Отрадна попытка, музейными средствами анализировать специфику области. Это поможет прогнозировать потенциал её культурного развития, который в том числе отражается в деятельности музеев региона, и будет отражаться на деятельности музеев вузов, находящихся в этом регионе [8, с. 9–11; 17–18].

Структуре, позиционирующей себя как музей, надо работать как именно музею, а не как образовательной структуре. Иначе это будет не музей, а нечто иное. А особенную актуальность эта проблема получила именно в настоящее время, когда перед всеми музеями страны во весь рост встала задача реализация создания Государственного каталога РФ.

А так как любой университетский музей — это прежде всего именно музей (ключевое слово), соответственно, он часть отечественного музейного сообщества. И он должен, находясь в музейном сообществе, выполнять обязательные для музеев страны правила и решать актуальные задачи, тем более — такие значимые и масштабные. Да, уклоняться от участия Госкаталоге на первых порах может и получиться, прячась за широкой стеной своего вуза-учредителя. Но долго ли это может продолжаться? И стоит ли?

Так, в соответствии с изменениями, внесенными в ФЗ-54 «О Музейном фонде РФ», все музеи страны должны передать свои коллекции в Госкаталог музейного фонда РФ. Тем более очевидно, что коллекции, хранящиеся в вузовских музеях, репрезентативны, интересны и уникальны. Они комплектовались в раз-

ное время и охватывают огромное многообразие сфер человеческой деятельности. Выдающиеся учёные привозили из экспедиций редкие экземпляры разных видов растений, насекомых, животных образцов почвы, камней. Кстати, естественно-научные коллекции представляют, как правило, самый большой раздел по количеству предметов и масштабу собрания и доставляют наибольшие трудности в методике описания. В музеи университетов разными, порой необычными путями попадали предметы старины, произведения искусства, книжные памятники, медали и кубки, нумизматические коллекции. В музеях оседали мемориальные собрания деятелей науки, которые являлись основоположниками научных школ этого вуза. И конечно, существует особая неоднородность классификации музейных предметов, которые могут попасть, например, в вузовскую библиотеку (например, редкие книги или рукописи из коллекции ученых или же в архив (архивные документы). В таких случаях музейщикам следует действовать особенно аккуратно.

В целом назрела потребность в разработке специального регламента деятельности вузовских музеев, а также специализированных нормативных документов, определяющих штат музея, его официальный статус в структуре вуза и системное финансирование.

Чтобы вузовскому музею оставаться именно музеем, а не культурно-просветительской структурой, необходимо не вступать в конфронтацию, а взаимодействовать с Министерством культуры. И здесь возникают проблемы: решение поставленных Госкаталогом задач. Это регистрация, учёт, организация передачи информации о музейных предметах — эти процессы выводят работу вузовских музеев за рамки регулирования Министерства науки и высшего образования.

Да, в настоящее время, к сожалению, далеко не все вузовские музеи интегрированы в процесс создания Госкаталога. Некоторые этим не занимаются. Но всё же есть вузовские музеи, которые, несмотря на трудности, делают попытки интеграции в эту важную профессиональную музейную информационную систему. Процесс этот идет зачастую очень непросто: выявляются недочёты и ошибки, допущенные в этих музеях ранее. Особенно много сложностей у вузовских музеев связано с организацией учёта и учётной документацией. Недостаточная проработка этой важной части музейной фондовой деятельности, требующая квалификации и профессионализма, тормозит интеграцию вузовского собрания в Госкаталог. Вместе с этим зачастую руководители многих вузовских музеев не получают должного понимания и поддержки от ректората в этом вопросе. Порой руководители вузов не вполне оценивают репутационные издержки, связанные с этой проблемой.

Регистрация в системе Госкаталог РФ — необходимая процедура, обусловленная Федеральным законодательством. Регистрация в Госкаталоге может дать вузовским музеям ряд преимуществ. Во-первых,

наделяет коллекцию музея официальным статусом. Этот факт делает легитимным осуществление обмена дубликатами и копиями с другими музейными учреждениями страны, что расширяет возможности комплектования.

Во-вторых, факт регистрации коллекции даёт возможность осуществления свободной выставочной деятельности, связанной с обменом предметами с другими музеями.

В-третьих, регистрация в Госкаталоге будет способствовать совершенствованию системы учета в конкретном вузовском музее. А это, в свою очередь, отразится на качестве хранения музейных предметов. Можно в дальнейшем работать с уже имеющимися данными: дополнять уже имеющуюся или осуществлять новую атрибуцию, исправлять выявленные недочёты, корректировать документацию и пр.

В-четвёртых, сам факт расширения виртуального доступа к коллекциям, хранимых в вузовских музеях, делает музей более доступным для самых разных слоев и категорий. Это будет способствовать повышению имиджа вуза, способствовать вниманию и увеличению количества абитуриентов, а вузовскому музею — посетителей. К тому же регистрация в Госкаталоге связана с оцифровкой и размещением изображений музейных предметов в сети. Оцифрованные изображения проникают сквозь пространственные барьеры расширяют свою репрезентацию. Этим самым вузовские музеи дают возможность не только студентам своего вуза, но самым широким категориям исследователей знакомиться с ранее закрытыми вузовскими собраниями. А тот факт, что в процессе оцифровки появляется цифровая копия музейного предмета, является достаточно позитивным: в процессе изучения можно пользоваться ей, а не физическим музейным предметом. Это способствует сохранности музейного предмета и способствует минимизации риска нанесения физического ущерба коллекции. К тому же оцифровка акцентирует внимание на ранее недоступных деталях. Ранее невидимые глазу особенности предмета можно разглядеть и увеличить. Реальные музейные предметы могут быть подвержены всевозможным рискам, и даже — стихийным бедствиям. Не говоря уже о том, что со временем всё стареет и ветшает, происходит естественное, связанное с временем, разрушение музейных предметов, как бы не заботились о них хранители. А цифровые изображения могут находиться на серверных системах с резервным копированием или вообще на облачных системах. Это значительно увеличивает шансы на сохранность изображений. А в случае, если оригинал внезапно окажется повреждён, цифровое изображение окажет большую помощь для реставрации.

Никто не спорит, сама процедура регистрации в Госкаталоге является детально регламентированной и сложной. Она включает комплектование необходимого набора специальных документов и наличие музееведчески выверенной информации о музейном собрании конкретного музея. Надо обладать специальными

музейными компетенциям, чтобы собрать репрезентативную полную информацию о музейных предметах и сформировать требуемый для регистрации комплект документации.

Сложности процедуры регистрации музея вуза в системе Госкаталога обусловлены частым отсутствием требуемой юридической поддержки, которая необходима по регламенту музейного законодательства. Поэтому актуальнейшей проблемой в современной деятельности вузовских музеев на сегодняшний день является законодательное урегулирование их деятельности, поскольку сложности, возникающие в результате пересечения сферы административного управления со стороны различных министерств, таких как Министерство науки и высшего образования и Министерство культуры, тормозят важные рабочие процессы. Обстоятельства требуют совместной продуктивной работы курирующих организаций для формирования нормативных документов, регулирующих правовое положение музеев вузов.

Таким образом, на сегодняшний момент существующая законодательная база с трудом и недостаточно эффективно регулирует функционирование вузовского музея в качестве субъекта подчинения обоих министерств. И все же некоторые вузовские музеи берут пример с музеев классических в плане стандарта осуществления профессиональной деятельности. Конечно, с учётом имеющихся возможностей и кадров.

Итак, вузовский (или университетский) музей — это своеобразная летопись истории высшего учебного заведения. В таком музее происходит процесс документирования деятельности вуза в пространстве и во времени. Именно там комплектуются материалы по истории становления, развития и деятельности научных направлений и школ. И, конечно, именно в музее собирается конкретная информация о культурной, воспитательной, спортивной, досуговой и творческой жизни вуза. Эта летопись, которая пишется музейными предметами и документами, транслируется, сохраняется и передается последующим поколениям преподавателей и студентов, при этом своим содержанием формирует чувство преемственности, причастности к своей «альма-матер» [2, с. 176].

Библиографические ссылки

1. Воспитательная среда университета: традиции и инновации: монография / А.В. Пономарев [и др.]. Екатеринбург, 2015. 408 с.
2. Калита С.П., Юркин И. Н. Университетский музей как культурный феномен // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 1А. С. 176–183. С.26
3. Кириллова М.Г. Экспозиций музея вуза как пособие для изучения исторического и культурного наследия в целях гражданского патриотического воспитания молодежи и студентов // Алдамжаровские чтения, Казахский национальный исследовательский технологический университет имени академика З. Алдамжар (КСТУ). Костанай, 2010. С. 154–157. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 18.04.2025)
4. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении /

Ю. М. Лотман // Избр. статьи. — Таллинн, 1992. — Т. 1. — С. 200–202.

5. Смуров, А. В. Вузовский музей в современном социокультурном пространстве. // Наука в вузовском музее: Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 17–19 ноября 2020 г. / Отв. ред. А. В. Смуров; Музей землеведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. — Москва: МАКС Пресс, 2020. — С. 7–11. — URL: https://www.mes.msu.ru/images/pdf/science/Sbornik_2020.pdf
6. Сорокина, Г.В. Брендинг университетов новые вызовы для российских вузов / Г. В. Сорокина, Ф. Н. Гуров. — Текст : электронный // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : материалы VIII Международной научно-практической конференции (12 марта 2022 г., г. Санкт-Петербург) / Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Европейский институт публичных релейшнз Санкт-Петербург, 2022 г. С. 76–77. [Электронный ресурс]. урс]. (дата обращения: 18.06.2025)
7. Умеркаева С. Ш. Музей и вуз: актуальные проблемы социокультурного взаимодействия // Интерактивная наука. 2017. № 6 (16).
8. Чужакова А.А. Музейное пространство в образовательном процессе вуза и его организация с помощью программного продукта «1С: Музей» // Новые информационные технологии в образовании. Сборник научных трудов XXII международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 57–58.
9. Шахов В. А. Генезис и специфика культуры Калининградской области: автореф. дис. докт. культурологии / В. А. Шахов; СПбГИК. — Санкт-Петербург, 2019. — 43 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/genezis-i-spetsifika-kulturykaliningradskoi-oblasti/read>

Прусские мечи эпохи Меровингов

Аннотация. Проведённый в предлагаемой статье обзор мечей знатных прусских воинов порога средневековья позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиция украшения ножен боевых ножей проникает к населению западной части Мазурского Поозерья в VII в. в результате прямых контактов с Аварским каганатом и его обитателями-германцами.
2. Мечи с накладками на ножнах известны по данным прусских погребальных памятников и генетически связаны с традициями декорирования упомянутых выше мазурских ножей. Очевидно, что ножны мечей стали продуктом деятельности балтских (мазурских, видимо) оружейников.
3. Мастера западной части Мазурского Поозерья и, возможно, их северные соседи — прусские оружейники позднего VII в. при изготовлении ножен мечей использовали германские, аварские (лишь в оформлении псевдо-наконечников ножен) и собственные западнобалтские традициями эпохи Великого переселения народов. Не исключено и то, что часть мечей могла попасть к пруссам в качестве трофеев.
4. Мечи высокопоставленных прусских воинов являются ярким примером слияния различных культурных традиций на рубеже между эпохами античности и средневековья.

Ключевые слова и фразы: музей, Мазурское Поозерье, Аварский каганат, эпоха Великого переселения народов, мечи.

Владимир КУЛАКОВ

Институт археологии РАН Калининград-Москва, Россия

Однолезвийные мечи типа «длинный сакс»¹ (дл. от 30 до 50 см), ножны которых снабжены обильно декорированными басмой серебряными накладками, являются характерной деталью материальной культуры пруссов эпохи Меровингов. Варшавский коллега Пшемислав Урбаньчик почти полвека назад изучил эти артефакты и пришёл к выводу о том, что эти мечи стали результатом симбиоза традиций древних германцев и авар. Автор считал, что конструктивно ножны прусских мечей восходят к традициям оружейников Среднего Рейна. А орнамент, их украшавший, возник под влиянием аварского декоративного искусства Карпатской котловины VII в. [14, 123]. U-образные в сечении железные полосы (точнее — обоймицы), скреплявшие по периметру деревянные двухчастные ножны мечей прусских воинов, известны на мечах германцев второй пол. — кон. VII вв., общим своим видом (рис. 1, справа) восходящих к римским кавалерийским мечам-спатам. Упомянутые полосы также представлены на ножнах спат поздней фазы Римской Империи [8, рис. 25]. Аварские декоративные традиции отмечены на накладках, располагавшихся в нижней части ножен прусских мечей, имитируя наконечники таких ножен. Эти накладки несли характерный для аварского декоративного искусства орнамент в виде «ёлочки» (рис. 2,3). Подобного рода артефакты, как правильно считал П. Урбаньчик, могли возникнуть в позднем VII в. в пределах Аварского каганата на Среднем Дунае, в составе войск которого присутствовали не только собственно аварские формирования, но и отряды гепидов и лангобардов. Как показывают находки, сделанные Мирославом

Петшаком при раскопках грунтового могильника Neuendorf/Nowinka (окрестности Elbing/Elbląg), мечи с богато украшенными ножнами, совмещавшими германские и аварские традиции, принадлежали, судя по составу погребального инвентаря, знатым воинам (в т.ч. — вождям) кон. VII в. (рис. 3).

Современное состояние прусской археологии позволяет существенно дополнить и расширить наши знания о мечах знатных прусских воинов порога средневековья. Как это видно на накладках с ножен некоторых клинков из прусских воинских погребений (рис. 4), серебряная фольга, узкими полосами перекрывавшая обтянутые кожей/тканью деревянные

Рис. 1. Фрагмент меча в ножнах из погр. 2 могильника Gutenstein, Sigmaringen (Land Baden-Württemberg, Deutschland) [11, 406, 407].

¹ Такие клинки мечами именуются условно, saks — скорее боевой нож.

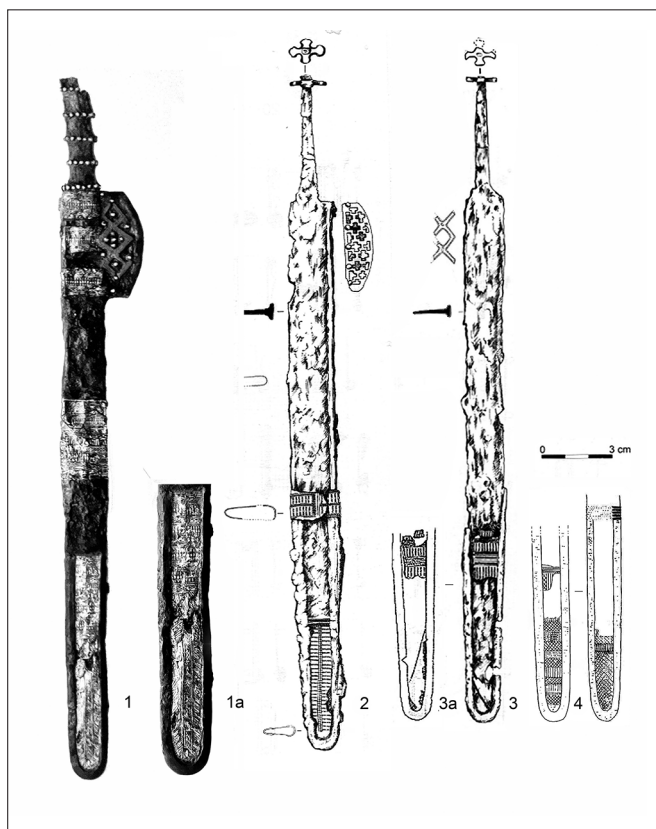

Рис. 2. Мечи с серебряными накладками на ножнах из могильников западных балтов: 1 – з погр. X22 могильника Skardelies Wald/Алейка-7; 2 – погр. No-85 могильника Neuendorf/Nowinka, 2a – нижняя часть ножен этого меча; 3 – погр. No-17; 3a – нижняя часть ножен этого меча; 4 – нижние части ножен меча из Wilkitten/Vilkučiai (1 – 9, 14; 2, 3 – 13, pl. X, LIX\$ 4 – 14, tabl. II).

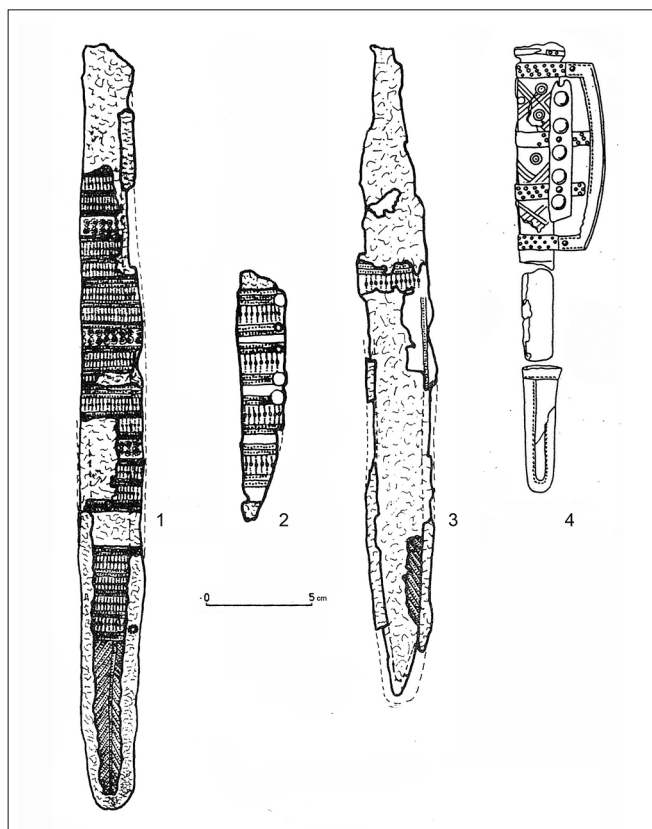

Рис. 4. Ножи и меч в ножнах с серебряными накладками в мазурских и прусских погребальных комплексах: 1 – погр. 6/Ne могильника Neustädterfeld/ul. Armii Czerwonej, Elbing/Elbląg; 2 – погр. Da-103 могильника Daumen/Tumiany; 3 – погр. 6 могильника Kellaren/Kielary; 4 – погр. Da-38 могильника Daumen/Tumiany (1-3 – 14, tabl. II; 4 – 1, рис. 33).

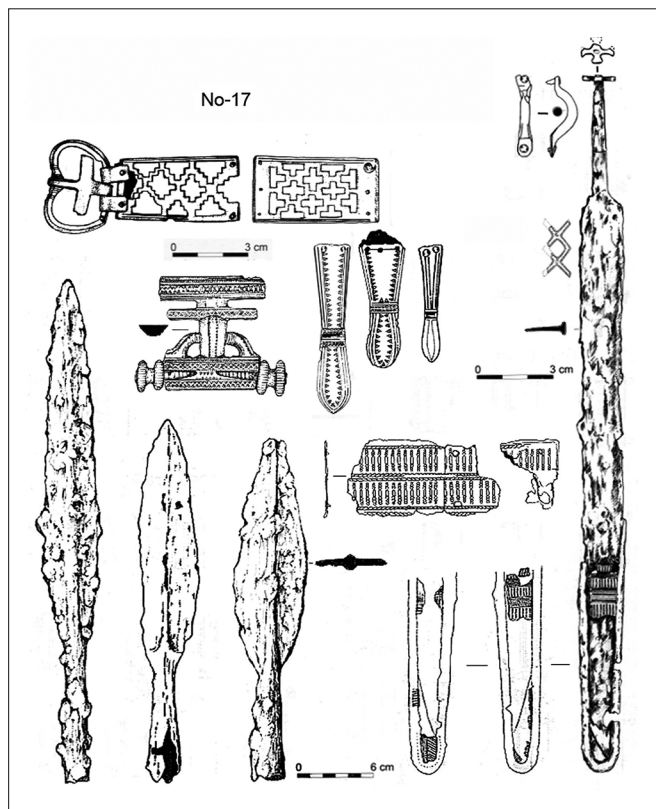

Рис. 3. Вещевой комплекс погр. No-17 [13, pl. X].

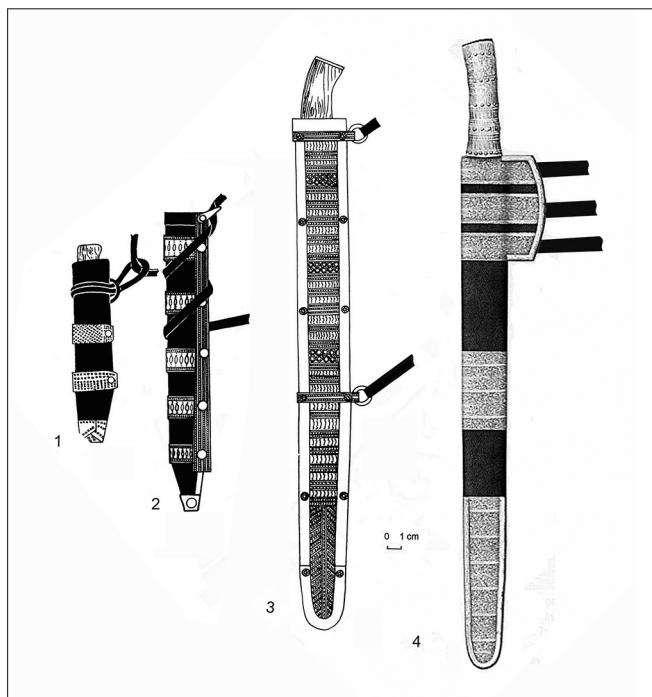

Рис. 5. Реконструкция ножей и меча в ножнах с серебряными накладками в мазурских и прусских погребальных комплексах: 1 – погр. Da-74 могильника Daumen/Tumiany; 2 – погр. 553 могильника Alt-Kossewen/Kosewo; 3 – погр. 6/Ne могильника Neustädterfeld/ul. Armii Czerwonej, Elbing/Elbląg; 4 – погр. Wa-1 могильника Warnikam/Первомайское (1-3 – 6, рис. 121; 4 – 10, рис. 33).

двухчастные ножны и крепившиеся U-образными в сечении железными оковками по бокам ножен, несла тиснённый орнамент в виде плоских сфер, окружённых точками и фигур типа Kegelkönig [3, рис. 2]. Такие детали басменного орнамента были известны в декоративном искусстве западных балтов ещё в нач. V в. н.э. Узкие орнаментальные полосы на ножнах прусских ножей и мечей с железной оковкой деревянных ножен (рис. 4,3,4) связаны с традициями ножен «крымского типа», характерных для позднесарматских древностей Восточной Европы [5, 32]. Фиксатор этих накладок на мазурских ножнах находился, как и у поздних сарматских ножей, на ножнах со стороны лезвия ножа [4, рис. 2,2,4]. Эти феномены стали результатом культурных и, возможно, этнических контактов со степными народами. Восточноевропейские традиции стали причиной специфики погружения прусских клинков (не только ножей, но и, возможно, мечей) полностью в ножны (рис. 4,4). Это предотвращало внезапное выпадение клинка из ножен в неподходящий момент. Данный феномен характерен для шашек Нового и Новейшего времени, которые изготавливали оружейники Северного Кавказа и Средней Азии.

Принципы портупейного крепления ножей и мечей с роскошными ножнами включали позднесарматские традиции (через ремennую или бронзовую петлю в верхней части ножен — рис. 5,1,2). Некоторые мечи воссоздавали нормы крепления римских спат посредством плечевого портупейного ремня (рис. 5,3). Железная U-образная обоймица опоясывала при этом весь периметр ножен. У более позднего (очевидно, ближе к рубежу VII-VIII вв.) варианта мечей пруссов такие обоймицы находились лишь в нижней части ножен, которые крепились к поясу воина посредством полукруглой обоймицы, находившейся в верхней части ножен (рис. 5,4). Кстати, у византийских мечей VII-VIII вв., продолжавших линию развития римских спат, обоймицы на ножнах также лишь частично сохранились [4, рис. 3,1,2].

Прусский меч мог помещаться в ножны как лезвием к воину, так и в обратном направлении. Клинок в походном положении находился практически параллельно поясу воина (рис. 6), что было весьма удобно при его посадке на коня. Если раньше, в V-VI вв. основной клинок прусского дружинника — нож-кинжал — предполагал действие пехотинца против тяжело-вооружённого противника путём укола, то мечи типа «длинный сакс» были предназначены для рубки, причём, возможно, с коня. Косвенно на это указывает загиб острия меча [7, рис. 6,5-7], что роднит его с позднейшей шашкой и делает «длинный сакс» пруссов её предшественником.

Германские мечи, ставшие одной из предтеч прусских клинков в ножнах с обоймицами, нередко носили изображения сакрального характера на накладках на своих ножнах [12, 179]. Прусские по своему происхождению детали (т.е. — сферы с точками по периметру и фигуры типа Kegelkönig) декора клинков

знатных прусских воинов также имеют культовое происхождение [3, 133]. Эта специфика генетически связанных между собой клинков позволяет предполагать их применение не только в боевых действиях, но и в ритуальных церемониях, возможно — при осуществлении культовых акций (жертвоприношение?). Примечательно, что в погр. X22 могильника Skardelies-Wald/Алейка-7 вместе с мечом в декорированных ножнах встречен питьевой рог. На обеих находках представлен басменный декор с упомянутыми выше деталями, что указывает на возможно культовое значение меча и питьевого рога.

Судя по датам погребальных комплексов, в составе которых найдены «длинные саксы» на Мазурах, они появляются там не позднее сер. VII в. Так как здесь представлены не только мечи в ножнах с накладками, но и их небольшие «копии» — боевые ножи (рис. 4), западная часть Мазурского Поозерья является, очевидно, первоначальным ареалом распространения этих уникальных артефактов. В ареале пруссов ножей с накладками на ножнах не обнаружено после поражения жителей Мазур в битве с ними.

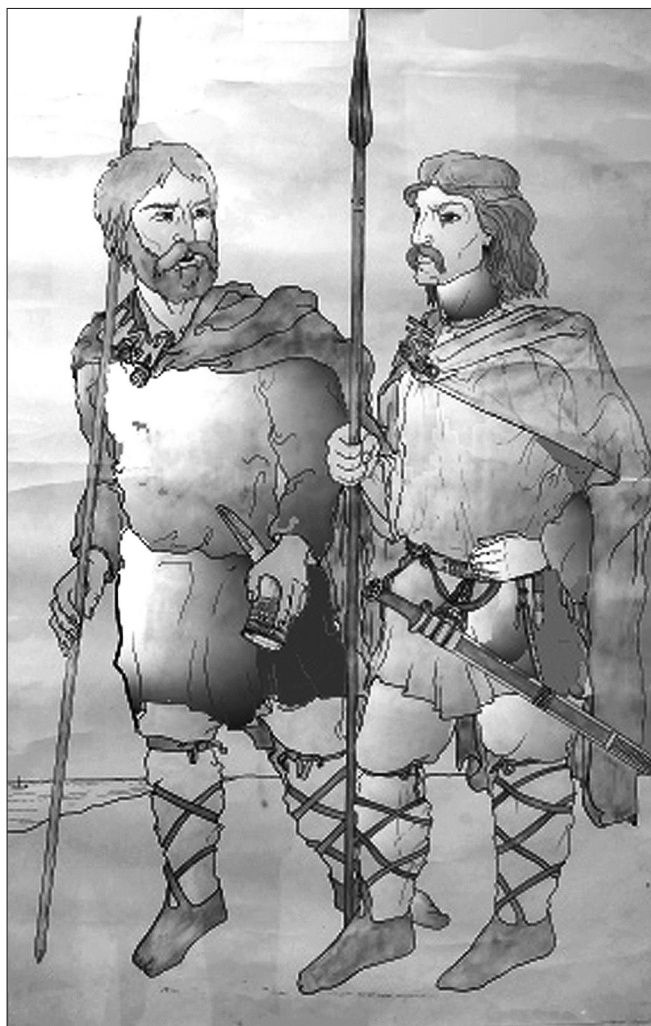

Рис. 6. Реконструкция внешнего вида прусских воинов рубежа VII-VIII в. (по данным могильника Neuendorf/Nowinka) (экспозиция историко-археологического музея «Рантава», г. Пионерский).

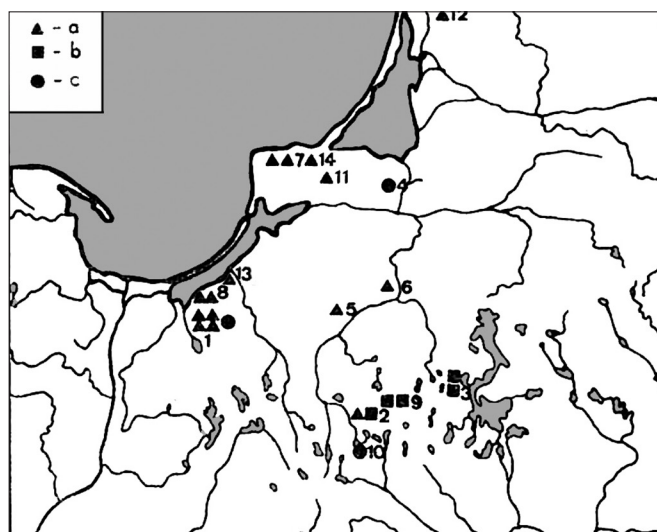

Рис. 7. Мечи и ножи с декорированными ножнами в юго-западной Балтии в эпоху Меровингов: а – меч в ножнах; б – нож в ножнах; с – прочие детали клинков; 1 – Elbing/Elnag; 2 – Kellaren/Kielary; 3 – Alt-Kossewen/Kosewo; 4 – Löbertshof; 5 – Markeimen/Markajmy; 6 – Smolanka; 7 – Sortenen/Куликово; 8 – Silberberg bei Lenzen/Lęcze; 9 – Daumen/Tumiany; 10 – Wapłitz/Waplewo; 11 – Ekriten/Бетрово (Сиренево); 12 – Wilkitten/Vilkučiai; 13 – Neuendorf/Nowinka; 14 – Skordelies Wald/Алейка-7 [14, табл. 1], с добавлениями автора].

Причины попадания мазурского оружия в руки пруссов описано в «Прусской хронике» монаха Симона Грунау, основанной на местных устных и письменных (?) преданиях (перевод текста – 2, 17). В победной для пруссов битве, произошедшей где-то на берегах реки Алле/Лавы на стороне их противников сражались и отряды подвластных, кроме западных балтов, жителей Мазур, и их союзники – авары, гепиды и лангобарды. От них пруссы и переняли традицию изготовления «длинных саксов» с роскошных ножных. Скопления этих находок отмечены на берегу Вислинского / Калининградского залива и на Самбии (рис. 6). Примечательно, что на прусской территории находок ножен с серебряными накладками больше, нежели чем в западной части Мазурского Поозерья.

Итак, проведённый обзор мечей знатных прусских воинов порога средневековья позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиция украшения ножен боевых ножей проникает к населению западной части Мазурского Поозерья в VII в. в результате прямых контактов с Аварским каганатом и его обитателями-германцами.

2. Мечи с накладками на ножнах известны по данным прусских погребальных памятников и генетически связаны с традициями декорирования упомянутых выше мазурских ножей. Очевидно, что ножны мечей стали продуктом деятельности балтских (мазурских, видимо) оружейников.

3. Мастера западной части Мазурского Поозерья и, возможно, их северные соседи – прусские оружейники позднего VII в. при изготовлении ножен мечей использовали германские, аварские (лишь в оформлении псевдо-наконечников ножен) и собственные западнобалтские традициями эпохи Великого переселения народов.

Не исключено и то, что часть мечей могла попасть к пруссам в качестве трофеев.

4. Мечи высокопоставленных прусских воинов являются ярким примером слияния различных культурных традиций на рубеже между эпохами античности и средневековья.

Библиографические ссылки

- Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878-1938 гг./ // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego -1989. - С. 148-273.
- Кулаков В.И. Забытая история пруссов, Калининград: «Информационный бюллетень «Штрихи» - 1992. - 35 С.
- Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат, № 1-2, М. - 2017. - С. 127-150.
- Кулаков В.И. Эволюция обкладки рукоятей раннесредневековых мечей в Балтии и на Руси // Известия Смоленского государственного университета, № 3(67), Смоленск: Смоленский госуниверситет - 2024а. - мС. 149-158.
- Кулаков В.И. Ножны «крымского типа» в Крыму, Прикамье и на Мазурах // Исторический формат, № 3-4, М. - 2024б. - С. 31-37.
- Кулаков В.И. Военное дело пруссов, СПб: «Алетейя», 2024в. - 287 С.
- Кулаков В.И. Ножи-кинжалы пруссов и скрамасаксы германцев: сходства и различия // Исторический формат, № 1, М. - 2024г. - С. 44-50.
- Кулаков В.И. 2025. Балтия между античностью. и средневековьем, СПб: «Алетейя», 220 с.
- Мастыкова А.В. (ред.). Спасительные археологические исследования в Калининградской области, М.: Институт археологии РАН, 2025. - 29 С.
- Скворцов К.Н. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов, Материалы спасательных археологических исследований, вып. 29, М.: Институт археологии РАН, 2022. - 474 С.
- Фурасев А.Г., Щукин М.Б. Каталог. Аллеманы и баювары // Эпоха Меровингов, Европа без границ. Wolfratshausen: Minerwa, 2007. - 591 С.
- Bertram M. Das Schwert von Gutenstein. Bemerkungen aus Anlass seiner Wiederauffindung // Acta Praehistorica et Archaeologica, Bd. 42, Berlin, 2010. - S.173–181.
- Kontny B.J. Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka, Site 1: The Cemetery from the Late Migration Period in the Northern Poland, Gdańsk0Waesza:Archeobooks, 2011. - 196 P.
- Urbańczyk P. Geneza wczesnośredniowiecznych metalowych pochów broni białej ze stanowisk kultury pruskiej // Przegląd Archeologiczny, vol. 26, Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 1978. - S. 107-145.

Социокультурный капитал как основа формирования межкультурных компетенций специалистов в сфере творческой индустрии

Аннотация. Под влиянием глобализации творческая индустрия быстро развивается, и межкультурные компетенции становятся основным требованием при подготовке кадров. Развитый социокультурный капитал является важным конкурентным преимуществом на рынке труда. Учебные заведения в приграничных регионах Китая испытывают недостаток международных учебных ресурсов, практического опыта и несовершенство сети отраслевых наставников. В исследовании предлагается с помощью визуальных символов актуализировать социокультурный капитал, полученный в семье, учебных заведениях и региональных сетях, в конкурентноспособные межкультурные компетенции. Это позволит продуктивно преобразовать социокультурный капитал в профессиональные способности.

Ключевые слова и фразы: социокультурный капитал, межкультурные компетенции, таланты в сфере творческой индустрии, профессиональное художественное образование, визуальные символы.

МА ИН,
Дина СУНДУЕВА

*Хэйлуцзянский профессиональный институт изящных искусств «Саньцзян», Китай
Забайкальский государственный университет, Чита,
Россия*

Введение

Под влиянием глобализации и цифровизации творческая индустрия демонстрирует беспрецедентный ускоренный рост, и межкультурные навыки постепенно становятся одним из ключевых качеств талантов в сфере творческой индустрии (Florida, 2002; Howkins, 2001). Существующие исследования в основном сосредоточены на специальностях, связанных с иностранными языками, или на вузах в крупных городах, и не содержат глубокого анализа студентов неанглоязычных специальностей в системе профессионального художественного образования в приграничных регионах. В теоретическом плане соответствующие исследования по-прежнему в основном остаются в рамках линейной модели «языковые навыки — вложение в обучение», что не позволяет раскрыть механизмы формирования компетенций в сложных социокультурных условиях. Актуальность данной темы состоит в анализе взаимообусловленности межкультурных компетенций и социокультурного капитала будущих креаторов.

Теоретические основы исследования

На теоретическом уровне П. Бурдьё сопоставляет культурный капитал (институционализация / объективация / интернализация) и социокультурный капитал (сетевые отношения и доступность ресурсов), подчёркивая, что различия в структуре возможностей в сфере образования будут постоянно воспроизво-

диться в обществе.

Модель межкультурных компетенций М. Байрама разделяет компетенции на знания, навыки, отношения, критическое мышление и способность к действию, что обеспечивает чёткие операционные параметры для измерения и вмешательства. Результаты М. Байрама использованы для детализации межкультурных компетенций во взаимосвязи с социокультурным капиталом.

Связь между творческой индустрией и развитием кадрового потенциала обоснована в теории «творческого класса» Р. Флориды (2002) и «творческой экономики» Б. Хоукинса, в статье они выполняли роль функциональной дополнительности в анализе социокультурного капитала.

Степень изученности проблемы

На практическом уровне региональные промышленные примеры показывают, что когда местные власти и политика взаимодействуют, это может эффективно способствовать росту творческих групп; а с точки зрения «глобальной миграции талантов», межкультурные компетенции стали стратегическим ресурсом для роста производственной цепочки и повышения международной конкурентоспособности. В эпоху цифровых платформ алгоритмы и неравномерное распределение ресурсов усугубляют различия в социокультурном капитале, поэтому образование должно выравнивать существующее различия.

В Китае научное сообщество накопило определённый опыт в области региональных и отраслевых исследований. В частности, например, исследование группового скачка и творческой экологии в экспериментальной зоне по сохранению и инновациям в области керамической культуры в Цзиндэчжэне (Ли Хайдун, Чэнь Хаовен, 2021), показывают, как региональные ресурсы формируют пути развития талантов

(Ли Хайдун, Чэнь Хаовен, 2021). В то же время обсуждается межкультурная адаптация идей Хартли о творческой экономике (Чжоу Чжэнбин, 2025).

Исследования в области образования показывают, что у студентов неанглоязычных специальностей существуют структурные недостатки в измерении «критическое сознание — способность к действию» (Wang Xiaohui, Chen Haiyan, 2020); в промышленности и проектных сценариях растёт потребность в комплексных навыках (Yuan Meijing, 2024); между структурой подготовки профессиональных кадров и потребностями интернационализации промышленности по-прежнему существует разрыв (Liu Dan, Wang Fu и др., 2023).

Исследования в области сети и этики сосредоточены на глобальной миграции талантов и подъёме цепочки создания стоимости (Wang, 2015; Jia Jun, 2021); «механизм социальной временной связи» в многонациональных регионах раскрывает ритм генерации капитала на периферии и сетевую вязкость (Liu Dongtao, 2023); «Человекоцентричный подход к технологиям» указывает на то, что платформы и алгоритмы могут усугублять различия в капитале (Хуан Жун, 2023); в то же время внимание уделяется логике генерации социального капитала в китайском контексте (Су Цзяони и др., 2025).

Учебные заведения в приграничных регионах в целом сталкиваются с такими проблемами, как нехватка международных учебных ресурсов, недостаток практического опыта и несовершенство сети отраслевых наставников (Лю Дан, Ван Фу и др., 2023). Исходя из этого, в данном исследовании предлагается с помощью визуальных символов преобразовать социокультурный капитал, полученный в семье, учебных заведениях и региональных сетях, в видимые межкультурные компетенции, что не только имеет теоретическое обоснование, но и практически осуществимо. Это позволит эффективно снизить языковой барьер, выделить работы студентов и их способность к совместной работе над проектами, что в целом даст возможность продуктивно преобразовать социокультурный капитал в способности.

Парадигма языкового центра подчёркивает основополагающую роль языковых навыков; парадигма символического интеракционизма Н. Гудвина, говорит об эффективности визуальных, телесных и материальных символов в межкультурном контексте. В предложенном исследовании принят подход, объединяющий обе парадигмы, предлагается использовать визуальные символы в качестве посредника для преодоления языкового барьера, что позволит увеличить степень переводимости произведений.

Социокультурный капитал личности, в большей своей части, опосредован семейным культурным капиталом. Именно он имеет основополагающую роль в формировании межкультурной компетенции у студентов неанглоязычных художественных специальностей. В частности, традиционные культурные символы, которые студенты усваивают в семье, такие как

региональные тотемы, фольклорные узоры, устные рассказы, визуализируются заново в художественной практике, формируя уникальные способы выражения в межкультурном общении. Семья не только предоставляет символический материал, но и влияет на эстетические предпочтения и ценностные представления студентов, позволяя им в межкультурном общении трансформировать символы на основе «культуры родного языка». Примечательно, что некоторые студенты, сталкиваясь с международным культурным контекстом, демонстрируют ограниченность в преобразовании символов, то есть склонны к «воспроизведению», а не к «пересозданию», что свидетельствует о том, что семейный культурный капитал, хотя и имеет фундаментальное значение, все же требует образовательного вмешательства для стимулирования его инновационного потенциала.

Региональный социокультурный капитал также наполняет социокультурный капитал личности в целом. Студенты получают доступ к разнообразным культурным ресурсам через местные социальные сети, такие как праздники этнических меньшинств в приграничных регионах, визуальная грамматика русского языка и трансграничные проекты в области искусства. Этот опыт не только расширяют символический багаж студентов, но и повышают их восприимчивость и толерантность к гетерогенной культуре. Исследования показывают, что студенты могут реализовать межкультурную интеграцию символов в своих работах, например, сочетая элементы рыбьей кожи хэчжэ с славянским декоративным стилем, создавая новые формы межкультурного искусства. Стоит отметить, что эффективность регионального социокультурного капитала неравномерна, и некоторые студенты из-за однообразия контента социальных сетей лишены возможности культурного взаимодействия, что ставит перед разработчиками образовательной политики определённые задачи.

Цифровые ресурсы являются важным каналом для восполнения недостатка семейного и регионального социокультурного капитала. Студенты участвуют в международных художественных форумах, цифровых выставках и творческих мастерских по искусificial intelligence (ИИ) через виртуальные платформы, что позволяет им получить доступ к глобальным ресурсам визуальной культуры и тем самым расширить горизонты межкультурного понимания.

Результаты исследования

В условиях высокой конкурентности развитый социокультурный капитал специалиста может стать весомым преимуществом, а межкультурная компетенция способствует развитию и наполнению социокультурного капитала.

Исследование межкультурной компетенции студентов творческих неязыковых специальностей проводилось на базе Художественного колледжа Санцзян в провинции Хэйлунцзян. Для определения имеюще-

гося социокультурного капитала, различия в межкультурных компетенциях был проведён опрос 120 студентов. Анализ полученных ответов выявил три типа социокультурного капитала: традиционный наследуемый, сетевой зависимый, капитал с дефицитом.

На основе полученных результатов проводилась систематическая работа по развитию межкультурной компетенции с опорой на социокультурный капитал. Далее студентов, случайным образом разделили на экспериментальную и контрольную группы. Длительность эксперимента — 12 недель. В работе с экспериментальной группой были реализованы три модуля:

Модуль 1 — виртуальное сотрудничество трансграничных художников со студентами (социальная платформа VR и международные наставники). Студенты познакомились с международными художниками через VR-платформу. Художники, представляющие различные страны, рассказали о своем творческом опыте, стиле и о том, как они интегрируют различные культурные элементы в своих работах в условиях глобализации (например, Артём Билеков — российский художник, известный своими работами в области масляной живописи и современного искусства. Его произведения сочетают традиционные и современные культурные элементы. Юрий Ковтыгин — знаменитый художник из Улан-Удэ, чьи работы ориентированы на народное искусство и культуру России и Монголии. В своём творчестве он сочетает традиционное ремесло с современным визуальным искусством). Затем художники дают студентам задание по созданию арт-работы, объединяющей элементы их собственной культуры и культуры художника, с которым они работают, чтобы стимулировать креативное синтезирование культур. В течение всего творческого процесса студенты регулярно делятся своими работами с художниками, получая обратную связь и корректируя свои проекты. Художники акцентируют внимание на точности использования культурных символов, восприимчивости к культуре и помогают студентам улучшать свои работы, предлагая советы по их развитию. Это позволяет студентам понять, как создавать произведения, которые одновременно выражают их собственную культуру и учитывают особенности других культур.

Модуль 2 — эксперимент по генерации культурных символов (студентам объяснялись культурные символы трансграничных регионов, после давалось задание на основе полученных знаний создать (нарисовать) символы, синтезирующие культурные символы своей страны и трансграничных регионов). Также студентам демонстрируются объясняются новые методы, как в создании, так и в применении культурных символов, а также технологии (например, VR и цифровые инструменты) для создания кросс-культурных произведений искусства. Каждый художник делится своими методами использования символов, цветов и стилистических приемов, что позволяет студентам расширить их креативные горизонты.

Модуль 3 — проектирование путей трансформа-

ции социокультурного капитала в собственный социокультурный капитал через вовлечение студентов в международную сеть художников: художники приглашают студентов присоединиться к кросс-культурным арт-сообществам и онлайн-платформам, где они смогут участвовать в международных арт-проектах. Эти платформы дадут студентам возможность обмениваться идеями и работать с художниками, учеными и креативными профессионалами со всего мира. Студенты смогут не только черпать вдохновение, но и наладить долгосрочные творческие связи.

Одновременно с экспериментальной группой контрольная группа также в течение 12 недель получила традиционный межкультурный курс.

В ходе исследования проводилась комплексная оценка результативности вмешательства посредством регулярной слепой оценки работ, измерений до и после вмешательства и отслеживания социальных сетей. Предварительные результаты показывают, что у учащихся экспериментальной группы критическое мышление и способность к творческому действию значительно выше, чем у учащихся контрольной группы. В частности, в плане межкультурной компетенции учащиеся экспериментальной группы продемонстрировали значительный скачок в области преобразования символов, культурной интеграции и критического мышления.

Кроме того, благодаря активному развитию, социокультурный капитал студентов развился в разной степени. В частности, студенты, благодаря участию в трансграничных сетях и международном обмене в области искусства смогли глубже понять смысл различных культурных символов и повысить свою межкультурную критическую осведомлённость. Проведённое исследование ограничено одним учебным заведением и краткосрочным вмешательством; в дальнейшем можно расширить выборку на несколько регионов/дисциплин и исследовать с помощью семиотики законы слияния символов этнических групп приграничных регионов Китая и славянской визуальной грамматики.

Заключение

Формирование межкультурных навыков не обязательно зависит от языка, а может быть достигнуто через визуальные символы, обеспечивающие глубокий межкультурный обмен. В процессе творчества студенты преобразуют традиционные и современные символы, формируя визуальный нарратив, что позволяет эффективно преодолеть коммуникационные барьеры, вызванные недостатком языковых знаний. Стоит отметить, что, несмотря на то, что визуальные символы снижают языковой барьер, их интерпретация по-прежнему зависит от культурного контекста, и при отсутствии соответствующей культурной восприимчивости может привести к неправильному толкованию. Поэтому посредничество визуальных символов должно сочетаться с межкультурной критической со-

знательностью, чтобы действительно обеспечить все-стороннее повышение межкультурной компетенций и развитие социокультурного капитала личности.

Библиографические ссылки

1. Го Сяохуэй, Юй Цзысюань, Хуан Цюфэнь. Анализ развития культурной и креативной индустрии в регионе Большого залива в условиях цифровизации // Промышленные инновационные исследования. 2025. № 14. С. 54–56.
2. Сюй Сяоюань, Чэнь Ли, Ли Цзяин. Исследование текущего состояния межкультурной компетенции студентов-нефилологов и стратегий преподавания английского языка в вузе // Высшее образование: поиск. 2025. Спец. вып. 2. С. 48–50.
3. Чжан Юаньюань. Интерпретация китайских фильмов студентами из стран Юго-Восточной Азии в университетах Куньмина в межкультурной перспективе: дис. ... канд. наук. Юньнаньский университет, 2021. DOI: 10.27456/d.cnki.gyndu.2021.003081.
4. Лю Сяохуэй. Мотивы, преимущества и риски участия социального капитала в модернизации сельских территорий // Вестник Чжэцзянского инженерно-технологического колледжа. 2025. Т. 25. № 02. С. 69–74. DOI: 10.19315/j.issn.2096-0425.2025.02.013.
5. Дин Айвэнь. Визуальные символы в художественной практике на тему синтетической жизни // Синьцзянское искусство. 2025. № 04. С. 18–24.
6. Чэнь Цзин. Подготовка кадров по дизайну среды в средних профессиональных училищах в условиях спроса креативной индустрии // Счастливое чтение. 2025. № 06. С. 66–68.
7. Чжоу Чжэнбин. Исследование идей Джона Хартли о креативной экономике // Вестник Пекинского объединённого университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 23. № 03. С. 89–99. DOI: 10.16255/j.cnki.11-5117c.2025.0028.
8. Мао Рохань, Ся Цзыхэ. Цифровое курирование выставок в музеях: содержание, контекст и характеристики // Вестник Дворцового музея. 2025. № 05. С. 30–43+146–147. DOI: 10.16319/j.cnki.0452-7402.2025.05.002.
9. Е Хуа, Янь Яци. Ещё актуален ли семейный культурный капитал? Репетиторство и академические успехи в условиях стандартизированного образования // Молодёжные исследования. 2025. № 04. С. 52–67. DOI: 10.13583/j.cnki.issn1004-3780.2025.04.005.
10. Гуань Цзянь, Чэнь Ланьшуан. Межпоколенческая передача и обратная связь: механизмы формирования культурной уверенности // Вестник Нанкайского университета. Сер. Философия и социальные науки. 2025. № 03. С. 107–121.
11. Кордеро М. А., Льюис К. А. Как региональный социальный капитал формирует связь между предпринимательством, этническим разнообразием и жилищной сегрегацией? // Entrepreneurship Theory and Practice. 2024. Vol. 48. No3.
12. Сяо Даньни. Исследование эффектов бюджетной политики в профессиональном образовании: дис. ... канд. экон. наук. Северо-Восточный университет финансов и экономики, 2023. DOI: 10.27006/d.cnki.gdbcu.2023.000912.
13. Ван Хоушуан, Ван Хайфэн. Регулирование трансграничного потока данных и участие в глобальной цепочке добавленной стоимости в производстве: международные доказательства // Исследования мировой экономики. 2025. № 07. С. 31–45+135–136. DOI: 10.13516/j.cnki.wes.2025.07.003.

Феномен успешности Линнаньской (Кантонской) школы живописи (на примере Гуанчжоу и Шанхая)

Аннотация. Линнаньская школа живописи — это направление китайской живописи, возникшее в 1920-х годах как часть современного китайского искусства. Она развивалась под влиянием идей демократической революции и концепции разума «диалога между китайским и западным искусством». На Западе это направление известно как «Кантонская школа живописи». В статье представлены результаты изучения трансформации Линнаньской школы — от регионального художественного течения до общенационального, мирового феномена современного искусства. В этом процессе особое значение имели социально-экономические особенности развития Гуанчжоу и Шанхая, мультикультурность их городской культур, которые и способствовали развитию художественных новаций, концентрации талантливых художников, появлению выдающихся образовательных учреждений, коммерчески успешных выставочных проектов и экспозиций.

Ключевые слова и фразы: Линнаньская школа живописи, Гуанчжоу, Шанхай, культурная диффузия, мультикультурность.

СЕСИТУН

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Теория и методология

Апробирована концепция культурной диффузии художественных явлений в процессах межкультурной коммуникации двух и более городских агломераций, преодолевающая традиционное восприятие Линнаньской школы как сугубо регионального гуандунского или кантонского художественного течения. Концепция раскрывает влияние ментальности географического положения городов в мир-системных отношениях на обогащение и модернизацию стилиобразования. Исторический анализ позволил выявить движущие факторы формирования и распространения идей Линнаньской школы в Китае. Сравнительный анализ влияния урбанистических особенностей Гуанчжоу и Шанхая позволил выявить социокультурные контексты, сформировавшие успешность Линнаньской школы.

Линнаньская школа живописи, также известная в мировом художественном дискурсе как Кантонская школа, сформировалась как целостное идейное и художественное направление в провинции Гуандун в конце XIX в. Социокультурная среда, в которой сформировалась Линнаньская школа живописи отличается от большинства крупных городов и провинций Китая. В начале XX века Шанхай и Гуанчжоу, несмотря на различия в путях развития, показали высокую степень схожести в городской идентичности. Показателями, которой стали открытость, высокая коммерческая культура, талантливое иммигрантское общество, революционные идеи и стремление к модернизации. Оба города стали важнейшими площадками политических преобразований и интеллектуального просвещения и в современном Китае, сформировав инновационный дух развития и прогрессивных идей еще в XIX веке. Благодаря внешней торговле со странами Европы и Америки, опыту международных коммуникаций они

стали авангардом культурного взаимодействия между странами Азиатско-тихоокеанского региона и Европы. Гуанчжоу и Шанхай, где торговля, коммерция и интернациональное предпринимательство играли ключевую роль, культивировали среди горожан прагматизм, уважение к договорам и рыночное мышление. Одновременно, из-за притока мигрантов, в них сложилась уникальная городская мультикультурная идентичность.

Художественная философия Линнаньской школы сложилась в результате совокупного воздействия вышеперечисленных факторов. Исторические условия и культурная атмосфера городов создали плодородную почву для внедрения инноваций, годы обучения художников за границей и иностранные влияния помогли понять сущность западной живописи. Традиционный подход к практике сохранения культурного наследия и чувство ответственности за судьбу нации и творческие искания побуждали линнаньских художников придерживаться национальных, китайских художественных идеалов и

Рис. 1. Цзюй Лянь, Четыре ширмы с цветами, травами и насекомыми, 1888, цветная бумага на шелке, групповая ширма, эта ширма (частичная), 28,5 см × 33,5 см, полный экран/166,5 × 41 см, эта ширма, Национальный дворец-музей, Тайбэй

стремлений. Сочетание этих факторов способствовало формированию и развитию концептуальных основ Линнаньской школы живописи.

Провинция Гуандун, в силу своего географического расположения, исторически была одним из первых регионов Китая, столкнувшихся с распространением западной культуры. В то же время Гуандун справедливо именуют «колыбелью китайской революции», поскольку именно здесь активно формировались и развивались национальные демократические движения Нового и Новейшего времени. На фоне успеха Синхайской буржуазно-демократической революции под руководством Сунь Ятсена (1866-1925) 1911 г. стремление к социальному обновлению и требование перемен стало основной характерной чертой культуры южного региона [6, с. 180].

Именно в этот период художники Линнаньской школы Гао Цзяньфу¹ (1879—1951), Гао Цифэн² (1889—1933) и Чэнь Шужэнь³ (1884—1948) создали и артикулировали концепцию «новой китайской живописи», которая стала символом реформирования китайского искусства всего XX века. Значительное влияние на формирование духовного и эстетического мировоззрения художников оказал опыт изучения искусства в Японии 1900-х гг. Идеи и эстетическое содержание предложенных ими преобразований китайской традиционной живописи гохуа было тесно связано с политической и общественной ситуацией того времени [7, с. 57]. Французский критик Ипполит Адольф Тэн (Hippolyte Adolphe Taine, 1828-1893) в своей работе «Философия искусства» прямо утверждал творчество каждой эпохи неизбежно несёт на себе отпечаток её духа, который питает художественные новации [8, с. 29]. В творческом отношении основами предложенной концепции выступили реализм, живопись с натуры, принцип единства формы и духа, требование доступности произведений искусства для эстетического восприятия широких народных масс. По существу, ху-

дожники линнаньской школы осуществили радикальный перевод традиционного китайского искусства из элитарной сферы в массовую демократическую деятельность.

Формирование оригинальных идейных и эстетических воззрений Линнаньской школы началось во второй половине XIX в., родоначальниками этого направления являются Цзюй Чао (1811-1889) и Цзюй Лянь (1828-1904)⁴. Они призывали «учиться у природы», пропагандировали и претворяли в жизнь живопись с натуры, выбирали в качестве тем повседневные жизненные сцены, стремились развивать эстетический вкус зрителя, подразумевая под аудиторией художника не только представителей культурной элиты, но и широкие народные массы. Большинство преподавателей изобразительного искусства в школах Гуанчжоу в начале 20 века были учениками Цзюй Ляня.

Институализация Линнаньской школы как художественной локации была осуществлена Гао Цзяньфу, Гао Цифэном, Чэнь Шужэнем и другими гуандунскими художниками. Было создано сообщество единомышленников, провозгласившее своей целью обновление и усовершенствование китайской живописи. Линнаньские художники активно осваивали концептуальное содержание и технические приёмы западной живописи. Благодаря знаниям западной и японской художественной культуры из области анатомии, законов перспективы, свойств оптического восприятия, художники Линнаньской школы реконструировали методы наблюдения и выразительные приёмы традиционной китайской живописи [4, с. 46]. Возьмём в качестве примера работу Гао Цзяньфу «Лотос и журавли». В этой работе отражено новаторство художника в отношении традиционных техник и обращение к техникам западного искусства. Изображая листья лотоса, Гао Цзяньфу быстро размазывал рисунок мазком кисти, полным воды, и впрыскивал чистую воду до того, как чернила высохли, создавая естественную разницу в

¹ Гао Цзяньфу (12 октября 1879 — 22 июня 1951) — современный китайский художник, преподаватель искусств и один из основателей школы живописи Линнань. Его работа называется «Пламя на Восточном поле битвы». <https://baike.baidu.com/item/%E9%AB%98%E5%89%91%E7%88%B6/1270214>

² Гао Цифэн (1889 — 2 ноября 1933) был художником в конце династии Цин. Он учился в Японии и был членом Тунмэнхуэй. Он был связан с братьями Гао Цзяньфу и Чэнь Шуреном по традиции живописи и был известен как один из «Трёх героев Линнаня». <https://baike.baidu.com/item/%E9%AB%98%E5%A5%87%E5%B3%B0/26885>

³ Чэнь Шужэнь (9 февраля 1884 г. — 4 октября 1948 г.) — известный политик и художник периода Китайской Республики. В ранние годы он обучался живописи у своего тестя Цзюй Лиана. Он отправился в Японию на учёбу и окончил Киотскую городскую школу искусств и ремёсел, Киотскую школу изящных искусств, факультет живописи и факультет литературы Токийского национального университета. Вернувшись в Китай, он вместе с Гао Цзяньфу и Гао Цифэном основал школу живописи Линнань, и был известен как «Три героя Линнаня». <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%88%E6%A0%91%E4%BA%BA/24084>

⁴ Цзюй Лянь и Цзюй Чао: Известные художники и каллиграфы позднecinского периода. Цзюй Лянь также известен как поэт. Художники прославились как мастера яркого и реалистического пейзажа, а также жанра «травы и насекомые». В художественной критике Китая известны как «Два Цзюя». Главной особенностью картин Цзюй Чао и Цзюй Ляня в жанре «цветы и птицы» является изображение специфических пейзажей региона Линнань. <https://zh.wikipedia.org/w/index.php?search=%E5%B1%85%E5%BB%89%E5%B1%85%E5%B7%A2&title=Special%3A%E6%90%9C%E7%B4%A2&ns0=1>

глубине и имитируя влажность и эффекты света и тени листьев лотоса. Рябь на поверхности воды заимствована из японского метода визуализации. Колеблющаяся рябь трансформировалась в круги ярких световых узоров, создавая визуально «реальное» ощущение пространства. Накопление цветов по краям листьев лотоса и естественное проникновение водной ряби представляют собой сочетание метода столкновения порошков Цзюй Лиана и западных техник света и тени. Творческий успех заключается не в следовании традициям, а в воссоздании собственного языка живописи посредством диалога и заимствований. Такой подход «гармонизации многообразия» представляет собой основу творческой трансформации, сохраняющий суть традиционного искусства. «Гармония, но не единообразие» — важная идея в древнекитайской философии. Концепция «компромисса между Китаем и Западом» (Гао Цзяньфу) воплощает идею синтеза: сохраняется основная техника — кисть и тушь традиционной китайской живописи, но и впитывается западная концепция игры света и тени. Реалистические приемы, опираются на новую японскую живопись и обмениваются опытом с семьей Тагоров и Бенгальской школой живописи в Индии, впитывает декоративные и религиозные элементы настенной живописи в искусстве Южной Азии. Межрегиональные связи, региональные особенности школы живописи Линнань, возможно, ограничивали ее возможность стать национальной моделью живописи в Китае, но они создали всем известную на Западе в эпоху французского импрессионизма живопись кантонской школы.

Опыт обучения за рубежом, активные торгово-экономические связи региона с миром, наличие богатых заказчиков позволил им глубже понять сущностные особенности западной живописи и интегрировать их в китайскую традицию изобразительного искусства как характерный стиль Линнаньской школы [1, с.139].

Основатели школы Линнань провозглашали в качестве целей искусства — отражение реальности, пробуждение идейного и эстетического сознания народных масс, продвижение реформ и создание современных инноваций в китайской живописи. Новые художественные приёмы применялись с целью привлечь внимание масс к социальной реальности и тем самым пробудить чувство национального самосознания и общенародной гражданской ответственности. Ральф Кройцер (Ralph Croizier 1935)⁵, историк из Университета Виктории (Канада), в своей монографии «Искусство и революция в современном Китае: Школа Линнань (1906-1951)» анализирует взаимосвязь между подъёмом школы Линнань и политико-культурными трансформациями в Китае начала XX века. Учёный подчёркивает, что участие Гао Цзяньфу в Тунмэнхуе

Рис. 2. Гао Цзяньфу, «Лотос и крабы», 1915, тушь и цвет на бумаге, 112,5×55 см, Музей провинции Гуандун

(Объединённом союзе) как одного из пионеров революционного движения наложило отпечаток на эстетику школы Линнань, придав ей «революционный дух». По мнению Кройцера, сама художественная практика направления оказалась пронизана этим идеологическим импульсом [11, с. 9].

Основатели Линнаньской школы живописи рано осознали важность и необходимость радикального

⁵ Art and Revolution in Modern China: The Lingnan School of Painting, 1906–1951
Искусство и революция в современном Китае: школа живописи Линнань, 1906–1951

обновления традиционной китайской живописи [10, с. 72]. В 1912 году, когда была основана Китайская Республика, новым политическим и культурным центром страны и базой социальных преобразований стал Шанхай, собрав многих видных деятелей Синьхайской революции, последователей Сунь Ятсена. Гао Цзяньфу, Гао Цифэн, Чэнь Шужэнь и другие представители Линнаньской школы воспользовались этой исторической возможностью и продолжили развитие идей и творчества в Шанхае. Художники принимали практическое организационное участие в революционных преобразованиях, что способствовало более широкому распространению творческих концепций Линнаньской школы.

Основатели Линнаньской школы понимали, что для пропаганды социально-политических и творческих идей необходимы каналы их широкого распространения, в числе которых наиболее эффективным было использование печатных средств массовой информации. Так, в Шанхае 5 июня 1912 года ими было основано иллюстрированное издание «Чжэньсян Хуабao». 真相画报 — «Журнал правды», на обложке также использовалось название на английском языке The True Record. Шанхай, как торговый порт, активно вбирал западную культуру, современные технологии печати и новые для Китая медиа-форматы, что и обеспечило техническую и коммуникационную основу для создания иллюстрированного печатного издания. Журнал изначально выходил три раза в месяц, затем два раза в месяц, каждый выпуск содержал около 20 страниц и был богат иллюстрирован. Шанхай стал центром издательской индустрии и культурной коммуникации Китая, создание здесь журнала «Чжэньсян Хуабao» облегчило его распространение по всей стране. Журнал стал одним из самых ранних общедоступных изданий Китая в Новое время, посвящённых вопросам общества и искусства в целом, он выступил не только каналом распространения художественной концепции Линнаньской школы о «компромиссе между Китаем и Западом», но также сыграл уникальную и актуальную роль в политике, культуре и общественной жизни.

Журнал «Чжэньсян Хуабao» имел революционное содержание и в идейно-политическом, и в культурном аспекте, поскольку, основные представители Линнаньской школы были убеждёнными сторонниками Синьхайской революции и были тесно связаны с революционной деятельностью Сунь Ятсена и его сподвижников. Художники Линнаньской школы с помощью живописи и графики, фотографии, текстов

освещали социальные изменения, произошедшие в стране после Революции 1911 года, в том числе такие события, как инаугурация Сунь Ятсена в должности временного президента Китайской Республики, первые меры по построению новой политической власти, тем самым журнал послужил платформой пропаганды достижений революции.

Концептуальная основа Линнаньской школы живописи несёт, несомненно, дух художественного новаторства с революционными идеалами, призывая художников участвовать в социальных изменениях, широко пропагандируя идею «художественной революции» и воплощая в жизнь общественный идеал «спасения страны посредством искусства» [5, с. 15].

В описываемый период Шанхай стал экономическим и культурным центром мировой торговли, в связи, с чем привлекал многих деятелей искусства и культуры⁶. После переезда в Шанхай в 1912 году художники Линнаньской школы не только получили мощную поддержку со стороны шанхайских коллег, но и интегрировали в своё творчество культуру Шанхайской школы, что позволило усовершенствовать свой собственный художественный стиль.

Известность и слава Шанхайской школы живописи была обусловлена разного рода периодическими изданиями, служившие эффективным каналом популяризации искусства. Помимо новостей и развлекательной информации, газеты и журналы также содержали различную культурную информацию, знакомили читателей с миром каллиграфии и живописи. В шанхайской периодике ещё до трёхлетнего правления Сюаньтун, т.е. до 1908 г. часто публиковались сообщения о деятельности каллиграфов и художников. Например, самая известная газета «Шэньбао» («Известия»), открыла специальную колонку для каллиграфов и художников, предоставив им возможность публиковать свои работы и размещать рекламу. Такой способ получить признание был гораздо более продуктивным в отношении скорости и широты распространения информации, чем привычный путь взаимных рекомендаций коллег и продвижения наставниками своих учеников распространённым, и вскоре стал очень популярен среди художников [3, с. 80]. Шанхай в те годы являлся ведущим рынком произведений искусства и центром издательской индустрии, поэтому модель функционирования журнала «Чжэньсян Хуабao», несомненно, была вдохновлена опытом Шанхайской школы живописи в области маркетинга. Сочетание иллюстраций и текстов, комментариев о текущих со-

⁶ Шанхайская школа живописи и каллиграфии: Объединение профессиональных живописцев и каллиграфов ряда художественных течений, в том числе из провинций Цзянсу и Чжэцзяна. Приток художников был связан с тем, что с середины XIX в. экономически развитый и открытый для торговли Шанхай превратился в ведущий рынок произведений изобразительного искусства. В 1912 г. основная группа представителей Шанхайской школы принадлежала к течению «Хайпай» (海派).

https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%8A%E6%B5%B7%E7%94%BB%E6%B4%BE?fromtitle=%E6%B5%B7%E4%B8%8A%E7%94%BB%E6%B4%BE&fromid=402980&fromModule=lemma_search-box

бытиях и публикаций, направленных на продвижение живописи в массы, обнаруживает сходство со стратегиями коммуникации коммерческих СМИ Шанхая.

Распространение школы живописи Линнань на территории материкового Китая, по сути, является результатом глубокого взаимодействия концепций художественного новаторства и городской культуры. Успех школы живописи Линнань имеет экономическую основу и межкультурную коммуникационную логику двух портовых, торговых городов. Революционная ситуация начала XX века сформировало созвучность ментальных, культурных основ искусства с современным искусством начала XX века. Основой преобладающего стиля в школе Линнань была концепция, «объединяющая китайский и западный стили». Опираясь на свои международные медиакоммуникации и межрегиональную институции и коммуникации, Шанхай вывел школу живописи Линнань из разряда региональной художественной школы в мировой художественный феномен.

Два города Гуанчжоу и Шанхай оказали взаимное синергетическое влияние на масштабирование успешности школы живописи Линнань. Гуанчжоу сосредоточился на формировании концептуальной и теоретической основы, а также на институциональной легитимности в виде Академии искусств. Шанхайский период имел большое значение в распространении Линнаньской школы живописи в мировое искусство. Шанхай многомиллионный и многонациональный, богатый и экономически респектабельный на основе издательской индустрии, выставок и аукционов, широкого маркетинга эстетических вкусов потребителей, создал первые китайские опыты коммерческого доминирования в арт индустрии. Линнань только с новым брендом Шанхайской школы живописи осуществил популяризацию и коммерциализацию школы живописи Линнань в современном мировом искусстве.

Библиографические ссылки

1. Ван Синьпин. Компромисс Китая и Запада и интеграция прошлого и настоящего: краткое обсуждение инноваций Линнаньской школы в традиционной китайской живописи. Художественное образование, 2018. - № 23. - С.139-140.
2. Ван Цисэнь. Почему в Шанхае возникла школа живописи Линнань? (3). Вэнь Вэй По. - 28.09.2012. https://www.zgnfys.com/a/nfms-2911_3.shtml
3. Лян Цзион. Отношения между школами живописи «Хайпай» и «Линнань». Мир связей с общественностью, 2017. - № 2. - С.79-81.
4. Лю Юй. Анализ подхода к рисованию с натуры в работах художников Линнаньской школы в жанре «цветы и птицы». Красота и эпоха (Китай), 2024 № 1. С.45-47.
5. Лю Шусянь. Исследование практики «художественной революции» Линнаньской школы живописи и специфические особенности журнала «Чжэньсян Хуабao». Вестник Фошаньского научно-технологического института (Секция общественных наук). 2017. - №35(01). - С.14-18.
6. Ма Минчэнь. Линнаньская школа живописи в истории китайского изобразительного искусства XX века. Журнал «Жунбаочжай», 2023. — № 3. С. 176-181.
7. Мяо Яжу. Исследование «Новой китайской живописи» Линнаньской школы // Педагогический университет Гуанси, 2022. - 57с.
8. Тейн. Философия искусства. Тяньцзинь: Издательство Академии социальных наук Тяньцзиня, 2005. - 310 с.
9. Хан Банвэнь, Школа живописи Линнань: «Искусство ради жизни», веб-сайт НПКСК провинции Гуандун. - 17.05. - 2024. https://www.gdszx.gov.cn/zxkw/tzgj/2023/08/content/post_36075.html
10. Ху Цзайсинь, Ху Бо. Культура Шанхая и Линнаньская школа живописи. Журнал «Юэхайфэн», 2021. - № 06. - С.70-76.
11. Чжу Сяоцин. «Тенденция «глобализации» зарубежных исследований школы живописи Линнань и истории искусств»// Журнал изящных искусств, 2012. - № 23. - С.9.
12. Эпоха отражена в картинах, а чувства семьи и страны интегрированы в картины. Гуанчжоу Дейли. - 28.09. - 2022. https://www.gz.gov.cn/zlgz/whgz/content/mpost_8589460.html

Сохранение объектов культурного наследия сельских поселений Китая: институализация смысловых доминант

Аннотация. Настоящее исследование направлено на осмысление ценностей сельской культуры как объекта культурного и социального наследия общества и роли современных механизмов защиты. На материалах типичных сельских поселений провинции Шаньдун посредством сравнительного кейс-анализа выявлены основные стратегии охраны культуры. Раскрыта внутренняя логика ревитализации ценностей, что подразумевает процесс восстановления, обновления и оживления культурных практик, традиций или элементов наследия, как глубокий процесс, который включает в себя возвращение к жизни и активизацию культурного значения, часто с целью адаптации к современным условиям. В результате исследования выявлено, что устойчивое воспроизводство сельских культурных ценностей заключается в системной ревитализации. Посредством институциональной реконфигурации, координации субъектов, участвующих в конвенциональности (договорном характере принятия решений) механизмов, позволяющих поднять защиту сельской культуры с уровня консервации до уровня репродукции смысла, с сохранением идентичности и межпоколенческой передачи культуры. Валидность результатов основана на справочном материале, сочетающая теоретическую новизну и практическую осуществимость модернизации системы управления развитием территорий городского и сельского пространств.

Ключевые слова и фразы: новая урбанизация, защита сельской культуры, культурная ценность, воспроизводство ценности, институциональная синергия, формирование идентичности.

ЯН ЮАНЬШУАЙ

Циндао университет, Шаньдун, Китай

Введение

В процессе реализации национальной стратегии урбанизации Китая выявлены значительные изменения в конфигурации городской и сельской культуры. В Китае сельская культура, являющаяся носителем ценностей китайской цивилизации, всё чаще воспринимается не просто как объект сохранения культурного наследия, а как область исследования, в которой происходит реконструкция ценностного содержания и воспроизводство смысла национальной идентичности. Концепция «Новой урбанизации» («新型城镇化概念») (Xīnxíng chéngzhèn huà gàiniàn), делающая акцент на «человекоцентричность» («以人为本») (Yǐ rén wéi běn)) и «синтез городского и сельского» («城乡融合») (Chéngxiāng rónghé), обеспечивает политическую и ресурсную поддержку защите сельской культуры и отвечает новым требованиям к ценностному содержанию наследия и инновациям. В научной литературе отмечается необходимость переосмысления консервативных форм сохранения сельской культуры и перехода к исследованиям о преемственности ценностного содержания и формирования новой деревенской идентичности в условиях глобализации и трансформации молодёжной культуры [1; 2].

Традиционно ценность сельской культуры рассматривается в качестве метафорической составляющей общего наследия человечества. Во всем мире она позиционируется как живая музейная экспозиция культурного разнообразия. Европейские сельские праздники, южноамериканские аборигенные ремёсла и другие подобные сельские практики несут в себе древнюю

экологическую целесообразность приспособления к природе и гармоничного сосуществования. В самом широком смысле, охрана и развитие сельской культуры — это защита общей памяти человечества и источник вдохновения для будущих поколений, её ценность заключается в поддержании глобального культурного баланса.

Что касается системы сохранения объектов культурного наследия на селе, то большинство исследований сосредоточены на технологиях и моделях охраны, уделяя недостаточное внимание процессам трансформации ценностей, изменениям смыслов и механизмам идентификации в ходе защиты культуры, соответствующих современным целям развития общества. Особенно остро ощущается дефицит сравнительно-типологического анализа систем защиты и воспроизводства реформируемого ценностного содержания с позиций культурной ценности. Поэтому в настоящем исследовании определены следующие задачи:

- определение ценностных смыслов и механизмов защиты сельской культуры в процессах новой урбанизации;
- анализ стратегий обеспечения историко-культурной преемственности ценностного содержания наследия и механизмов защиты, имеющих доминирующее значение;
- описание институциональных и технологических инноваций для устойчивости культурной идентичности.

Теоретические основания исследования

Культурно-ценностный подход предлагает рассматривать защиту сельской культуры как динамический процесс производства смысла, а не только как техническое сохранение статичного объекта [3]. Настоящее исследование интегрирует теорию охраны культурного

наследия, теорию новой урбанизации и теорию культурной ценности, что позволит обосновать следующий тезис – защита культуры должна фокусироваться не только на сохранении материального и нематериального, но и на социальном конструировании культурной ценности и придании ей смысла.

Теория охраны культурного наследия UNESCO¹ подчёркивает ключевую роль сельского наследия в формировании исторической памяти, идентичности и устойчивого социального развития; она призывает к комплексной защите как материального, так и нематериального культурного наследия, особенно к механизмам передачи местных традиционных ремёсел и культурных пространств деревень.

Теория новой урбанизации, центром которой являются «человеко-ориентированная урбанизация» и «ценности культурной уверенности», требует синхронной оптимизации и интеграции городских и сельских ресурсов, а также сосуществования экологической цивилизации и культурного разнообразия².

Теория культурной ценности подчёркивает многомерность ценности: историческую, социальную, экономическую, символическую и экологическую. Эти измерения взаимосвязаны и взаимовлияют, совместно формируя ценностную основу защиты сельской культуры.

Аксиологическая теория позволяет демонстрировать культурную ценность сельского наследия с многомерных ракурсов — исторического, социального, экономического, символического и экологического, подчёркивая её динамичность и целостность.

Социально-когнитивная теория (Social Cognitive Theory), предложенная психологом Альбертом Бандурой, представляет собой концептуальную основу, изучающую динамическое взаимодействие между поведением, познанием и окружающей средой человека [17]. В данном исследовании теория применяется при объяснении процессов взаимодействия множественных акторов и конструирования культурной идентичности.

На основе этих теорий мы выстраиваем аналитическую основу исследования «ценностное содержание — механизм пути — устойчивость идентичности». С её помощью можно системно анализировать процессы реконфигурации ценностей, механизмы реализации и их влияние на культурную идентичность, что позволит глубже понять сложность и разнообразие защиты сельской культуры.

Методология исследования

Настоящее исследование базируется на аксиологии как ключевой методологической опоре и реализу-

ет комплексный путь, сочетающий систематический анализ литературы с многофакторным сравнением кейсов. Опираясь на аксиологическую методологию, обобщается и анализируется корпус научной литературы работ по урбанизационной интеграции, охране культуры и институциональным инновациям, формируя теоретическую основу исследования: «содержание ценности локальной культуры — способы её ревитализации — сохранение культурного ядра идентичности». Далее, исходя из типичности и репрезентативности ценностной системы, были отобраны три деревни в провинции Шаньдун. Через кейс-анализ раскрываются механизмы реконфигурации в ревитализации культурной ценности, участие их субъектов, местных сообществ и институциональные инновации в разных стратегиях сохранения объектов культурного и социального наследия, обеспечивая диалектическое единство теоретических конструкций и эмпирической проверки в контексте аксиологии.

Реконфигурация ценностного содержания сельской культуры в условиях урбанизации: аксиологический анализ

В волнах глобализации и модернизации сельская культура сохраняет традиционную мудрость и разнообразие, вдохновляя её новой энергией и становясь общечеловеческим духовным богатством и важным ресурсом для размышлений о будущем [4]. Всестороннее внедрение стратегии новой урбанизации открывает новые возможности для расширения содержания и повышения уровня ценностей сельской культуры. Этот процесс проявляется не только в охране материальных объектов, но и в реконфигурации ценностного восприятия и в инновациях способов реализации ценности [5].

Мировое сообщество предлагает разные законодательные формы для сохранения культурного наследия. Например, в Китае принят «Закон о содействии ревитализации деревень» («促进乡村振兴法» (Cùjìn xiāngcūn zhènxīng fǎ) и создан реестр охраны традиционных деревень. Япония учредила систему «охраняемых районов важных традиционных архитектурных комплексов» («重要な伝統的建築群の保護地区» (Jūyō na dentōteki kenchikugun no hogo chiku).) через «Закон о защите культурных ценностей» («文化財保護法» (Bunkazai hogo-hō). Франция сформировала ассоциацию «Самые красивые деревни» («Les plus beaux villages») и включила её в систему охраны национальных культурных ландшафтов, Италия развивает движение «Cittaslow» («Медленный город»), укрепляя идентичность сельской

¹ Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage UNESCO 32 C/Res. 322003 (дата обращения: 20.08.2025).

² ЦК КПК и Госсовет КНР: «Государственный план нового типа урбанизации Китая (2014–2020 гг.)», март 2014 г., официальный портал Правительства КНР, URL: https://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm (дата обращения: 20.08.2025).

культуры [6]. Все эти административные институциональные решения демонстрируют глобальный переход от локальной инициативы к системной стратегии, существенно усиливая нормативность и устойчивость охраны [7].

Технологические инновации цифровой индустрии открыли новые возможности актуализации ценности культуры в процессах ревитализации. Сегодня страны мира активно ищут новые подходы к охране культуры, а применение цифровых технологий радикально меняют способы документирования, сохранения и трансмиссии культурных ресурсов. Трёхмерное сканирование, виртуальная реальность и другие технологии обеспечивают точное цифровое архивирование и иммерсивное воспроизводство культурного наследия; интернет-платформы представляют новые каналы для культурной трансляции и маркетинга продуктов. Эти средства не только расширяют потребителей ценностей культуры, но и создают новые формы её реализации: цифровое креативное содержание, онлайн-эксперименты и др. [8–9].

Ещё одним контекстом ревитализации является экономическая и предпринимательская перспектива введения в хозяйственный оборот объектов культурного наследия. Механизмы трансформации экономической ценности становятся всё более разнообразными. Сочетание потенциала креативной экономики и возможностей сельскохозяйственного производства формирует бренды с особыми характеристиками; слияние традиционных ремёсел и современного дизайна создаёт новые изделия. Эти инновационные практики повышают эффективность реализации экономической ценности культуры и способствуют позитивному взаимодействию между её охраной и развитием отраслей.

В условиях глобализации культурная ценность, социальная и символическая значимость сельской культуры подвергаются переоценке. Вовлечение местных сообществ и активизация участия сельских жителей в качестве субъектов охраны усиливает внутреннюю динамику преемственности культуры; обмен энергиями развития между городом и деревней в целом способствует переоценке ценности сельской культуры и реконфигурации идентичности. Охрана культуры перестаёт быть просто сохранением прошлого и становится важным путём формирования идентичности будущего общества.

Суть реконструкции ценностного содержания деревенской культуры заключается в том, чтобы, переоценив и творчески трансформировав её, вывести деревенскую культуру из маргинального статуса «наследия» и превратить в активный ресурс, способный стимулировать возрождение деревень, осуществив тем

самым парадигмальный сдвиг от статической охраны к динамическому развитию.

Практические пути охраны сельской культуры и механизмы управления ценностями

Исследование выявило три основных подхода к охране сельской культуры, имеющих собственную систему ценностей и механизмы реализации.

Кейс 1: Стратегия государственной поддержки сохранения объектов культурного наследия.

Чжуцзяюй (район Чжанцю, город Цзинань; 朱家峪 (章丘区, 济南市)) — историко-культурная деревня государственного значения. На её территории имеется хорошо сохранившаяся планировка улиц и архитектурные ансамбли периода династии Мин, обладающие важной культурно-исторической ценностью. С 2008 года местные власти реализуют модель «инженерия охраны культурного наследия + развитие культурного туризма»³, с опорой на административный ресурс и публичные инвестиции. Акцент делается на исторической ценности ОКН (объекты культурного наследия) и качестве материального сохранения; подчёркиваются нормативность и системность, соответствующая духу «Закона о содействии возрождению деревень» («促进乡村振兴法» (Cùjìn xiāngcūn zhènxīng fǎ)). Через подготовку охранных планов, финансирование реставрации и создание управленческих механизмов государство обеспечивает профессиональную охрану культурного наследия [10].

Кейс 2: Стратегия, основанная на интеграции с индустрией

Деревня Янцзяпу (район Ханьтин, город Вэйфан) (杨家埠寒亭区, 潍坊市) — родина государственного значения объекта нематериального культурного наследия «Деревянная гравюра Янцзяпу» («杨家埠木刻» (Yángjiāpǔ mùkè)). В последние годы местные власти совместно с Музеем новогодних картин Вэйфана и рядом университетов внедряют трёхкомпонентную модель «наследие + креативная продукция + образовательный туризм», трансформируя подход к охране культуры»⁴.

Стратегия интеграции с креативной индустрией, на примере деревни Янцзяпу, активирует экономическую ценность культуры через рыночные механизмы. Она акцентирует индустриальное освоение и коммерческую эксплуатацию культурных ресурсов: развитие культурного туризма, создание сувенирной продукции и т. д. Рыночные механизмы привносят инновационную энергию и инвестиции, но важно сохранять баланс между охраной аутентичности и развитием.

Кейс 3: Стратегия институциональной синергии

Город Чжанцзяпо (уезд Июань, город Цзыбо, про-

³ Управление зоны достопримечательности Чжуцзяюй г. Цзинаня. Презентация проекта зоны достопримечательности Чжуцзяюй г. Цзинаня // Официальный сайт Управления культуры и туризма г. Цзинаня. Июль 2025 г.

⁴ «Чжунго люйюу бао» (China Tourism Daily). Вэйфан Янцзяпу: движение к новому // China Tourism News Network. 5 февраля 2024 г.

винция Шаньдун) (张家坡 (淄博市, 山东省) включён в первый список «демонстрационных городов культурного возрождения» провинции. С 2020 года власти интегрируют культурное управление в систему местного самоуправления, опираясь на принцип «институциональные гарантии + многоплановое участие», формируя полный цикл культурной координации. Для эффективного управления культурными инициативами была создана структура — «Комитет по координации сельских культурных вопросов» (农村文化事务协调委员会) (Nóngcūn wénhuà shìwù xiétíáo wěiyuánhui)⁵.

Важным аспектом процесса ревитализации является вовлечение местных жителей. Через общественные уставы деревень жители обсуждают такие темы, как историческая память, праздничные обряды и традиционные ремёсла, тем самым формируется тот искомый консенсус изменений, необходимый импульсу развития. Это способствует становлению активной гражданской позиции и повышает уровень участия сообщества в культурной жизни. Он создаёт кооперативный механизм участия государства, местного сообщества, бизнеса, социальных организаций; через демократические консультации и разделение выгод обеспечивается синхронизация охраны культуры и социального развития.

Три описанные стратегии не исключают, а, напротив, часто переплетаются и дополняют друг друга. Успешная охрана культуры требует гибкого сочетания различных путей и механизмов в соответствии с местными условиями для формирования наиболее подходящей модели. Одновременно, по мере развития практики, все три пути продолжают эволюционировать, взаимно принимая и интегрируя элементы друг друга.

Заключение.

Культурное наследие сельских поселений как основа устойчивости культурной идентичности: правовые основы, институционализация, общественная синергии

Во всех странах мира для достижения устойчивости национальной идентичности осуществляется системная ревитализация сельского культурного и социального наследия на основе институционального строительства, инновационных механизмов администрирования и участия местных сообществ, благоприятной для передачи и обновления культурных ценностей.

Сделан вывод о том, что все страны мира нуждаются в создании более совершенной системы управления защитой культурного наследия: совершенствование правовой базы, обеспечивающей прочную правовую гарантию охране культуры; уточнение системы планирования, внедряющей требования охраны объектов

культуры в пространственное планирование территорий; инновации инструментов политики, стимулирующих охрану культуры через субсидии, налоговые льготы, финансовую поддержку и другие меры. Вместе с этим уделяется внимание усилению межведомственного взаимодействия, координационным механизмам между органами культуры, туризма, градостроительства и строительства, формируя единое усилие охраны [11–12].

Актуализируются и внедряются новые модели сотрудничества субъектов системы сохранения ОКН: государства, рынка и общества. Особое внимание уделяется процессам историко-культурного воспроизводства механизмов передачи культуры, используя современное образование и цифровые технологии для усиления её жизненности и адаптивности [13].

Широкое публичное социальное участие субъектов, включённых в систему защиты, на основе принципов открытой экосистемы является основой устойчивого развития культурной идентичности. Поддержка и развитие общественных организаций через поощрение к созданию культурных объединений, кооперативов и иных форм самоорганизации жителей будет способствовать повышению их организованности и переговорных возможностей. Кроме того, важно развивать образовательный потенциал фасилитационных компетенции: через обучение и обмен опытом повышать осведомлённость и навыки местных жителей в области охраны культуры [14, 15].

Цифровые технологии открывают новые возможности для устойчивости культурной идентичности. С их помощью можно фиксировать и сохранять культурное наследие, формируя цифровые архивы и базы данных. Кроме того, цифровые технологии способствуют культурным инновациям: цифровые музеи, иммерсивные спектакли, производные IP-продукты культурного творчества расширяют формы выражения и экономическую ценность культуры, возрождая традиции в современном обществе.

Библиографические ссылки

1. Ян Идань, У Яньцин. Современная ценность и охрана превосходной традиционной китайской аграрной культуры // Китайское сельское наблюдение. - 2025. - № 4. - С. 59–79. DOI: 10.20074/j.cnki.11-3586/f.2025.04.003.
2. Чжан Хунъян. О реконструкции культурных корней китайской деревни // Китайский исторический город. - 2016. - № 3. - С. 4–13.
3. Го Сяотун, Хань Фэн. Согласованное сохранение сельского наследия и устойчивое развитие с точки зрения культурного ландшафта: уроки наследия Пьемонта (Италия) // Пейзажная архитектура. - 2021. - № 2. - С. 116–120. DOI: 10.14085/j.fjyl.2021.02.0116.05.
4. Ли Симэн, Ян Жэнь, Лун Хуалоу. Теоретическая эволюция глобального сельского развития и её просвещение для

⁵ Отдел пропаганды Комитета КПК уезда Ююань. Чжанцзяпо: типовой кейс строительства культурно-возрождённого демонстрационного городка // WeChat-канал «Цивилизованный Цзыбо». 12 марта 2024 г.

- модернизации сельских районов Китая // *Acta Geographica Sinica*. - 2024. Т. 79. - № 4. - С. 854–872. DOI: 10.11821/dlxb202404003. 160–163.
5. Чэнь Бо. За двадцать лет изменений культуры китайской деревни: симптомы, влияние и размышления (по материалам обследования 118 деревень в 25 провинциях и городах центрального подчинения) // *Мягкая наука Китая*. - 2015. - № 8. - С. 45–57.
 6. Чжан Чжун. Исследование правовых актов Японии по охране исторических и культурных зданий // *Городское и сельское строительство*. - 2025. - № 5. - С. 78–80.
 7. Лю Пэйлин. Теоретические и практические изыскания «ностальгической памяти» в строительстве нового урбанизма // *Географические исследования*. - 2015. - Т. 34. - № 7. - С. 1205–1212. DOI: 10.11821/dlyj201507001.
 8. Ли Дээрнь, Чжан Фань. Теория и методы цифровой охраны культурного наследия // *Исследования культуры Янцзы*. - 2025. - № 3. - С. 5–28, 125.
 9. Лю Цзиньмэй. Семинар «Теория и методы цифровой охраны культурного наследия» // *Бейцзинский социологический ежегодник* / под ред. Хань Кая. Пекин: Бейцзинское издательское объединение, 2016. - С. 941.
 10. Ли Цзянь. Пути сохранения аутентичности древних деревень в условиях туристического освоения: на примере деревни Чжунцзяюй в провинции Шаньдун // *Журнал Университет г. Цзинань (Социальные науки)*. - 2018. - № 4. - С. 144–150, 160.
 11. UNESCO. Конвенция о защите всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (дата обращения: 31.08.2025).
 12. UNESCO. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (17 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения: 31.08.2025).
 13. Жэньминь жибао. Модели развития туризма в традиционных китайских деревнях и рекомендации по их оптимизации // *Жэньминь жибао*. 2024. 1 ноября. С. 7. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/pc/content/202411/01/content_30033144.html. (дата обращения: 31.08.2025).
 14. Сяо Лисинь. Дилеммы, вызовы и меры по участию множественных субъектов в сельском возрождении // *Южная деревня*. - 2024. - № 3. - С. 50–55. DOI: 10.15879/j.cnki.cn44-1099/f.2024.0022. (дата обращения: 31.08.2025).
 15. Полянина А. К. Культурное наследие, ценности и культурные ценности как политико-правовые категории и объекты государственной охраны // *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2023. № 1 (7). С. 16–19.
 16. Гамбоев Б.О., Тулохонов А.К., Хэмфри К. *Хозяйство, культура и окружающая среда в районах внутренней Азии*. Сибирское отделение РАН: Новосибирск, 2001. 280 с.
 17. Бандура А. Социально-когнитивная теория: агентная перспектива // *Психологический журнал*. 2001. Т. 52, № 1. С. 1–26.
 18. Чэнь Лицзюнь. Сравнительное исследование охраны нематериального культурного наследия Китая и России // *Россия, Восточная Европа и Центральная Азия: исследования*. 2022. № 2. С. 93–100.
 19. Чэнь Тинфэй. Придавать значение защите и наследованию сельской культуры // *Директор сельского комитета*. 2024. № 18. С. 55–57.
 20. Линь Юлин, Чжу Линьцин. Исследование практических путей возрождения сельской культуры // *Руководство по интеллектуальному сельскому хозяйству*. 2024. № 16. С.

Живое наследие и телесная философия культуры: традиция укладки волос у женщин мяо (КНР) деревни Дуйцзяо как феномен воплощения памяти

Аннотация. В статье рассматривается традиция укладки волос у женщин деревни Дуйцзяо (провинция Гуйчжоу, КНР) как феномен нематериального культурного наследия и пример воплощённой памяти этноса мяо. На основе междисциплинарного культурологического анализа раскрываются мифологические истоки, социальные функции и художественные особенности традиции, а также её роль в поддержании этнической идентичности и передаче родовой памяти. Традиция интерпретируется как форма «живого наследия», в которой сохранение достигается не через консервацию, а через действие, труд и телесное участие, вступающие в диалог с современными практиками моды, дизайна и цифровой визуальности.

Ключевые слова и фразы: Китай; этнос мяо; деревня Дуйцзяо; телесность; культурная память; нематериальное культурное наследие; ремесленные практики; идентичность; символика; воплощённая культура; культурная устойчивость.

ЧЖАН МЯО

*Забайкальский государственный университет, Чита,
Россия*

Введение

В условиях глобализации и цифровой стандартизации форм выражения вопрос о сохранении локальных культурных традиций приобретает особую остроту. Современная культура, ориентированная на унификацию и ускорение, всё чаще обращается к медленным, телесным и ремесленным практикам, поддерживающим связь человека с природой, историей и сообществом [14]. В этом контексте феномены телесной и ремесленной культуры становятся важным предметом гуманитарного знания, позволяя понять, как культура проявляет себя в действии, жесте и материале [5].

Традиции этноса мяо, особенно в области костюма и ритуала, представляют собой пример живой культурной экологии, где материальное и духовное находятся в устойчивом равновесии [8]. Особое место занимает обычай укладки волос у женщин деревни Дуйцзяо (провинция Гуйчжоу, КНР), соединяющий мифологическое наследие, художественное мастерство и телесную символику. Эта практика сохраняет архетипические образы китайской цивилизации и одновременно включается в современные формы выражения — в моде, дизайне и медиа.

Актуальность исследования связана с необходимостью осмысления механизмов культурной устойчивости и воплощённой памяти в условиях глобальных культурных трансформаций. Подобные традиции показывают, как культура противостоит утрате смыслов не через замыкание в архаике, а через способность адаптироваться, сохраняя ценностное ядро и символическую целостность [1; 12].

Объект исследования — традиция укладки волос у

женщин подгруппы этноса мяо «Дуйцзяо» как элемент нематериального культурного наследия и форма этнической саморепрезентации. Предмет — культурные смыслы, символические функции и процессы трансформации данной традиции в контексте культурной памяти, телесной практики и современной визуальной репрезентации. Цель исследования — выявить культурологические основания и механизмы устойчивости традиции укладки волос у женщин деревни Дуйцзяо и показать, каким образом она сохраняет духовно-символическое содержание, адаптируясь к условиям глобализации и медиатизации.

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий структурно-семиотический анализ (для выявления знаковых и символических структур культуры костюма) [11], феноменологический метод (для изучения телесного опыта и его культурного выражения) [5] и культурно-экологическую перспективу (для анализа взаимодействия ремесла, природной среды и духовных ценностей) [8].

Исследование традиции укладки волос у женщин мяо имеет не только региональное, но и универсальное значение. Оно отражает гуманистический поворот в науках о культуре, ориентированных на понимание человека как носителя и создателя смыслов [2]. Обращение к телесной и ремесленной культуре позволяет рассмотреть, как наследие существует в форме живых практик, а не статичных символов. Это способствует формированию антропологии воплощённой культуры, в рамках которой нематериальное наследие осмысливается как способ культурного мышления и телесной коммуникации [1; 7]. Таким образом, исследование подтверждает, что культура сохраняет себя не через консервацию, а через творческое воспроизводство и участие человека в живом процессе передачи смыслов.

1. Происхождение, мифология и социальные функ-

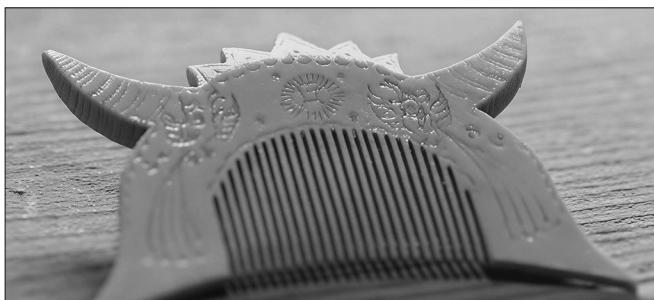

Рис. 1. Деревянный гребень — каркас ритуальной причёски

ции традиции укладки волос у женщин деревни Дуйцзяо.

Традиционная «рогатая» причёска женщин деревни Дуйцзяо имеет мифологическую и социально-практическую основу. Подобно многим архаическим формам телесного украшения, она соединяет сакральное, утилитарное и эстетическое начала, формируя устойчивую символическую систему, где каждый элемент наделён значением [6].

Согласно наиболее распространённой легенде, истоки традиции восходят к предку народа мяо — Чжию (蚩尤), изображаемому как воин с рогами. Он олицетворяет силу и способность противостоять испытаниям. Создавая роговидную конструкцию на голове, женщины материализуют образ предка и превращают миф в практику культурной памяти. Такой способ «телесного воспоминания» соответствует пониманию мифа у Э. Кассирера: миф живёт не в отвлечённом тексте, а в ритуале и жесте [9].

Другая легенда связывает происхождение причёски с периодом древних войн: женщины использовали высокие деревянные гребни и намотанные на них волосы, чтобы казаться выше и отпугивать врагов. Постепенно защитный элемент обрёл эстетическое и ритуальное значение, превратившись в знаковую женскую причёску. Эта версия перекликается с представлением М. Элиаде о «мифе о происхождении», когда повторение обрядов возвращает сообщество к сакральному «времени начала» [6].

Помимо мифологических объяснений, причёска выполняет важные социальные функции. Она является маркером зрелости и женского мастерства, свидетельством трудолюбия и эстетических навыков. В традиционном обществе объём, высота и аккуратность причёски влияли на социальную оценку девушки и её брачные перспективы.

С точки зрения структурной антропологии К. Леви-Стросса, форма роговидного головного убора отражает фундаментальные оппозиции «природа — культура», «земное — небесное», «женское — мужское» [10]. Рога символизируют силу и вертикальность, тогда как волосы ассоциируются с мягкостью, непрерывностью и жизненной энергией. Их сочетание создаёт устойчивый культурный образ, выражающий идею гармонии противоположностей.

Причёска является и элементом визуальной иден-

тификации подгруппы: её силуэт позволяет отличить «своих» от «чужих» и структурирует социальное пространство. Такая семиотичность формы соотносится с концепцией Ю. М. Лотмана о культуре как знаковой системе [11].

Тип и форма укладки меняются в зависимости от возраста и социального положения женщины. Высота конструкции, плотность намотки и направление завитков сигнализируют о переходах жизненного цикла — от девичества к замужеству и материнству. Процесс создания причёски имеет коллективный характер: в нём участвуют женщины разных поколений. Через совместное действие передаются техника, ценности и эмоциональные смыслы, закреплённые в телесных жестах. В этом проявляется то, что К. Гирц называл «толстым описанием» культуры [5].

Связь с образом Чжию придаёт головному убору сакральное измерение. Волосы, используемые для намотки, часто передаются по наследству и становятся «живым архивом» семьи, формой персонализированной культурной памяти в терминах Я. Ассмана [1]. Повторяя жесты предков, женщины не только поддерживают традицию, но и обновляют духовную связь внутри рода.

Традиция укладки волос у женщин Дуйцзяо — пример embodied heritage, «воплощённого наследия», в котором культура существует не в музейной фиксации, а в действии. Память проявляется в движениях, ритуалах и ремесленных процедурах. Подобно «местам памяти» П. Норы, но в телесном измерении, эта практика превращает человеческое тело в пространство хранения и передачи смыслов [12].

Таким образом, роговидная причёска представляет собой многослойный символ, объединяющий миф, социальную структуру, телесную дисциплину и эстетический код.

2. Эстетико-ремесленное измерение: инструменты, материалы и техника укладки.

Традиционная укладка волос у женщин Дуйцзяо представляет собой сложный ремесленный процесс, в котором форма, материал и телесное действие сое-

Рис. 2. Процесс расчёсывания и подготовки волос

диняются в единый символический жест. Для сообщества эта практика не является простым украшением: она воспринимается как ритуал, позволяющий поддерживать связь поколений и выражать культурный порядок через телесное действие [5; 13].

Центральным элементом причёски служит крупный деревянный гребень в форме полумесяца длиной 50–70 см. Он вырезается вручную из лёгких пород дерева (чуньму, шаму) и имеет характерный подъём на концах, формирующий роговидный силуэт подгруппы «Дуйцзяо». В культурологическом ключе гребень можно трактовать как предмет, несущий следы человеческого труда и семейной истории — своеобразную «вещь с аурой» в терминологии В. Беньямина [3], которая связывает технику, тело и родовую память.

Главный материал — волосы. Используются собственные волосы женщины, а также пучки, хранящиеся в семье по несколько поколений. Передача волос от матери к дочери воспринимается как важный акт преемственности и заботы. Волосы становятся «живым архивом» рода, материальным носителем памяти, что согласуется с представлениями Я. Ассмана о культурной и телесно воплощённой памяти [1].

Белые нити, которыми обматывают гребень и волосы, выполняют не только техническую, но и символическую функцию. Контраст белого и чёрного создаёт ритмичную графику, выражающую идею гармонии противоположностей, традиционную для визуальной культуры мяо [10; 11]. Иногда в конструкцию включаются металлические кольца и подвески, усиливающие декоративность и подчёркивающие статус владелицы.

Материалы — волосы, дерево, нити — не являются пассивными элементами. Их взаимодействие с руками мастерицы формирует устойчивый эстетический результат. Эта связь хорошо объясняется концепцией материальности Т. Инголда: форма возникает из «совместного становления» человека и материала, из точных тактильных действий, требующих опыта и телесной дисциплины [7].

Техника укладки включает несколько этапов:

1. Сбор и подготовка волос. Женщина или старшие родственницы собирают волосы на темени, создавая основу будущей формы. Этот жест воспринимается как «собрание силы» и приведение тела в порядок [5].

2. Установка гребня. Деревянный полумесяц фиксируется горизонтально, становясь осью композиции и определяя силуэт причёски.

3. Намотка дополнительных волос. Пучки навиваются на концы гребня, формируя объём и создавая узнаваемую роговидную форму, иногда напоминающую знак бесконечности [10].

4. Фиксация лентами. Белые ленты туго обматывают конструкцию, обеспечивая устойчивость и символическое «связывание» тела, рода и традиции [11].

5. Украшение. Завершающий этап включает добавление лент, металлических элементов и декоративных деталей, позволяющих выразить индивидуальность в рамках общинного канона.

Последовательность действий превращает укладку в телесный ритуал, где жесты рук имеют одновременно техническое и символическое значение. Ремесленный труд требует точности, внимания и погружённости в процесс, что позволяет соотнести его с «этикой ремесла» Р. Сеннетта [13]. Через такие действия формируется эстетическое чувство, передаются навыки и закрепляется коллективная память.

Практика укладки имеет ярко выраженный коллективный характер. Женщины разных поколений участвуют в причёсывании, помогая друг другу и обсуждая семейные события. В этом взаимодействии создаётся не только причёска, но и пространство женской коммуникации, где передаются знания, ценности, нормы поведения и эмоциональная поддержка. Таким образом, причёсывание выполняет важную социальную функцию — объединяет женщин и воспроизводит структуру общины [2].

Телесная форма причёски — высокая роговидная конструкция — является видимым маркером подгруппы и укрепляет её идентичность. Она делает культуру «узнаваемой» и обеспечивает связь между материальным обликом и этнической принадлежностью [11].

Таким образом, укладка волос у женщин Дуйцзяо представляет собой синтез ремесла, телесной техники и символического знания. В этой традиции жесты, материалы и формы соединяются в единый культурный акт, который сохраняется не через фиксацию, а через ежедневную практику и межпоколенческое участие [1; 12].

3. Современные трансформации традиции: диалог с модой, дизайном и цифровыми медиа.

Современная эпоха характеризуется ускорением культурных обменов, гибридизацией форм выражения и растущим вниманием к локальным традициям. В этих условиях дуйцзяоская роговидная причёска, обладающая ярким визуальным кодом и насыщенной символикой, становится элементом глобального культурного оборота. Традиционная форма включается в новые контексты — моду, дизайн, сценические искусства и цифровые медиа, — сохраняя при этом связь с

Рис. 3. Традиционная женская причёска деревни Дуйцзяо

исходными значениями [2; 11].

С точки зрения культурной экологии, о которой писал Ф. Капра, устойчивость культурных практик определяется их способностью к адаптации и самоорганизации [8]. Традиция укладки волос у мяо демонстрирует именно такую модель: ремесло, телесная дисциплина и природные материалы образуют целостную систему, которая поддерживает культурную устойчивость даже в условиях глобальных трансформаций.

Глобализация приводит к тому, что локальные визуальные мотивы перемещаются между различными «ландшафтами» современности — *ethnoscapes*, *mediascapes*, *technoscapes*, описанными А. Аппадураем [14]. Дуйцзяоская причёска, попадая в эти потоки, становится узнаваемым символом культурной специфики Юго-Западного Китая и объектом нового прочтения.

В модной индустрии внимание к традициям мяо заметно с конца XX века. Китайские и зарубежные модельеры используют характерный роговидный силуэт, графику белых нитей и идею «двойной дуги», воплощённую в форме причёски. Эти элементы появляются в показах, аксессуарах, сценографии, в модных фотосессиях и арт-проектах. Такое преобразование согласуется с концепцией «третьего пространства» Х. Бхабхи, где традиция и современность взаимодействуют, создавая гибридные эстетические формы [15].

Подобное включение элементов традиции в глобальную визуальную культуру можно рассматривать и через призму теории культурного капитала П. Бурдьё: локальные знаки, попадая в пространство высокой моды, превращаются в символы статуса и культурной значимости, меняя свою позицию, но сохраняя связь с исходным сообществом [4]. При этом важно, что традиционный символ не утрачивает своего семантического ядра — он продолжает выражать устойчивость, женскую силу и ритуальное значение.

Одним из значимых направлений современного культурного взаимодействия является *slow fashion* — движение, подчёркивающее ценность ручного труда, экологичности и уважительного отношения к материалам. Дуйцзяоская традиция глубоко созвучна этой тенденции: укладка требует времени, внимания, коллективного участия и осознанного взаимодействия с веществом. Это делает её примером гуманистической ремесленной философии, в которой техника и этика совпадают, что напрямую перекликается с идеями Р. Сеннетта о ремесленничестве [13].

Цифровая среда стала ещё одним важным пространством циркуляции традиции. На платформах коротких видео, в документальных фильмах, VR-архивах и медийных проектах роговидная причёска превращается в узнаваемый визуальный код. В цифровом формате традиция получает возможность быть увиденной широкой аудиторией, в том числе за пределами Китая. Это проявление феномена «расширенного присутствия» традиции согласуется с представлением П. Норы о множественности форм памяти и новых режимах её существования [12].

Вместе с тем цифровая репрезентация требует этически корректного подхода. Отрыв визуального образа от его культурного контекста может привести к поверхностному восприятию. Поэтому важным является сопровождение цифрового контента пояснениями, рассказами носителей, включением документального материала. Такие практики позволяют сохранить связь между символической формой и её значениями [5].

С конца XX века усиливается также музейная и выставочная деятельность, посвящённая культуре мяо. На выставках этнографического и арт-ориентированного профиля роговидная причёска используется как знаковый элемент культурной идентичности региона. В ряде проектов музейные кураторы стремятся не только показать готовые предметы, но и демонстрировать технику укладки — через видеопроекции, мастер-классы, перформативные элементы. Тем самым подчеркивается идея *embodied heritage*: традиция существует в действии, а не в статичном объекте [1; 12].

Современная медиасреда не уничтожает смысл, а создаёт новые формы включённости. Зритель, наблюдая процесс укладки, чувствует эмоциональное и визуальное сопереживание традиции. В терминах М. Бахтина, традиция остаётся диалогичной: она вступает в контакт с современными визуальными языками, но при этом сохраняет уникальный культурный голос [2].

Взаимодействие с модой и цифровыми технологиями не обесценивает традицию, а напротив — демонстрирует её культурную гибкость. Дуйцзяоская причёска наглядно показывает, что локальная форма может быть вписана в глобальный контекст, не утратив своего символического ядра. Это делает её примером устойчивого культурного кода, который способен одновременно сохранять связь с прошлым и находить новые способы существования в современности [8; 14].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что традиция укладки волос у женщин деревни Дуйцзяо представляет собой сложный культурный комплекс, в котором взаимосвязаны мифологические представления, социальные нормы, эстетика и телесные техники. Её происхождение связано с образом предков и символикой силы, что придаёт причёске статус знакового выражения мировоззрения мяо [6; 9].

Социальные и ритуальные функции укладки проявляются в том, что причёсывание выступает элементом женской инициации, визуальным маркером возраста и положения, а также механизмом передачи ремесленных знаний. Коллективное участие женщин разных поколений делает укладку пространством общения, поддержки и воспроизводства нравственных норм общины [5; 2].

Эстетико-ремесленный аспект традиции демонстрирует, что головной убор — это не только украшение, но и воплощённая форма знания. Техника намотки, работа с волосами и нитями, взаимодействие с

деревом и металлом создают практику, где материальное действие является способом мыслить и структурировать опыт. Это воплощает концепцию ремесленной этики Р. Сеннетта [13] и идеи материальности Т. Инголда [7].

Современные интерпретации в моде, дизайне, музейных проектах и цифровой среде подтверждают гибкость и адаптивность традиции. Дуйцзяоская причёска сохраняет семантическое ядро, вступая в диалог с новыми визуальными языками и становясь частью глобальной культурной циркуляции [14; 15].

Таким образом, укладка волос у женщин Дуйцзяо является примером нематериального наследия, существующего в действии, жесте и взаимодействии поколений. Её устойчивость основана на повторении телесных практик, ценностной преемственности и способности сочетать архетипические формы с современными культурными тенденциями. Это доказывает, что сохранение нематериального наследия возможно прежде всего через поддержание живой связи между телом, культурой и сообществом — связи, которая формирует основы гуманистической идентичности.

Библиографические ссылки

1. Асмман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Ад Маргинем, 2015. 272 с.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
5. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
6. Елиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 240 с.
7. Инголд Т. Мир, созданный вручную: Перевод вещей и людей в культуре. М.: Канон+, 2021. 352 с.
8. Капра Ф. Паутина жизни: Новое научное понимание живых систем. М.: София, 2002. 336 с.
9. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.: Республика, 2002. 352 с.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Республика, 2001. 512 с.
11. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. М.: Языки славянской культуры, 2002. 280 с.
12. Нора П. Места памяти. М.: Новое издательство, 2014. 616 с.
13. Сеннетт Р. Ремесленник. М.: Ад Маргинем, 2013. 368 с.
14. Аппадурай А. Глобализация и культурное разнообразие. М.: Логос, 2011. 240 с.
15. Бхабха Х. Местопребывание культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 432 с.

Репрезентация образа благородного мужа в традиционной китайской живописи

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации образа благородного мужа (цзюньцзы) в традиционной китайской живописи, прежде всего в стиле се-и. На основе классических философских учений конфуцианства и даосизма рассматриваются ключевые символы цзюньцзы — бамбук, слива и хризантема, — воплощающие идеалы стойкости, нравственной чистоты и внутренней свободы. Показано, что художественный язык се-и служит формой духовной самореализации и выражения моральных ценностей. Делается вывод о значении се-и как визуальной антропологии, отражающей культурные основания китайской личности.

Ключевые слова и фразы: благородный муж (цзюньцзы); се-и (写意); традиционная китайская живопись; конфуцианство и даосизм; художественная символика бамбука, сливы и хризантемы; визуальная репрезентация моральных ценностей.

ЧЖАО ШАОЛУ

Саньцзянский профессиональный колледж изящных искусств Китайско-российского совместного образовательного колледжа, провинция Хэйлундзян, г. Харбин, Китай

Введение

Репрезентация образа благородного мужа в традиционной китайской живописи

Идея «пути благородного мужа» (цзюньцзы чжи дао 君子之道), сформированная в русле конфуцианства, легизма и даосской мысли, стала фундаментальным культурным идеалом китайской цивилизации. Эта многослойная концепция, прошедшая длительную трансформацию от аристократического сословного статуса к универсальному этическому образу, получила визуальное воплощение в традиционной живописи, прежде всего в стиле се-и (写意). В китайской художественной культуре се-и издавна служит не только средством изображения природы, но и способом выражения моральных добродетелей и внутреннего состояния человека.

Настоящее исследование, основанное на классических текстах эпохи Чуньцю и иконографии стиля се-и, предлагает сравнительный анализ символики благородного мужа в традиционной живописи: бамбука, сливы и хризантемы. Эти мотивы являются не просто декоративными элементами, но и визуальными метафорами нравственного совершенствования, внутренней стойкости и духовной свободы. Впервые рассматривается эволюция этих символов в контексте изменений понимания идеала цзюньцзы — от мандаринского конфуцианства к современным моделям культурной идентичности.

В ранний период становления концепции цзюньцзы её визуальная репрезентация была тесно связана с элитарным миром учёных и чиновников. Идеал «ухода от мира» (чуши 出世) был связан с интеллектуальной автономией и стремлением к чистому искусству. Позднее, по мере усиления социальной ориентации конфуцианства, акцент сместился в сторону идеи

«служения миру» (жуши 入世), и образ благородного мужа стал формой коллективной культурной идентичности. Этот переход отражает важный исторический процесс: от сословной модели к общенациональному нравственно-философскому идеалу.

В период Хань усиливается взаимодействие конфуцианства и даосизма, что приводит к появлению «уединённого мышления» и внутренней этической рефлексии. Дальнейшее развитие стиля се-и демонстрирует, как в символике бамбука, сливы и хризантемы нашли отражение основные моральные категории цзюньцзы — стойкость, честность, цельность, способность сохранять внутренний порядок в изменчивом мире. Семиотическая перспектива позволяет увидеть, что разнообразие художественных решений соотносится с многообразием проявлений Дао, раскрывающего себя в природе и человеке.

Настоящая статья рассматривает дух се-и как внутреннюю культурную форму выражения пути благородного мужа. Через взаимодействие линии, пустоты (留白), тушевых приёмов и символических мотивов живопись превращается в внешнюю форму морального идеала. Это исследование демонстрирует, что образ благородного мужа в китайской живописи отражает фундаментальное философское напряжение между мирским служением и отшельническим стремлением к внутренней свободе. Конфуцианская социальная этика, даосская естественность и легистский рационализм совместно формируют многомерное духовное содержание живописи се-и и идеала цзюньцзы.

Научная значимость работы состоит в том, что визуальный язык се-и рассматривается как форма репрезентации коллективной культурной личности Китая. Анализ символов и художественных техник способствует междисциплинарной интеграции искусствознания, этики и культурологии и позволяет глубже понять взаимосвязь между Дао и личностью в традиционной живописной культуре.

I. Философия мирской вовлечённости

Коллективная идентичность китайской культуры формировалась в условиях сочетания историчности, практичности и идеалистической устремлённости.

Этот культурный фундамент отличает китайскую цивилизацию от западных моделей мышления. Характерный пример — восприятие Китая Маттео Риччи, который, прожив десятилетия в стране и глубоко изучив её культуру, тем не менее интерпретировал её через призму европейских понятий «джентльмена» и «святого». Однако китайская ценностная система опирается прежде всего на образ «цзюньцзы» (君子), идеал благородного мужа, который выражает ядро культурной традиции.

Термин «цзюньцзы» впервые появляется в памятниках эпохи Западной Чжоу и первоначально обозначает социальный статус — «сына правителя» или аристократа, противопоставленного «сяо жэнь» (小人), простолюдину. Однако в эпоху Весен и Осеней Конфуций осуществил принципиальную переинтерпретацию понятия, преобразовав его из сословного титула в универсальный этический идеал. В «Лунь юй» («Беседы и суждения») цзюньцзы определяется через добродетели жэнь (仁, гуманность), и (义, справедливость) и ли (礼, ритуальная благопристойность). На вопрос Фань Чи о сущности гуманности Конфуций отвечает: «Жэнь — это любить людей» («仁者爱人»), подчёркивая социальную направленность конфуцианской этики.

Современный исследователь Роджер Т. Эймс определяет конфуцианскую мораль как «реляционную этику», где личность понимается через систему ролей и обязательств. В его интерпретации цзюньцзы — не абстрактно добродетельный индивид, а носитель реляционной компетентности, формирующий гармонию человеческого сообщества. Таким образом, конфуцианская концепция благородного мужа ориентирована на активное участие в общественной жизни, в отличие от западной традиции индивидуальной добродетели.

Добродетель и (义, справедливости) занимает центральное место в конфуцианской модели. В «Лунь юй» сказано: «Благородный муж понимает и, малый человек — личную выгоду» («君子喻于义, 小人喻于利»). Это противопоставление подчёркивает готовность цзюньцзы ставить моральный долг выше материальной выгоды. В «Мэн-цзы» приводится знаменитая формула: «Если нельзя сохранить и жизнь, и справедливость, я жертвую жизнью ради справедливости», что формирует традиционный идеал нравственной стойкости (气节, цичзе).

Ритуал ли (礼) регулирует социальное поведение и поддерживает порядок. Как говорится в «Сюнь-цзы»: «Без ли человек не может жить, дела без ли не могут совершиться, государство без ли не может быть в покое». Ритуальная этика выступает не внешним ограничением, а формой самокультивации, задающей образцовое поведение благородного мужа. В интерпретации У. Т. де Бари нравственная автономия цзюньцзы реализуется через сознательное следование ритуальным нормам и участие в общественной жизни.

Именно поэтому бамбук становится одним из наиболее устойчивых символов цзюньцзы. Его природ-

ные качества — гибкость, прямота, прочность — интерпретируются как визуальная метафора честности, скромности и принципиальности. Бо Цзюйи выделял четыре добродетели бамбука: «прочность корней», «прямоту», «пустоту сердцевины» и «чистоту узлов», которые образуют модель благородного характера. Живопись се-и визуально передаёт эти качества: изящество линии, контраст пустоты и плотности мазка, ритм композиции становятся средствами раскрытия нравственной природы образа.

Особое значение имеет творчество художников эпох Мин и Цин, в котором символика бамбука получает социально-историческое измерение. У Ши Тао наклонённый ствол бамбука, написанный в технике «фэйбай» («летающие белые»), выражает сопротивление политическому давлению и метафорически отражает переживание эпохи. Образ согнутого, но не сломленного бамбука превращается в художественный комментарий к исторической судьбе народа и одновременно в личный манифест стойкости художника. Это соединение личного и социального формирует характерную для се-и традицию — выражать моральные идеи через природные формы.

Таким образом, конфуцианская модель цзюньцзы, ориентированная на деятельное участие в мире, получила глубокое и многоуровневое отражение в традиционной живописи. Образы бамбука, их стилистическая эволюция и метафорическая насыщенность демонстрируют, как художественный язык се-и превращается в средство выражения общественного идеала, связывающего моральный долг, внутреннюю устойчивость и социальную ответственность.

II. Философия отрешённости от мирских дел

Наряду с конфуцианской установкой на социальную активность (жуши 入世), важнейшую роль в формировании идеала благородного мужа сыграли даосизм и школа инь-ян. Эти учения придали цзюньцзы измерение внутренней свободы, непривязанности и созерцательной мудрости. Если конфуцианство делает акцент на социальном долге, то даосская традиция обращена к «естественности» (цзыжань 自然), «недеянию» (увэй 无为) и гармонии с движением Дао, что формирует альтернативную модель самореализации — путь уединённого и независимого человека.

В «Дао дэ цзине» Лао-цзы подчёркивается бесформенная и незримая природа Дао: «Великая музыка лишена звуков, великий образ не имеет формы». Дао рождает и поддерживает все вещи, но не стремится к обладанию ими; именно эта мягкая, ненасильственная сила служит образцом для поведения мудреца. Даосская концепция «несостязательности» (бу чжэн 不爭) и внутреннего покоя противопоставляется конфуцианскому ритуализму и открывает путь к пониманию мира через самовращение природы, а не через социальные предписания.

Чжуан-цзы развивает идею следования «изначальной искренности» (тяньчжэнь 天真), считая, что че-

Рис. 1. Ши Тао (石涛, 1642–1707). «林风墨竹图» («Бамбук тушью под лесным ветром»). Бумага, тушь. Эпоха Цин.

Рис. 2. Сюй Вэй (徐渭, 1521–1593). «墨梅图» («Слива тушью»). Бумага, тушь. Эпоха Мин.

людей должен стремиться к возвращению своей внутренней природы. Для него истинная свобода — это не бегство от мира, а пребывание в нём без утрат самостоятельности. Такая интерпретация личности оказала глубокое влияние на позднейшие восприятия цзюньцзы, наделив его качествами спонтанности, духовной игры и независимого суждения.

В эпоху Вэй—Цзинь мыслители, такие как Цзи Кан, подчёркивали необходимость «превзойти ритуалы и следовать естественности» (越礼任自然). Влияние этой линии проявилось в художественной культуре: многие представители интеллигенции, находясь под давлением политической службы, совмещали внешнее следование конфуцианским нормам с внутренним культивированием даосской мудрости. Это сочетание выражено в формуле «внешне служить конфуцианству, внутренне следовать Хуан-Лао» (外事儒家, 内修黄老).

Даосская философия оказала сильное воздействие на эстетику живописи се-и. Понятия «одухотворённой пустоты» (кунлин 空灵) и «оставленного пустого пространства» (любай 留白) основаны на идее, что незаполненное пространство обладает таким же значением, как и изображённые формы. Наблюдение за природой и стремление уловить её спонтанность определяют стиль кисти, направленный не на внешнее сходство, а на передачу внутреннего состояния.

Именно в этом контексте хризантема становится одним из ключевых символов даосского идеала. Её стойкое цветение в позднюю осень и скромная красота символизируют независимость, духовную чистоту и спокойствие. Тао Юаньминь, основатель пасторальной поэзии, отождествлял хризантему с образом уединённого мудреца. Его знаменитые строки «Срывая хризантемы у восточного забора, спокойно созерцаю южную гору» выражают идею отрешённости и внутреннего равновесия.

Эта поэтическая традиция переходит в живопись. У Ци Байши хризантемы часто сопровождаются насекомыми — такой приём превращает уединённый образ в метафору жизненной полноты, объединяя элитарную традицию с народным восприятием. В работах современных мастеров, например Ван Ханьшаня, хризантема переосмысливается через акриловые ритмы и световые перемены: её традиционная форма трансформируется, но сохраняет внутреннюю идею «естественного самораскрытия».

Этот принцип — «внешнее следует природе, внутреннее рождается из сердца» (外师造化, 中得心源) — лежит в основе художественной логики се-и. Шитао прямо говорил: «Кисть и тушь должны следовать эпохе», указывая на необходимость сочетать традицию и творческую спонтанность. Даосизм тем самым привнёс в идеал благородного мужа измерение духовной свободы и самообновления.

Таким образом, философия отрешённости формирует вторую ключевую линию в становлении личности цзюньцзы. Она находит художественное выражение в символике хризантемы, в технике работы

с пустым пространством, в приёмах спонтанности и свободной кисти. Если конфуцианство делает акцент на общественном служении, то даосизм формирует «внутреннего человека», стремящегося к гармонии с естественностью. В живописи се-и эти две тенденции соединяются, создавая многомерный образ благородного мужа — человека, способного сочетать социальную ответственность и духовную независимость.

III. Художественные проявления, основанные на личности благородного мужа: се-и как духовная форма

Се-и-живопись отличается от придворных художественных традиций тем, что её создателями стали представители образованного слоя — вэньжэнь. Начиная с эпохи Сун, когда государственная экзаменационная система окончательно сформировала интеллектуальную элиту, именно эта группа определила каноны художественной критики и эстетики. Задачей живописи стало не копирование внешних форм, а выражение внутреннего состояния человека и его нравственных устремлений. Су Ши подчёркивал: «Говорить о живописи нужно, исходя из сходства духа, а не форм». Эта установка определила переход от ремесленной техники к духовной содержательности, сблизив идеал художника с образом благородного мужа.

В эпоху Сун развивается жанр бамбука тушью — один из наиболее емких символов личности цзюньцзы. Вэнь Тун, которого считали основателем канона «чёрного бамбука», рассматривал живопись как продолжение внутреннего состояния: его мазки лаконичны, линии сдержанны, а изображение — не подражание природе, а визуализация добродетелей благородного мужа. Су Ши писал о нём: «Когда поэзия переполняет, она становится каллиграфией, когда каллиграфия переполняет — становится живописью». Эта формула точно отражает дух се-и: искусство является органическим выражением сердца и мысли.

В эпоху Юань, когда китайская интеллигенция оказалась в положении культурного меньшинства под властью монголов, 墨竹 (рисование бамбука) превратилось в символ нравственной стойкости. Ни Цзан и У Чжэнь создавали композиции, наполненные пустым пространством: одиночные стебли бамбука сопровождаются сухими деревьями и «чудесными камнями», визуализируя внутреннее уединение, гордость и отказ служить чужой власти. Юаньская традиция рисования бамбука стала кульминацией «живописи учёных»: простые тени и скупая линия заключали в себе сложный духовный опыт эпохи (Рис. 1).

В период Мин и Цин традиция получила новое развитие. Учение Ван Янмина «сердце — источник всего сущего» (心外无物) способствовало усилению субъективности в искусстве. В работах Сюй Вэй бамбук превращается в спонтанное выражение внутренней энергии: его мазки свободны, порывисты, исполнены духовного напряжения. Сюй Вэй соединял конфуцианскую прямоту и даосский дух «ди дикого вдохнове-

ния», создавая образ цзюньцзы, сочетающего ответственность и независимость.

Чжэн Банкяо (Цин) продолжил развитие 墨竹, обновив канон на основе эпиграфики и коммерческой художественной культуры. Его произведения, сопровождаемые каллиграфическими надписями, соединяют строгую духовность с живой человечностью. Чжэн Банкяо подчёркивал: «После Вэнь Туна бамбук достиг совершенства в эпоху Юань». Он стремился к синтезу традиции и новаторства, создавая образ благородного мужа, способного сохранять стойкость в условиях политического давления маньчжурской эпохи.

Наряду с бамбуком символическое значение приобретают и другие растения — «четыре благородных» (四君子): слива, орхидея, бамбук и хризантема. Каждый из них представляет определённое качество личности цзюньцзы:

- слива (мэй) — гордая стойкость и способность расцветать в стужу;

- орхидея — утончённость и чистота;

- бамбук — прямота и честность;

- хризантема — спокойствие и отрешённость.

Особенно ярко эти качества проявились в се-и изображениях сливы. В творчестве Сюй Вэя «снежная слива» становится метафорой внутренней свободы, способной противостоять давлению обстоятельств (рис. 2.). Сильные тушевые размывы, контраст пустоты и плотности мазка, экспрессивность ветвей превращают растение в символ негибкости. Как отмечал Ван Мян, слива — единственный цветок, который вступает в мир «посреди ледяного света и снежной мглы», что делает её воплощением «гордой чистоты» (аогу 傲骨).

Всё это показывает, что се-и выступает не просто художественным методом, но формой выражения духовного пути. Образы бамбука, сливы и хризантемы становятся «внешними телами» нравственных качеств цзюньцзы. В простоте мазка, в балансе пустоты и формы, в спонтанности линии заключено стремление художника выразить собственную моральную позицию. Таким образом, живопись се-и формирует уникальную визуальную антропологию благородного мужа, объединяя конфуцианскую мораль, даосскую естественность и исторический опыт эпохи.

Заключение

В настоящем исследовании дух се-и рассмотрен как внутренняя культурная форма выражения пути благородного мужа (цзюньцзы чжи дао). Через язык кисти и туши, использование пустого пространства (留白), композиционные решения и символические мотивы живопись превращает моральные принципы в визуальные образы. Эстетика се-и представляет собой не только художественный метод, но и особый способ духовного самовыражения, в котором соединяются этика, философия и культурная память.

Анализ традиционных символов — бамбука, сливы и хризантемы — позволяет выявить эволюцию идеала

цзюньцзы от раннего элитарного образа к многообразным моделям личности, отражающим исторические изменения и интеллектуальные поиски различных эпох. Стойкость бамбука, гордое мужество зимней сливы и отрешённость хризантемы формируют совокупность визуальных метафор, в которых проявляется моральная автономия, внутреннее достоинство и стремление к гармонии с миром.

Тесное взаимодействие конфуцианства, даосизма и легизма формирует многомерную духовную структуру се-и. Конфуцианская ориентация на общественное служение, даосская естественность и внутренняя свобода, а также легистское понимание порядка и ответственности создают сложный и богатый культурный контекст, который воплощается в художественном образе благородного мужа. Это взаимодействие позволяет рассматривать се-и как форму духовного синтеза, отражающего напряжение между мирским участием и уединённой мудростью.

Живопись се-и выступает важным носителем исторического и этического знания. Она не только фиксирует состояние души художника, но и сохраняет нравственные идеалы эпохи, визуализируя их в символической форме. Таким образом, визуальный язык се-и можно рассматривать как репрезентацию коллективной культурной личности Китая, где моральные категории, философские учения и художественные практики образуют единую духовную структуру.

Эстетика се-и продолжает оставаться значимой и в современном культурном пространстве. Её универсальные принципы — ценность пустоты, динамика линии, внимание к внутреннему состоянию — позволяют сохранять преемственность традиции и одновременно стимулируют художественные инновации. Изучение пути благородного мужа через призму се-и способствует более глубокому пониманию взаимодействия Дао, личности и художественного творчества в китайской культуре.

Библиографические ссылки

1. Ames R. T., Hall D. L. Thinking Through Confucius. Albany: SUNY Press, 1987. 393 p.
2. Bush S., Shih H.-Y. (eds.). Early Chinese Texts on Painting. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012. 416 p.
3. Cahill J. The Compelling Image: Nature and Style in Seventeenth-Century Chinese Painting. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 250 p.
4. De Bary W. T. The Liberal Tradition in China. Hong Kong: Chinese University Press, 1983.
5. Murray J. K. Symbols of Virtue: Reading Chinese Literary Painting // *Artibus Asiae*. 2002. Vol. 62. P. 241–267.
6. Tu Weiming. Centrality and Commonality: An Essay on Confucian Religiousness. Albany: SUNY Press, 1989.
7. Дао Дэ цзин / Лао-цзы. М.: АСТ, 2025. 320 с.
8. Конфуций. Лунь юй (Беседы и суждения). М.: Восточная литература, 2001. 588 с.
9. Мэнцзы. М.: Наука, 2016. 901 с.
10. Чжуан-цзы: [притчи] / Чжуан-цзы; [перевод с китайского Л. Позднеевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2022. 416 с. (Эксклюзивная классика).

Художественно-культурологическая концепция «линьюнь»: эволюция философского содержания, комплиментарность с японской эстетикой

Аннотация. В данной статье рассматривается эстетическое понятие «духовного резонанса» (灵韵), берущее начало в китайской даосской мысли, и его творческая трансформация в Японии. В статье отмечается, что «духовный резонанс», изначально являвшийся проявлением «Дао», подчёркивает интеграцию субъекта и объекта, внутреннюю гармонию, фокусируясь на внушении и духовном выражении в искусстве. В период своего проникновения в Японию это понятие избирательно усваивалось через даосизм, буддизм и другие течения, постепенно локализуясь в таких эстетических категориях, как «югэн» (幽玄) и «ваби-саби» (侘寂). Например, пустые пространства в театре Но и несовершенная красота чайной церемонии воплощают лаконичность и сублимацию «духовного резонанса» в японской культуре. В исследовании утверждается, что эволюция «духовного резонанса» — это не просто концептуальная миграция, а творческий межкультурный диалог, обогащающий коннотацию восточной эстетики.

Ключевые слова и фразы: духовное очарование, глубокая тайна, ваби-саби, символическая фильтрация, механизмы межкультурной коммуникации, даосская мысль, японская эстетика, межкультурная коммуникация.

ЧЖАН СЯОЧЖЭНЬ

*Забайкальский государственный университет, Чита,
Россия*

Межкультурная диффузия концепции «линьюнь»¹ в Японию носило нелинейный характер и в своем начальном этапе имело как минимум, три этапа.

В период Нара японские послы в Танском Китае не только познакомились с политической системой династии Тан, но и систематически усваивали даосскую культуру, уделяя особое внимание сохранению здоровья и медицинским методам. Они непосредственно изучали такие классические произведения, как «Баопу-цзы», считая его теории о «ци» и методы совершенствования передовыми знаниями в высшей степени полезными. Японская знать в культуре повседневности и в ритуальной практике сочетала даосские идеи даосизма со своими собственными национальными синтоистскими верованиями, формируя уникальную культуру современной Японии. В области медицины даосские элементы были широко интегрированы в образ жизни. Например, «Исинпо»² (лечебник исцеления травами) цитировал «Баопу-цзы»³, интегрируя

такие методы, как управление дыханием и его регулирование. В официальных медицинских учреждениях также существовали должности, такие как «доктор заклинаний», ответственные за даосские медицинские ритуалы, и систематически включали концепцию «ци» в свою систему сохранения здоровья; соответствующие записи можно найти в таких документах, как «Исинпо». Вместе с буддизмом из Китая в Японию перешла наука о лечении травами. Она получила характерное название Кампо (漢方), которое можно перевести как «китайский метод». Однако развиваться медицина Кампо начала лишь с конца XVI века, когда монахи-целители стали продвигать в Японии знание, полученное во время обучения в Китае. Однако китайское учение с самого начала стало приобретать японский характер. Если традиционная китайская медицина основывается на принципах натурфилософии: диалектики инь и ян, пяти стихий натурфилософского холизма, то японские врачи предпочли выявлять болезнь, основываясь на конкретных симптомах. Они критиковали китайскую медицину за слишком большое количество теории, не соответствующей проблемам реальной жизни. Для диагностики использовали техники пальпирования, простукивания живота, с по-

¹ Концепция «Линьюнь» — это центральная концепция китайской духовной и эстетической мысли, обозначающая: одухотворённую, внутреннюю гармонию и жизненную силу, пронизывающую мир. Она возникла из даосской онтологии, где она является проявлением Дао, постигается через очищение сознания и не-дуальное слияние с объектом, выражается в искусстве через намёк, пустоту, ритм и передачу внутреннего духа, а не внешней формой. Её философско-культурологическое значение проявляется не как объект, а как качество связи между человеком и миром, возникающее в момент подлинного, глубокого и гармоничного взаимодействия.

² «Исинпо» («Истинный метод лечения») — первая японская медицинская книга о китайском исцелении травами, составленная врачом Танба-но Ясүёри

³ Баопу-цзы» (кит. 抱朴子) — даосский энциклопедический трактат, написанный в 317–320 годах Гэ Хунем, переводится дословно как «Мудрец, объёмлющий первоначальную простоту».

мощью которой лекарем определяется необходимый пациенту рецепт из трав.

В период Нара японская императорская семья включала даосские элементы в государственные ритуалы, чтобы обожествить власть императора. Например, в системе «Восьми фамилий», установленной императором Тяньу⁴, самая высокая фамилия, «Сидзин» (真人), была образована от даосского термина, обозначающего просветлённое существо; священные предметы, такие как зеркала и мечи, используемые в церемонии возведения императора на престол, имели символическое значение, сходное с даосскими ритуальными принадлежностями; а заклинания, используемые во время церемонии «Приветствия четырёх сторонам света» во дворце, также включали даосские фразы, такие как «Спешите делать как велит закон!». Эти практики не только обогатили государственные ритуалы, но и предоставили важные ресурсы для систематизации роли синтоизма в построении основ правого государства эпохи Нара [1, с.114-124]. Рицурё как политико-правовая и социально-экономическая система централизованного японского государства VII—XI веков была заимствована из систем государственного устройства китайских империй Суй и Тан и внедрена в ходе реформ Тайка. Центральный управленческий аппарат государства состоял из двух управлений и восьми министерств. Административно-территориальное деление страны на провинции, уезды и сёла имело строгое дисциплинарное устройство, в котором превалирование государственной собственности над частной, обеспечивало тотальный контроль государственных чиновников над землями и населением. Эти реформы рассматриваются исследователями японской государственности в качестве важнейших для формирования основ правового, а не кланово элитарного государства.

Нара Япония систематически многое заимствовала из интеллектуальной даосской классики. Кайфусо (漢風臨)⁵, датируемый 751 годом нашей эры, уже отражает влияние лао-чжуанской мысли, тогда как Нихон-

коку Кензайсо Муку (日本國見在書錄書), составленный в конце VIII-го века, включал 25 комментариев к Лаоцзы, а также многочисленные даосские тексты, такие как Чжуанцзы⁶ и Баопузи Нэйпянь⁷ (抱朴子內篇)[2, с.51-53]. Эти документы составили текстовую основу для распространения даосизма в Японии, способствовали распространению даосской эстетической культуры среди высших классов и заложили основу уникальной японской культуры «Дао» (道). Эзотерический буддизм выступил семиотическим проводником даосских концепций. Передача происходила через механизм семантический синкретизм коннотаций богов и будд и ритуальную символику. Например, архитектура буддийского храма Бёдо-ин в маленьком городе Удзи, близ Киото, с композицией «один пруд и три острова», сохранила даосский космологический образ, переосмысленный в контексте позиционирования Японии как земли чистого будды⁸. В период Хэйан школа буддийского монастыря Тэндай, основанная Кукаем⁹, стала средством распространения даосской мысли и её инкорпорирование в тантрийский буддизм. Эзотерические буддийские классические произведения, такие как «Махавайрочана-сутра» и «Ваджрасэкхара-сутра»¹⁰, включали в себя даосские символы, такие как инь-ян и пять первоэлементов. Практика «соответствия трёх тайн» (тела, речи и ума) перекликалась с даосской теорией «сущности, энергии и духа», а схема мандалы черпала вдохновение в даосской космологии поднебесной как «круглого неба и квадратной земли» [3, с.189-191]. Концепция Кукая о «достижении состояния Будды в этом самом теле» перекликалась с идеей Гэ Хуна о том, что «моя судьба в моих собственных руках, а не на небесах», и обе они подчёркивали трансцендентность через гармонию между человеческим и божественным бытием. Начиная с X века и до конца XVI века школа Тэндай была крупнейшим в Японии центром монашеского образования. К периоду Камакура (1185–1333) Тэндай стал одной из доминирующих форм японского буддизма с многочисленными храмами и обширными землевла-

⁴ Император Тяньу — 40-й император Японии был важным монархом позднего периода Асука, и его правление оказало глубокое влияние на формирование японской системы Рицурё. Рицурё (яп. 律令制, «система уголовного и гражданского права» или «правовая система»).

⁵ Кайфусо (漢風臨) — самый древний (из известных) сборник японских стихотворений, написанных 64 анонимными японскими поэтами на китайском языке. Составлен в 751 году.

⁶ Чжуанцзы — Чжуан-цзы был величайшим синтезатором даосской мысли в эпоху Сражающихся царств в Китае. Его философия основывалась на «Дао» и проповедовала духовную свободу и единство всего сущего. Его труд «Чжуан-цзы» сочетает в себе философскую глубину и литературную красоту и оказал глубокое влияние на китайскую культуру.

⁷ Баопу-цзы — работа учёного Гэ Хуна (283–343 гг. н. э.) времён династии Цзинь. Произведение состоит из двух частей: «Нэйпянь» (Внутренние главы) и «Вайпянь» («Внешние главы»). Во «Внутренних главах» обсуждаются такие темы даосизма, как техники достижения бессмертия, китайская алхимия, эликсиры и демонология.

⁸ Аллегория буддийского божества Манджушири.

⁹ Кукай — выдающийся японский монах периода Хэйан, основатель школы Сингон в японском буддизме. Он оказал огромное влияние на культурный обмен между Китаем и Японией и развитие японской культуры.

¹⁰ Алмазная сутра — базовый текст буддизма махаяны.

дениями. Воспитанниками Тэндай были основатели новых буддийских движений XII–XIII веков: Хо:нэн, Эйсай, Синран, До:гэн, Нитирэн.

Дзэн-буддизм стал главным катализатором переработки идеи «линьюнь». Через коаны и искусство сформировалась философская система «даосизма и дзэн буддизма как единого целое в японском синкретизме». В этот период происходит семантический сдвиг: космологический термин («ци юнь») сужается до художественной техники («киун» (気韻). Трансформация «линьюнь» в Японии осуществлялась по механизму «редукция - акцентуация» через семиотическую фильтрацию и селекцию адаптивности японской национальной культуры.

Концепция «югэн» (таинственная глубина) унаследовала от «линьюнь» идею невыразимой, ускользающей сущности, проявляющейся в намёке, пустоте и лакуне как промежутке между объектами и вещами. Материализованным символом этой трансформации стали маски Но. Югэн воплощает три эстетических измерения: внушение, пустоту и «пространство». Кацури Ониси интерпретирует его как обладающее такими качествами, как «сокрытость, тонкая двусмысленность и внутреннее богатство», берущими начало в таинственной сути и представленными посредством механизма «упрощения-акцентирования». В плане внушения «югэн» делает акцент на неявной выразительности; например, театр Но использует фрагментарные повествования и пустые пространства, чтобы стимулировать воображение зрителя, создавая «смысл за пределами слов». «Югэн» — это кристаллизация исходной идеи под влиянием японской культуры, преобразующая даосскую космологию в операциональную эстетическую систему через дзэн-буддизм и театр Но. Этот процесс отфильтровывает даосское содержание и включает в себя японскую эстетику, такую как «ваби» и «саби», делая «Югэн» основополагающим эстетическим краеугольным камнем японской культуры [7, с.134-136].

Ваби-саби — основополагающая категория японской эстетики, воплощающая сублимацию даосской духовной эстетики в её локализации. Через символическое выражение несовершенства, мимолетности и простоты она трансформирует даосское мировоззрение «недеяния и естественности» в конкретную эстетическую практику. Этот процесс, опосредованный выбором символов и избирательным резонансом, отказывается от грандиозных космологических дискурсов и вместо этого фокусируется на микроскопических проявлениях внутри конечной материи.

От «бесполезного дерева» Чжуан-цзы, иллюстрирующего «полезность бесполезности», до активного стремления к «несовершенству» в японской чайной

церемонии - символическое воплощение даосской эстетики очевидно. В чёрных керамических чашах Сэн-но-Рикю¹¹ намеренно сохранена асимметрия и трещины глазури, что превращает несовершенства в эстетическое выражение естественности [8, с.165-167]. Чайная комната с соломенной крышей ещё больше трансформирует философию «смирения и самоограничения» в телесный опыт благодаря грубоватым материалам, асимметричной планировке и низкому входу, завершая переход от моральных идеалов к эстетическим символам. Если чёрные керамические чаши Сэн-но Рикю воплощают временность «спокойствия» посредством тактильных символов, трансформируя даосскую концепцию «у-вэй» (недеяния) в три тактильных выражения: грубая керамика и матовая глазурь передают «возвращение к простоте», асимметричная форма воплощает «полноту через кривизну», а трещины глазури и следы обжига служат «узорами времени», переключаясь с утверждением, что «великое мастерство кажется неуклюжим». В отличие от китайской чайной церемонии, делающей акцент на технике, японская чайная церемония, в основе которой лежит «спокойствие», эстетически избирательно развивает даосское представление о времени.

Проведённое исследование демонстрирует, что даосская концепция «линьюнь», пройдя сложный путь семиотической трансмиссии, не была пассивно усвоена японской культурой, но подверглась глубокой креативной трансформации. Через механизмы семиотической фильтрации и селективного резонанса её изначально космологическое и онтологическое содержание было редуцировано и акцентуировано в рамках новых культурных задач, что привело к рождению самобытных эстетических парадигм «югэн» и «ваби-саби».

Библиографические ссылки

1. Ван Цзялян, Ху Хуайлян. Зарождение, смысл и влияние: категория «лэй» в «Чжоуских переменах» // Наука-Экономика-Общество. 2024. Т. 42, № 5. С. 114–124. DOI:10.19946/j.issn.1006-2815.2024.05.008.[王加良,胡怀亮.萌芽、意蕴与影响:《周易》中的“类”范畴思想[J].科学·经济·社会,2024,42(05):114-124.DOI:10.19946/j.issn.1006-2815.2024.05.008.]
2. Ван Дунхуан. Литературная ценность «Дао дэ цзина» и её влияние на последующую литературу // Культура китайских иероглифов. 2025. № 4. С. 51–53. DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2025.04.059.[王敦煌.《道德经》的文学价值及其对后世文学的影响初探[J].汉字文化,2025(04):51-53页.DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2025.04.059.]
3. Чэн Чжицзе, Хэ Лулу. Анализ концепции «управления через недеяние» в «Дао дэ цзине» и её современной значимости // Культура китайских иероглифов. 2024. № 14. С. 189–191. DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2024.14.043.[成智杰,何潞潞.浅析《道德经》中“无为而治”思想及其时代价值[J].

¹¹ Сэн-но Рикю — был прославленным мастером чайной церемонии в Японии, жившим с периода Сэнгоку до периода Адзуты-Момояма. Его называли «Чайным святым». Он коренным образом реформировал и усовершенствовал японскую чайную церемонию, возведя её в ранг искусства и философии.

汉字文化,2024(14):189-191.DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2024.14.043.]

4. Цзян Лимэй. Исследование отношений тела и духа в «Трактате о сидении в забвении» Сыма Чэнчжэня // Исследования мировых религий. 2019. № 6. С. 103–108.[蒋丽梅.司马承祯《坐忘论》身心关系研究[J].世界宗教研究,2019(06):103-108页.]

5. Ха Сяомэй, Ян Цюн. Исследование употребления иероглифа «» в японском варианте древнекитайского текста «Кодзики» // Культура китайских иероглифов. 2025. № 2. С. 169–171. DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2025.02.054.[哈晓梅,杨琼.日本变体汉文《古事记》中“以”字用法考察[J].汉字文化,2025(02):169-171.DOI:10.14014/j.cnki.cn11-2597/g2.2025.02.054.]

6. Ян Лицзян. Эстетическое сознание «югэн» Дзэами Мотокиё через призму «Фуси кадэн» // Современное и древнее творчество. 2023. № 37. С. 4–6. DOI:10.20024/j.cnki.CN42-1911/I.2023.37.001.[杨丽江.从《风姿花传》看世阿弥的幽玄美意识[J].今古文创,2023(37):4-6页.DOI:10.20024/j.cnki.CN42-1911/I.2023.37.001.]

7. Ли Цзясинь, Нью Кэвэй. Исследование концепции «моно-но аварэ» в «Повести о Гэндзи» через природные образы // Молодые литераторы. 2024. № 26. С. 134–136.[李嘉欣,牛科伟.从自然意象探究《源氏物语》中的“物哀”观[J].青年文学家,2024(26):134-136.]

8. Юань Лэй. Изменения чайной культуры эпохи Сун через призму картины «Приготовление чая» // Мир писателей. 2024. № 7. С. 165–167.[袁蕾.从《撵茶图》看宋朝茶文化的变迁[J].作家天地,2024(07):165-167页.]

Становление свободы совести в современной России (на материалах Калининградской области)

Аннотация. Статья посвящена анализу религиозного законодательства в современной России. Цель работы – изучение российского религиозного законодательства в новой России и типологии религиозных объединений. Для решения этих задач привлекается материал правоприменительной практики по Калининградской области. Аналитический метод лежит в основе исследования российского религиозного законодательства.

Ключевые слова и фразы: религиозное законодательство, религиозные организации и группы, свобода совести, Россия, Калининградская область.

Николай ЯРЫГИН

Калининградский государственный технический университет, Россия

Начиная с 1985 года в Советском Союзе шёл процесс распада прежних ценностей, а с 1987 года наблюдался беспрецедентный рост религиозности [2, С. 12.]. Особенно интерес к религии вырос с празднованием тысячелетия крещения Руси в 1988 году. Много говорилось даже о своеобразном религиозном возрождении в стране [21, С. 14.]. Об этом свидетельствует увеличение конфессионального разнообразия и рост количества религиозных объединений в России в последнем десятилетии XX века. Не обошёл этот процесс и Калининградскую область с её культурно-историческими особенностями [23; 24]. Религиозное законодательство новой России с некоторыми особенностями стало соответствовать свободе совести. Начались полноценные социологические исследования по религиозной тематике. В начале 1990-х годов Аналитическим центром Российской академии наук (РАН) проведены опросы под руководством Л. М. Воронцовой, С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана [2]. Весной 1996 года финско-российская исследовательская группа провела опрос среди 1664 респондентов по всероссийской выборке в рамках проекта Всемирной программы изучения ценностей (World Values Survey). Подобное осуществляется с 1970-х годов по единой системе в разных странах мира [6]. Результаты оказались вполне совместимы с названными российскими исследованиями начала 1990-х годов.

Фундаментальные права человека относительно свободы совести прописаны во Всеобщей декларации прав человека, утверждённой и провозглашённой Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 10 декабря 1948 года. В статье 18 этого документа указывается, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии [3, с. 10]. Следуя международным нормам, религиозное законодательство в современной России оформилось в последнем десятилетии XX века. Оно заметно изменилось в плане утверждения свободы совести, что существенно укрепило правовое положение верующих граждан в стране. Принят закон РСФСР «О свободе вероиспо-

веданий» от 25 октября 1990 года [14]. В нём в статье 7 говорилось, что воинскую службу в рядах Вооружённых сил допускается заменять на службу, не связанную с принятием и ношением оружия. Данный закон в редакции от 27 января 1995 года действовал до вступления Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года [15]. Свобода совести была отражена и в основном законе нашей страны – Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года. В частности, во второй главе, гарантирующей права и свободы граждан России, в статье 14 закреплёно равенство всех религиозных объединений и отделение их от государства. Статья 28 Конституции обеспечивает свободу совести и вероисповедания, в статье 59.3 говорится об альтернативной воинской службе в случае невозможности призывника брать в руки оружие при наличии у него соответствующих религиозных убеждений [10]. Соответствующий закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 года появился значительно позднее [16].

В социологии религии применительно к христианству используются три типа религиозных объединений: «церковь», «секта» и «деноминация», из которых первые два термина носят исключительно парный характер. Причём социологическая и теологическая трактовка понятий «церковь» и «секта» заметно отличаются друг от друга. Эти термины сложились в ходе исследования реформационных движений в Европе рубежа XV-XVI веков [18]. Поэтому оперировать сегодня отдельно вне исторического контекста термином «секта» не следует, поскольку в этом случае он приобретает оценочный смысл. Более того, когда этот термин начинает активно использовать журналистская публицистика, он приобретает идеологический и пропагандистский смысл, а научное содержание его выхолащивается. Вполне корректно в этом случае можно использовать термин «деноминация», известный в англоязычной среде с конца XVII века. В бытовом употреблении он является синонимом понятия «конфессия» («вероисповедание»).

На рубеже 1980-1990 годов средства массовой информации создали явный ажиотаж вокруг Новых религиозных движений (НРД), так называемых «то-талитарных сект». К концу 1990-х годов на практике

оказалось, что они немногочисленны и довольно слабы в сравнении с Западом. В целом в постсоветской России НРД воспринимались диаметрально противоположно [7]. С одной стороны они расценивались как признак демократического развития страны, с другой — как религиозно-культурная экспансия чужеродных сил, угрожающая российскому обществу. Поэтому их следовало бы запретить в законодательном порядке. Такую иллюзорную картину всё-таки более всего создавали средства массовой информации, реальной угрозы православию или исламу НРД не несли. Хотя они были довольно активны, ярки и заметны, проявляли несвойственную для российских верующих экономическую инициативу. Летом 1993 года Верховный Суд Российской Федерации принял поправки к действующему тогда закону «О свободе вероисповеданий» для ограничения деятельности НРД. Однако президент России отклонил эти поправки, поскольку уже тогда наблюдался спад миссионерской активности зарубежных проповедников, численно росла лишь Церковь Христа [12, С. 4-6.].

В религиоведении термин «тоталитарные секты» вообще не используется, он возник в ангажированной отечественной публицистике в начале 1990-х годов. «Основным его недостатком считается отсутствие устойчивых признаков, присущих религиозным организациям и группам, относимым к тоталитарным. Чаще всего такие признаки носят оценочный характер и могут применяться избирательно» [8]. Более того, такие термины как «секта», «тоталитарная секта» не упоминаются в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года. В правовом отношении религиозные объединения представлены там в статьях 7.1 и 8.1 в двух формах: религиозная группа, осуществляющая деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица и религиозная организация (местная или централизованная), соответственно имеющая эти признаки [15]. К преамбуле этого Федерального закона есть большой вопрос. В ней подчёркивается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры, при уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Здесь нарушено правило непрерывности деления понятия «религия», то есть делается скачок. Нельзя на одном уровне перечислять православие, христианство, ислам, буддизм, иудаизм, поскольку православие наряду с католицизмом и протестантизмом есть лишь разновидность христианства. Тогда возникает вопрос: что такое православие? По большому счёту это противоречит статье 14.2 российской Конституции о равенстве всех религиозных объединений перед законом [10]. В итоге, некоторые авторы свободу совести пытаются трактовать как свободу для какой-либо избранной конфессии, тогда как другие на это права не имеют. В частности, утверждает-

ся, что в первую очередь России нужно православное христианство, а деятельность миссионеров «религиозно-тоталитарного сектантства» следует ограничить [5, С. 104.]. Если следовать этой линии, то однажды можно потерять и собственную свободу. «Свобода для других — лучшая гарантия твоей собственной свободы» [22, С. 18.]. Свобода совести или есть или её нет, одно из двух, третьего не дано. Сегодня ярлык «секты» уже щедро раздаётся друг другу между различными группами православных активистов внутри самой РПЦ [11]. Следовательно, со свободой совести несовместимы такие термины как «секта» или «тоталитарная секта». Последнее словосочетание вообще выглядит довольно абсурдно, сочетая в себе политологическую и религиоведческую составляющие.

Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 года [13] вызвал в регионах неоднозначный отклик. Так, в очень специфической в религиозном плане Калининградской области произошло следующее. Здесь в собственность РПЦ были переданы последние объекты культурно-исторического наследия прошлых времён, до этого находившиеся в государственной или муниципальной собственности. Среди них оказались не только кирхи и прилегающие к ним строения, но и средневековые замки тевтонского периода, различные защитные сооружения, которые никогда не имели религиозного назначения, а выполняли исключительно оборонительную функцию. Решение это принималось на региональном уровне областной думой скоропалительно, в спешке, одним списком, без всякого публичного обсуждения и серьёзной профессиональной экспертизы [9]. Причём передавались и условные руины этих строений, от которых не осталось каких-либо значимых следов, без точных границ, по сути, к РПЦ отходили участки земли, например, в центре Калининграда или на Куршской косе. Областная власть объясняла срочную необходимость данного решения вступлением в силу этого Федерального закона. В противном случае на эти строения и земельные участки якобы заявят право прежние владельцы — зарубежные религиозные организации. Названный закон в статье 8.3 запрещает подобную передачу иностранной религиозной организации или её представителю [13]. Более того, в законе вообще нет речи о передаче земельных участков, на которых в прошлом располагались какие-либо культовые здания. Причём согласно статье 3.4, передача должна происходить с учётом конфессиональной принадлежности, то есть католикам или протестантам в нашем случае, которые в начале 1990-х годов совершенно безрезультатно в областном центре пытались вернуть себе бывшие кирхи, строившиеся в своё время на собственные средства их единоверцами на этой земле [13]. После соответствующей смены собственника разрешается использовать эти объекты исключительно в рамках уставной деятельности но-

вого хозяина, в нашей ситуации — РПЦ, то есть, для религиозных целей, говорится в статье 10.1 [13]. Трудно до сих пор увидеть религиозную направленность в переданных РПЦ культурно-исторических памятниках прежних времён. Этого нет в работе областной филармонии (бывший католический костёл Святого Семейства) или театра кукол (бывшая лютеранская кирха памяти королевы Луизы), тем более — дворца культуры вагоностроительного завода, известного с советских времён в качестве городской дискотеки под названием «Вагонка» (бывшая евангелическая кирха Христа), где по-прежнему проходят различные музыкальные мероприятия. Названные учреждения культуры областного центра продолжили работу в обычном для них режиме [19, С. 130.].

Удалось отстоять лишь единственную бывшую лютеранскую кирху на самом востоке области, в посёлке Чистые Пруды Нестеровского района [17]. В ней располагался музей поэта XVIII века, прусского подданного Кристионаса Донелайтиса, стоящего у истоков литовской литературы. В последние годы жизни он служил в этой кирхе в качестве пастора. Решение в пользу музея было принято в последний момент при обращении уже к президентам Литвы и России, только тогда эту кирху исключили из общего списка передаваемых РПЦ 15 объектов.

Для выяснения справедливости этой масштабной кампании следует обратиться к истории вопроса. В начале XVI века в Европе началось движение Реформации. Римско-католическая церковь ответила на это Контрреформацией и жёстким преследованием протестантов по всему континенту. С преобразованием Тевтонского ордена в веротерпимое секуляризованное герцогство Пруссия в 1525 году эта территория стала местом притяжения сторонников Реформации со всей Европы. Нашли здесь безопасное пристанище и российские старообрядцы вскоре после раскола XVII века, а с начала XIX века зафиксированы их компактные поселения. Были старообрядцы и среди российских купцов, торговавших в Кёнигсберге и Мемеле [1, С. 3-5.]. В ходе семилетней войны, когда в Кёнигсберге на четыре года установилось российское правление, в городе появились православные приходы. Однако Пётр III, вступивший на российский престол в 1762 году после Елизаветы, быстро вернул Кёнигсберг обратно Пруссии. Согласно переписи населения 1925 года, подавляющее большинство жителей крупнейшего города Восточной Пруссии Кёнигсберга были евангелисты — 89,3%, католики — 4,7%, православные — 0,3% [20, С. 237.]. Если евангелисты и католики имели в достатке свои храмы, то у православных этого не было. Свои службы православная община Кёнигсберга проводила в Лёбенихтской реальной гимназии [4, С. 14.].

Российское религиозное законодательство существенно продвинулось в плане утверждения свободы совести. Правовое положение верующих в России значительно улучшилось. Однако, между преамбулой

Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Конституцией России есть заметное противоречие относительно исключительного положения РПЦ. Как следствие этого, правоприменительная практика по Федеральному закону «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в Калининградской области в силу исторической специфики региона оказалась сильно перекошенной. Наблюдается явное нарушение при реституции религиозной собственности прежних времён. Здесь РПЦ получила в собственность различные активы прошлых времён, на которые совершенно не в праве была претендовать. Определена типология религиозных объединений в формально-правовом отношении: религиозная организация (местная и централизованная) и религиозная группа. Журналистская публицистика очень часто неправильно использует термин «секта», который никак не согласуется со свободой совести и правами верующих граждан. Подобное порой можно наблюдать даже в научной среде. Это никак не способствует миру и согласию в религиозных сообществах, а сеет лишь вражду и недоверие.

Библиографические ссылки

1. Бирюков Георгий (Протоиерей). Русский уголок Восточной Пруссии. — Нестеров: 2005. — 40 с.
2. Бызов Л., Филатов С. Религия и политика в общественном сознании советского народа // Религия и демократия: на пути к свободе совести. Вып. II / Сост. А. Р. Бессмертный, С. Б. Филатов; Под общ. ред. С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана. — М.: Издательская группа «Прогресс и Культура», 1993. — С. 9-42.
3. Всеобщая Декларация прав человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина. — М.: 1993. — 32 с.
4. Губин А. Б. Церкви и конфессии в Кёнигсберге и Калининграде. Церкви, капеллы, часовни // Балтийский альманах: научно-популярный сборник / Калинингр. регион. обществ. фонд культуры, Калинингр. клуб краеведов; А. Б. Губин, И. В. Кожевникова, А. Н. Федорова. Калининград: Аксиос, 2000. — № 13. — 2014. — С. 7-15.
5. Иванова Л. О. Религия и права человека // Социологические исследования. — 1998. — № 6. — С. 102-106.
6. Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. — 1997. — № 6. — С. 35-52.
7. Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. — С. 892.
8. Кантеров, И. Я. «Тоталитарные секты и культы» // Энциклопедия религий / Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. — С. 1270.
9. Карпенко А. М. Передача символически значимых памятников культурного наследия Калининградской области в собственность РПЦ: социальные и культурные аспекты конфликта // Вестник Росс. гос. ун-та им. И. Канта. Вып. 12 Сер. Гуманитарные науки. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — С. 92-95.

10. Конституция Российской Федерации. — М.: «Юрид. лит.», 1993. — 64 с.
11. Коскелло А. С. Епископы в осаде. Одним из побочных эффектов реформ патриарха Кирилла оказались бунты православных активистов против архиереев // Независимая газета. Религии. — 2024. — 21 авг. — С. 9, 10.
12. «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России («круглый стол») // Вопросы философии. — 1996. — № 12. — С. 3-32.
13. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Федеральный закон от 30.11.2010 // Российская газета. — 2010. — 3 дек. — С. 22.
14. О свободе вероисповеданий. Закон РСФСР от 25.10.1990 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. — 1990. — № 21.
15. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 // Российская газета. — 1997. — 1 окт. — С. 3-4.
16. Об альтернативной гражданской службе. Федеральный закон от 25.07.2002 // Российская газета. — 2002. — 30 июля. — С. 9.
17. Орехов Игорь. РПЦ приросла тевтонскими замками и кирхами // Комсомольская правда. Калининград. — 2010. — 29 окт. — С. 17, 21.
18. Островская Е. А. Типология религиозных объединений // Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М. Ю. Смирнова. — СПб.: Платоновское философское общество, 2017. — С. 438-440.
19. Попов Алексей. Рейдеры именем Божиим // Параллели. Литературно-художественный журнал № 1 (10) май 2011. — С. 120-130.
20. Православная община Калининградской области. История создания (По документам ГАКО) / Публикация подготовлена А. Н. Федоровой // Калининградские архивы. — Калининград, 2001. Вып. 3. — С. 237-268.
21. Филатов С., Воронцова Л. Как идёт религиозное возрождение России? // Наука и религия. — 1993. — № 6. — С. 14, 15.
22. Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Фурмана Д. Е. и о. Марка (Смирнова). — М.: Прогресс, 1989. — С. 7-18.
23. Шахов В. А. Рехристианизация российского эксклава юго-восточной Балтии: социокультурный аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. — 2015. — № 4(34). — С. 27-31.
24. Ярыгин Н. Н. Религиозная ситуация в Калининградской области в конце XX века // Проблемы межрегиональных связей. — 2025. — № 2 (30). — С. 76-83.

Служение как явление Российской культуры

Аннотация. Поводом для написания данной статьи стала развернутая научная дискуссия о специфике преподавания новой учебной дисциплины «Обучение служением» в высших учебных заведениях России. Несмотря на разнообразие вопросов и проблем, обсуждаемых в рамках дискуссии, суть её можно свести к спорному и неоднозначному толкованию самого термина «Служение».

Ключевые слова и фразы: служение, героизм, призвание, благодарность.

Светлана ЯШИНА

*Балтийская государственная академия
рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «Калининградский
государственный технический университет», Россия*

Введение

И в самом деле, «что такое Служение?».

На актуальность данного вопроса указывает, например, статья Ивановой М.Е. и Резеповой Н.В. «Служение отечеству и ответственность за его судьбу — традиционная ценность многонационального народа России» [1], в которой авторы раскрывают причины сложности толкования слова «служение» в контексте современной российской культуры. Одной из важнейших причин авторы указывают на то обстоятельство, что само слово в современном языке и в массовой культуре находится на «периферии языкового пространства» [2]. Согласно исследованиям авторов, некоторые словари вообще считают слово «служение» устаревшим. И то обстоятельство, что предпринимаются усилия для возрождения этого слова в его традиционном понимании (или наполнении его новыми смыслами) указывает на важность этой темы исследования. Научный интерес представляет диссертационное исследование Хариной В.Н. «Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение», «должное» [3], в котором «служение» противопоставляется общественно-полезному практическому действию и наполняется нравственным социальным содержанием, а именно, воссозданием духовного единства участников общественной жизни.

Основная часть

В нашей статье мы будем настаивать на определённых бесспорных и очевидных для русской (российской) культуры традиционных смыслов этого слова:

1. Служение — это бескорыстная, жертвенная деятельность на благо государства. Причём очевидность такого толкования исходит не из этатистских установок категорического доверия государству во всех жизненных вопросах, а из очевидного чувства признания государства как «положительно-правовой формы Родины» (И.А. Ильин) [3]. Понятие Родины, Отечества становится его сутью, содержанием, а государство как необходимый элемент объёма понятия Родины, как

«историческая форма» существования Родины. Такое интуитивное, на наш взгляд, чувство сопряжённости служения с Родиной, доказывают интернет-опросы [4], в которых, служба, работа осмысливается как приказ государства (власти), Буква закона, а служение с Духом закона. Таким образом, слово «Служение» формирует «мобилизационное сознание» (2), питает духовные силы человека, и дает четкие духовные ориентиры, что особенно важно для современной духовной культуры, которая сама находится на периферии культурной жизни человечества.

2. Служение — это героизм, нравственная и профессиональная установка на достижение высших показателей в своей деятельности. Исследования концепта служения в этом его толковании максимально сходятся [5], указывая на исторические и культурные истоки рождения этого слова. К таким истокам относится воинская служба, которая в конечных и сущностных своих формах представляет собой героизм, принесение себя в жертву во имя народа, истории своих предков, осознание себя как особой, избранной личности, на которую возложена (самовозложена) задача победы над злом, во имя добра. Избранность для служения — важнейший культурный код и потенциал воинской службы. Избранность для великих дел — это корень любой личности. Ведь каждый человек стремится к пониманию смысла своего бытия, к призванию, к осмыслению своей значимости. Здесь мы можем увидеть процесс рождения новых культурных смыслов термина «Служение», а именно, противопоставление массовому осознанию бессмысленности, абсурдности и «низменности, животности» человеческого бытия новой ценностной установки — значение и достоинство каждой личности. В принципе, значение личности — ценность традиционная, но в эпоху массового сознания, она проходит процесс «зановорождения». Согласимся с авторами [6], которые указывают, что в национальной культуре народов России не было самостоятельного смысла термина служение, его культурное усвоение шло через понятие герой. Интересные выводы делают авторы статьи «Концепт «служения» в нравственной культуре России» (2), связывая понятие служения с историческими изменениями в области характера, условий и мотивации труда. История устоявшейся российской традиции служения связывается в первую очередь с эпохой Петра I, в которой особой

социальной ценностью наделялось воинское сословие и профессионалы-технические специалисты. В послепетровскую Россию, в просветительских традициях впервые высоко был оценен «духовный труд», связанный с развитием свободных творческих видов деятельности. И в этой области появились свои герои, гении литературы, музыки, живописи, науки. Формируется образ джентльменского [7] служения музе. Гуманитарная направленность, духовная деятельность, созидание духовных образов и образцов становится своеобразным сужением истине, добру и красоте. Известны высказывания знаменитых гениев русской литературы, оценивающих своё призвание как служение.

3. Служение как благодарность. Эта интерпретация термина «служения» менее известна и исследована, но, именно она представляет особый интерес в нашей культурной жизни.

На самом деле, очевидность культурной связи служения и благодарности высказана в этимологии слова. Благодарность буквально означает «благо дарю». Служение выступает как бескорыстное дарение своих духовных, интеллектуальных и физических сил ради блага ближнего. В современной философской литературе благодарность определяется как действие, которое показывает взаимное признание, возникающее между людьми в социальных взаимодействиях. Поэтому благодарность становится важнейшим показателем консолидированности в обществе, высокой степени солидарности. В научных исследованиях, посвящённых проблеме служения как форме солидарности, четко прослеживается идея о том, что служение преодолевает «вселенскую отчуждённость», восполняет потерю связи и разрыв связей между людьми, независимо от формы служения и его характера, будь то религиозное служение или служение в сфере мирской профессии. В статье Клецкова А.В. «Служение как экзистенциальная сущность человека в богословско-философских идеях И.А. Ильина» [8] отмечается сущностная характеристика служения — его созидательная сила. Обратим внимание на то, что служение направлено не столько на созидание материальных и духовных ценностей, сколько на созидание социальных связей. Особенно очевидна связь служения и семейного единства, служение семейным ценностям и сохранению семьи (в дальнейшем понимание служения как долга и ответственности перед семьей мы увидим преобладающими из положительных ответов по результатам опросов современной российской молодёжи).

В настоящее время в научной литературе появляются статьи, исследующие связь Служения и Благодарности. Так, в статье О.А. Полюшкевич «Философия благодарности» [8] проводятся следующие идеи: автор утверждает, что Благодарность является одним из точных инструментов (барометров), показывающих реальный уровень духовного развития общества, и, в том числе, способность современного российского

гражданина служить обществу, быть благодарным обществу, стране, предшествующим поколениям, возводившим российское государство, «истративших» свои телесные и духовные ресурсы для настоящего жизненного пространства, в котором живёт современный россиянин. Как верно указывает автор: «невозможно быть благодарным, не зная о том, что сделано для тебя» [9]. В связи с этим необходимо отметить, что сам общественный проект «Обучение служением» направлен не столько на практическую помощь социальным группам и на решение социально-значимых проблем общества, сколько на нравственное воспитание у студенчества чувства благодарности и знания, кого и за что мы должны благодарить. Именно поэтому главная задача преподавания учебной дисциплины «Обучение служением» — это наполнение учебного материала знаниями о великой роли предшествующих поколений в создании современных условий жизни. Очевидной становится конечная цель гуманитарного образования — создание трансдисциплинарного процесса изучения истории, основ российской государственности, обучения служением. Как известно, сам проект «Обучение служением» предполагает разные направления его реализации: 1. в виде выпускной (дипломной) работы, в которой показывается актуальность и социальная значимость дипломной работы; 2. в виде производственной практики, в рамках которой студент совмещает процесс овладения навыками и умениями в профессиональной области, как бы совмещая служение и профессиональную деятельность. Но существует базисный и фундаментальный смысл преподавания «Обучения служением» — получение знаний, которые питают наши души чувством благодарности (эмпатии) и рациональным пониманием того, что сделано предшествующими поколениями. На наш взгляд, идея исследователей о значимости когнитивного аспекта в процессе преподавания учебной дисциплины «Обучение служением» имеет особое значение. От эмпатии к знаниям — вот одна из важнейших задач. Отметим, что в статье, как раз и выделяются три аспекта Служения (благодарности) — когнитивный, аффективный и деятельностный. Когнитивный аспект служения — базисный, потому что от него зависят эмоциональный и практический аспект. Достоинством исследования служения как благодарности, является эмпирические данные, которые фиксируют духовно-нравственную ситуацию в современной культуре России. Данные, полученные в результате опросов, проведённые Полюшкевич О.А. представлены в **таблице 1** [10]. Мы лишь добавили комментарии, которые, на наш взгляд, помогут осмыслить цели, задачи и способы реализации общественного проекта «Обучение служением» и понять специфику служения в современных культурных реалиях.

Таблица 1. К кому испытывают социальную благодарность

Группа (объекта)	Процент	Комментарий
Бог, мир, Вселенная	10%	Этот тип благодарности носит ярко выраженный неперсонифицированный и безличностный характер. Когнитивный аспект минимален, т.к. данные объекты трансцендентны. Аффективный момент максимален, так как это «случайные» эмоциональные порывы. И главное — отсутствие деятельностного аспекта. Можно отметить, что служение Богу и Вселенной — выбор «одинок», глубоко личностный выбор, основанный на чувстве сопричастности к трансцендентному. Этому научить невозможно. Однако эти 10% говорят о том, что чувство благодарности укоренено в человеке, но в условиях НЕЗНАНИЯ, кого и за что благодарить (кому служить), выбор падает на самые древние непознаваемые ценности культуры.
Родители	7%	Этот тип благодарности носит ярко выраженный персонифицированный характер. Это тип социальной благодарности, основанный на знании социальных ценностей (ценности семьи) и чувстве привязанности к социальной группе. Когнитивный аспект в данном случае минимален, а аффективный и деятельностный выражены ярко. Служение семье — задача семейного воспитания. 7% говорят о ситуации упадка семейных ценностей в современной культуре.
Друзья	5%	Этот тип благодарности носит персонифицированный характер. В данном случае доминирует аффективный аспект благодарности как служения. Когнитивный аспект также минимален. Деятельностный аспект индивидуален и ситуативен.
Президент (государство)	2%	Данный тип благодарности носит ярко выраженный как персонифицированный, так и неперсонифицированный характер. 2 % демонстрируют нам ситуацию с отсутствием когнитивного аспекта, другими словами, непонимания роли государства и органов власти в обеспечении необходимых условий для развития общества и личности. Воспитание благодарности как служения в данном аспекте — задачи преподавания курса «Истории», «Правовой компетентности и гражданской позиции» и «Основ российской государственности».
Страна (отечество, Родина)	2%	Этот тип благодарности носит неперсонифицированный характер, когнитивный, аффективный и деятельностный аспекты одинаково представлены в осмыслении объекта благодарности. 2% фиксируют следующую культурную ситуацию в жизни современной российской молодежи: отсутствие социальной благодарности, непонимание (отсутствие знаний) сущности социальной жизни, фундаментальных условий социального блага (объекта благодарности). Как нам представляется, воспитание и научение служению стране (малой родине) является целью учебной дисциплины «Обучение служением». Коррелируется с принципами 3 миссий университета (высшего образования): культурно-воспитательная миссия, миссия профессиональная и миссия служения региону в помощи решения социально-значимых задач.
Дети	1%	
Ни к кому	70%	70% говорят о тотальном отсутствии понимания необходимости благодарности, а следовательно, служения. Незрелость когнитивного, аффективного и деятельностного начала в мотивации поступков, выбора профессии и осмыслении своего будущего, являются достаточным аргументом для обоснования необходимости введения дисциплины «Обучения служением». 70% говорят также о том, что в культуре современной России преобладает индивидуализм, благодарность носит ситуативный характер, чаще всего не требующий деятельностных актов. Благодарность как константа поведения, отсутствует.
Другое	3%	

• Для сравнения приведем результаты научного исследования, проведенного Ю.В. Балаксиной и А.Б. Алиевой, и представленного в статье «Тема служения в представлениях современных россиян» [11]. Основным вопросом социологического исследования был вопрос о сущности служения. Сущность служе-

ния в данном опросе сводилась к выяснению объекта (субъекта) служения, которому человек готов отдать все интеллектуальные, физические и духовные силы. Особое внимание вызывают ответы на вопрос «Чему готовы отдать все силы?». Интересным образом итоги совпадают с результатами, представленными в **табли-**

це О.А.Полюшкевич. В исследовании Балакишиной Ю.В. и Алиевой А.Б. такими объектами (субъектами) являются по мере убывания: Бог, Церковь, Родина, Отечество, Армия. Семья, друзья и родные, незащищённые слои населения находятся на периферии объектов служения. Обратим внимание, что, Бог как объект служения, занимает устойчивое первое место в иерархии объектов служения. С одной стороны, этот факт свидетельствует о том, что ярчайшим примером для россиян подлинного служения является служение религиозное. Профессиональное служение (или служение в рамках профессиональной деятельности) вообще отсутствует в списке объектов, к которым современный россиянин испытывает чувство готовности отдать все силы. Обратим внимание: а) неслучайно идея введения общественного проекта «Обучение служением» зародилась в США, протестантской культуре, основным культурным кодом которой, является служение в рамках мирской профессии и светской, повседневной жизни. «Service Learning», как американский проект, решает утилитарные задачи, поскольку результаты «служения» в рамках утилитарного подхода очевидны, их можно зафиксировать, измерить. Термин «service» многозначен, но в русской культуре речи сущность служения и сервис находятся в идейно противоположной плоскости. В англоязычной культуре смысл служения коренится в указании услуги, принижении значения служения до принципа полезности. В традициях русского языка термин «служение» имеет совершенно противоположный смысл – жертвенность и бескорыстие. Становится понятными результаты исследования: современный россиянин служение воспринимает как нечто возвышенное над мирской жизнью, как задачу, не связанную с профессиональной, а следовательно, повседневной деятельностью. Тот факт, что результаты опроса говорят о религиозном смысле служения, как его понимает большинство респондентов, приводят нас к следующим предварительным выводам. Во-первых, американизация и «вестернизация» культурных процессов в России не достигла своей цели, не разрушила культурный код российской жизни. Сохранилось сакральное, святое, скрытое, потаенное стремление служить высшему. Другими словами, несмотря на деформацию современной системы ценностей, духовные ценности остаются определяющими. Во-вторых, представляется, что сохранение Бога как высшей ценности, говорит ещё об одном важном феномене русской культуры как соборности, которая идейно тесно сопряжена со служением. Соборность – это идеальная форма единства личности и общества, единства «Я и –Мы». Выбор Бога как высшего объекта (правильнее субъекта) служения свидетельствует о том, что современный россиянин испытывает дефицит общения, недостаточность подлинного духовного общения в процессе профессиональной деятельности. Феномен отчуждения от других людей как раз и продемонстрирован в результатах опросов (5% – служение

друзьям, 7% – родителям и т.д.). Поэтому выбор падает на трансцендентные сущности, служение которым можно рассматривать как поклонение высшему. Служение, в этом его осмыслении, понимается как преодоление отчуждения. Факт выбора Бога также свидетельствует, что даже в век повальной технизации, цифровизации, кажущегося доминирования материальных потребностей и ценностей, духовные основы общества остаются конечным выбором современного человека. Бог как объект служения также свидетельствует о преобладании чувства сопричастности к истории, общественной жизни и духовной культуре.

- В процессе исследования предпочтений в выборе объекта служения мы обратили внимание, что ни один из респондентов не связал служение со своей будущей профессией, что, с одной стороны, говорит о том, что выбор профессии диктуется скорее материальными или социальными обстоятельствами, а не внутренней потребностью личности. С другой стороны, будущая профессиональная деятельность и служение воспринимаются как антиподы. На это обстоятельство указывают участники дискуссии о сущности служения [12].

- В ниже представленном фрагменте мы приводим иллюстративные примеры для понимания служения в рамках профессиональной деятельности. В процессе разработки общественного проекта «Обучение служением», как нам представляется, одним из плодотворных приемов обучения служением, является изучение образцов служения своей профессии, а следовательно, стране, государству, людям. Исторические примеры великих достижений, творческого и бескорыстного служения, бескорыстной самоотдаче инженерному делу (для студентов технических специальностей), очень важны для современного российского студенчества. Современной культуре служения не хватает образцов для подражания. Это говорит о слабой информационной подготовке в рамках изучения истории российского инженерного дела. Такой подход позволяет не только понять сущность «инженерного служения», но и знать, кого и за что современная культура должна благодарить за беззаветной служение своей профессии. Если бы современный россиянин знал образцы профессионального служения, тогда иерархия объектов служения могла быть в корне иной.

Ниже мы приведём (выбор автора) образцы служения как беззаветной преданности своей профессии.

Величайшим примером служения в своей профессии – ИНЖЕНЕРНОГО ДЕЛА – является великий инженер России Владимир Григорьевич Шухов. (1853-1939).

В народной культуре на рубеже 19-20 веков личность В.Г. Шухова оценивалась как «первый инженер России», «русский Леонардо», «человек- фабрика».

Диапазон творческих интересов Шухова был поразительно широк. Нефтепереработка, теплотехника, гидравлика, судостроение, военное дело, реставрационная наука – во всех этих столь разнородных областях он сделал фундаментальные изобретения, создал

Рис. 1. Владимир Григорьевич Шухов. (1853-1939).

технологии и конструкции, ставшие прорывом в будущее.

Сооружения Шухова, помимо своих чисто инженерных достоинств, важны для нас тем, что позволяют погрузиться в эпоху первой технической революции, когда понятие «техника» имело ещё безоговорочно положительное содержание.

Изобретённые им совершенные конструкции резервуаров, трубопроводов, насосов, нефтеналивных судов, нефтеперегонных аппаратов намного опередили свое время, теории их конструирования были признаны классическими, а формулы расчёта вошли во все учебники и справочники, в том числе и в первый русский курс «Технологии нефти» [13].

В статье «Первый инженер Российской Империи и Советского Союза» автор указывает на необычайную разноплановость его инженерных интересов, его постоянное стремление отвечать своими разработками на технические запросы своего времени, на то, что весь его труд является образцом служения. В России, где нефть является важнейшей составляющей экономического развития и благополучия, мы должны благодарить Шухова В.Г. за его изобретения первого нефтепровода, первых насосов для перекачки нефти,

первого трубопровода для транспортировки керосина, нефтеналивные баржи. Крекинг также является плодом инженерного мастерства Шухова, изобретение которого, позволяет и сегодня нефтеперерабатывающей промышленности создавать ценные нефтепродукты. Формулу Шухова для оптимальной транспортировки нефти по трубопроводам используют и в современной нефтепромышленности. Как отмечается в литературе, современные инженеры до нашего времени применяют методику расчётов движения нефти, разработанную Шуховым. Москва должна быть благодарна Шухову за его проект водоснабжения Москвы (первый водопровод был спроектирован и сделан Шуховым в Тамбове). Мостостроение (500 мостов через реки России), проекты реставрации зданий (древний минарет в Самарканде), вращающаяся сцена МХАТа. Великий вклад в современную архитектуру (висячие крыши без стропил, «абстракции в металле», знаменитая башня на Шаболовке) оценен как высший образец служения не только строительному мастерству, но и искусству. Служение и техническому и художественному неразрывны. В статье, посвящённой жизни и техническому творчеству Шухова В.Г., знаменательно заключение, которое мы цитируем: «Сегодня, когда за окном XXI век, память о Владимире Григорьевиче Шухове, замечательном человеке и гениальном инженере, жива и свежа. Для новых и новых поколений российских инженеров и исследователей он был и остаётся символом инженерного гения и примером служения своему делу, своему Отечеству. И он по праву заслуживает наименование: «Лучший инженер Российской Империи и Советского Союза», пример Шухова В.Г. будет «напоминать будущим инженерам о великих делах сынов и дочерей России, о том, что Родине по-прежнему необходимы талантливые инженеры и преданные патриоты, а также о том, что Владимир Григорьевич Шухов всегда будет символом несокрушимости российской инженерной мысли и неизбежного возрождения России» [14].

Также величайшим примером служения ИНЖЕНЕРНОМУ ДЕЛУ является П.К. Ощепков.

«Создатель первых в мире радиолокационных станций, организатор нового научно-технического направления — интроскопии, а также в одного из активных исследователей в поиске альтернативных источников энергии» [15]. Его жизнь и судьба есть яркий пример бескорыстного, в условиях репрессий 1937-1941, служения научной идее, которая принесла величайшую пользу и безопасность всему человечеству. Мы благодарны его служению за идею радиотехнического обнаружения самолетов и других технических объектов, за непрестанное стремление реализовать эту идею на практике, что во время Великой отечественной войны сыграло немаловажную роль в противовоздушной обороне страны. П.К. Ощепков является первым разработчиком принципов радиолокации, и не смотря на то, что ввиду поздней реабилитации после необоснованных репрессий, его имя не получило широкого

признания и не попало в список лауреатов Сталинской премии в области радиолокации, он продолжал разрабатывать проекты новых РЛС. Мы должны быть благодарны великому изобретателю за не менее великую идею интроскопии. Он был разработчиком теоретических основ компьютерной томографии и ультразвуковых исследований, которыми пользуются все современные люди, и которые служат во благо всех людей. Его служение человечеству ярко видно в создании дискуссионного проекта энергоинверсии, но сама идея получения электроэнергии из тепловых явлений, является не только образцом служения человечеству, но и природе. На надгробии его могилы высечено — отцу радиолокации, интроскопии, энергоинверсии. Несомненно, служение как благодарность великим изобретателям, как продолжение их творческой инженерной деятельности, есть важнейшая составляющая в процессе реализации проекта «Обучение служением».

Заключение

Резюмируя наши комментарии к данным исследованиям, стоит отметить следующие особенности служения как феномена российской культуры. Во-первых, очевидным является трансформация понимания сущности служения в истории форм и видов служения. Основным направлением трансформации очевидно является смещение объекта служения: от константного, устойчивого, основанного на культурных традициях, образца религиозного, воинского и социального служения к ситуативному, изменчивому, основанному на личных и индивидуальных предпочтениях. Во-вторых, абсолютное большинство отрицательных ответов по поводу объекта служения свидетельствует также о том, что в современной культуре отсутствует или находятся на периферии культурной жизни знания, чувства и эмоции, которые жизненно важны для процветания и развития любой культуры, а именно, осознание сопричастности к традициям, культурным ценностям, образцам действия, которые обеспечивают существование культуры как таковой. В-третьих, опираясь на идею о трёх уровнях служения (когнитивного, аффективного и деятельностного), можно утверждать, что основополагающим является когнитивный аспект — знание объекта благодарности. В развитии знаний заключается гуманитарная задача в реализации общественного проекта «Обучение служением». В ситуации отсутствия знаний (осознанной информации) любая практическая деятельность, превращается в повседневный тяжкий труд зарабатывания материальных благ или способ реализации индивидуальных притязаний. В-четвёртых, реализация проекта «Обучение служением», конечно, требует развития эмоциональной компоненты (желание, интерес, сострадание, сочувствие и т.д.) деятельностной компоненты (сотрудничество с партнёрами, помощь и взаимодействие посредством минимальных профессиональных навыков). Преувеличение значения

Рис. 2. Павел Кондратьевич Ощепков (1908-1992).

практической составляющей служения без осмысления великой роли служения, без понимания культурных традиций России, служение может приобрести игровую форму, которая затемнит смысл, и воспитает лишь личностные амбиции и конкурентноспособность. Эти качества, конечно, важны в современной массовой культуре, но они, по сути, не имеют никакого отношения к российским традициям служения как самоотдачи обществу, которое каждодневно воссоздает условия для нормальной жизни.

Вывод. Общественный проект «Обучение служением» при всей разнонаправленности его реализации направлен на возрождение духовных традиций русской культуры, культуры бескорыстного служения обществу как формы благодарности предкам за их самоотверженный труд. Поэтому для реализации этого проекта необходимы знания в области культурологии, истории культурного развития России, примеров образцового служения Родине. По сути, этот проект направлен на «проектирование» российской идентичности, преодоление «европеизации» образования, конструктивного «возвращения» к истокам российской культуры, её жизненных сил и творческих начинаний.

Библиографические ссылки

1. Иванова М.Е., Резепова Н.В. Служение отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум, 2023, №2. - 176.- М.- с.40.
2. Иванова М.Е., Резепова Н.В. Служение отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум, 2023, №2. - 176.- М.- с.40-47.
3. Харин В.Н. Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение», «должное». На материале концепции С.Л. Франка: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.11.
3. Клецков А.В. Служение как экзистенциальная сущность человека в богословско-философских идеях Ильина И.А. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке., 2019. - т.8. №5А
4. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74. [Электронный ресурс]. URL://[https:// cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti) (дата обращения 1.09.2025)
5. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74. [Электронный ресурс]. URL://[https:// cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti) (дата обращения 1.09.2025)
6. Иванова М.Е., Резепова Н.В. Служение отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная ценность многонационального народа России // Этносоциум, 2023, №2. - 176.- М. - с. 40.
7. Бондаренко Д.И., Овчинникова Е.А. Концепт «служения» в нравственной культуре России. [Электронный ресурс]. URL://<https://theoreticalappliedethics.org/wpcontent/uploads/> (дата обращения 1.09.2025г.)
8. Клецков А.В. Служение как экзистенциальная сущность человека в богословско-философских идеях Ильина И.А. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке., 2019. - т.8. №5А
9. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74. [Электронный ресурс]. URL://[https:// cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti) (дата обращения 1.09.2025).
10. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 67–74. [Электронный ресурс]. URL://[https:// cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti](https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-blagodarnosti) (дата обращения 1.09.2025).
11. Балакшина Ю.В., Алиева А.Б. Тема служения в представлениях современных россиян» [Электронный ресурс]. URL://https://www.academia.edu/29745440/Тема_служения_в_представлении_современных_Россиян (дата обращения 1.09.2025)
12. Балакшина Ю.В., Алиева А.Б. Тема служения в представлениях современных россиян» [Электронный ресурс]. URL:https://www.academia.edu/29745440/Тема_служения_в_представлении_современных_Россиян(дата обращения 1.09.2025)
13. Скупов Б. Первый инженер Российской империи и Советского Союза.[Электронный ресурс] URL.<https://ardexpert.ru/article/7203/> Первый инженер Российской империи и Советского Союза. (дата обращения 1.09.2025)
14. Скупов Б. Первый инженер Российской империи и Советского Союза [Электронный ресурс]. URL.<https://ardexpert.ru/article/7203/> первый инженер российской империи и Советского Союза. (дата обращения 1.09.2025)
15. Матвеев В. П.К. Ощепков : пример служения отечественной науке т технике.[Электронный ресурс] URL <http://gia-stk.ru/mi/adetail.php?ID=168657> \ П.К. Ощепков: пример служения отечественной науке и технике. (дата обращения 1.09.2025)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асеева Мария Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (ВГУЮ РПА Минюста России), aseevamaria@mail.ru

ВАН СЯОЮЙ — стажёр Факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / wxu42081@163.com

Гомбоева Маргарита Ивановна — доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры, искусств и дизайна Факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / m.i.gomboeva@gmail.com

Горбунова Виктория Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая безопасность», ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / viktoriya.gorbunova@klgtu.ru

Гусарова Светлана Витальевна — кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции», ВГУЮ (РПА Минюста России), Москва, Россия / Gusarova34141@gmail.com

Давыдова Ольга Александровна — директор Калининградского института управления, Россия / mail@kiu39.ru

Дорофеева Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / elena_dorofeeva_79@mail.ru

Иванова Юлия Валентиновна — профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / ivanovayuv@gmail.com

Калита Светлана Павловна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, руководитель профессионального студенческого объединения «Музеологическая студия», Российский университет дружбы народов (РУДН) им Патриса Лумумбы, Москва / sve-kalita@yandex.ru

Кафидов Владимир Викторович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», Россия / vvkafidov@gmail.com

Кожиев Александр Юрьевич — аспирант Факультета бизнес-информатики и управления комплексными системами, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва

Кузин Владимир Иванович — кандидат экономических наук, директор аналитического центра ИНОТЭКУ, Калининградский государственный технический университет, Россия / kuzin1962@yandex.ru

Кулаков Владимир Иванович — доктор исторических наук, начальник Балтийской экспедиции Российского института археологии РАН, Россия / drkulakov@mail.ru

МА ИН — преподаватель английского языка Хэйлунцзянского профессионального института изящных искусств «Саньцзян», Китай / 2283624530@qq.com

Наринян Арам Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / aram.narinian@mail.ru

СЕ СИТУН — аспирант кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / xxt19940303@163.com

Сундueva Дина Борисовна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / dina-sundueva@yandex.ru

ЧЖАН МЯО — стажёр Факультета культуры и искусств, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / miaomiao426@163.com

ЧЖАН СЯОЧЖЭНЬ — преподаватель Школы новых медиа Цзилиньского университета искусств (Китай), аспирант кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия / 1003438496@qq.com

ЧЖАН ШАОЛУ — декан, доцент Хэйлунцзянского профессионального института изящных искусств «Саньцзян», г. Харбин, Китай / 105382675@qq.com

Ярыгин Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / yaryginn@mail.ru

Яшина Светлана Львовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии, Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / ysl58@mail.ru

